

Министерство культуры Республики Крым
Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования Республики Крым
«Крымский университет культуры, искусств и туризма»

ТАВРИЧЕСКИЕ СТУДИИ

№ 13 (2017)

ИЗДАТЕЛЬСТВО

АНТИКВА

Симферополь
2017

Рекомендовано к печати Учёным советом
ГБОУ ВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма»
(протокол № 6 от 30 августа 2017 г.)

Редакционная коллегия:

Главный редактор — В. А. Горенкин, ректор ГБОУ ВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма», кандидат политических наук, доцент
Заместитель главного редактора — О. Б. Элькан, кандидат культурологии

Члены редакционной коллегии:

В. И. Нилова, доктор искусствоведения, профессор
Л. И. Редькина, доктор педагогических наук, профессор
О. В. Резник, доктор филологических наук, профессор
А. В. Швецова, доктор философских наук, профессор
Л. А. Штомпель, доктор философских наук, профессор
О. М. Штомпель, доктор философских наук, профессор
О. В. Баева, кандидат исторических наук, доцент
Е. В. Донская, кандидат культурологии, доцент
А. Ю. Микитинец, кандидат философских наук
О. И. Микитинец, кандидат философских наук
А. В. Норманская, кандидат культурологии
С. А. Стасюк, кандидат искусствоведения, доцент

Г. Н. Гржибовская — литературный редактор
В. И. Цирульник — консультант по английскому языку
А. Н. Жаворонков — ответственный секретарь

Таврические студии. — Симферополь : ООО «Антиква», 2017. — № 13. — 166 с.

Журнал «Таврические студии» включён в национальную информационно-аналитическую систему РИНЦ.

За достоверность информации, содержание статей редакция ответственности не несёт. Мнения, высказанные авторами в статьях, могут не совпадать с точкой зрения редакционной коллегии.

ISSN 2307-8758 (print)

© ГБОУ ВО РК «Крымский университет культуры,
искусств и туризма», 2017
© Оформление. ООО «Антиква», 2017

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ
ГБОУ ВО РК «КРЫМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ КУЛЬТУРЫ,
ИСКУССТВ И ТУРИЗМА»

**ВСЕРОССИЙСКАЯ ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ДЛЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ
В СФЕРЕ ИСКУССТВА
6-7 ИЮНЯ 2017 Г.**

**ВТОРАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«КРЫМ В ОБЩЕРОССИЙСКОМ
КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ:
РЕАЛИИ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ»
7-8 ИЮНЯ 2017 Г.**

Симферополь

ВОПРОСЫ КУЛЬТУРОЛОГИИ

В. В. Новосельская

Региональная культурная политика в контексте общегосударственной: сущностные черты и особенности реализации в современной России

Статья посвящена выявлению сущности региональной культурной политики в контексте общенациональной и соответствующих задач, поставленных в стратегических законодательных и нормативно-правовых документах Российской Федерации. Дано определение региональной культурной политики, с одной стороны, представляющей определенный уровень общегосударственной культурной политики, а с другой, выступающей как относительно самостоятельная область культурной политики, направленная на всестороннее культурно-историческое развитие соответствующей территории. На определение и эффективное использование всех ресурсов, имеющихся в регионе (природных, экономических, демографических, материально-технических, творчески-интеллектуальных и др.), для оптимизации и развития культуры, достижения социально значимых культурных целей. Исходя из этого, рассмотрены сущностные черты и особенности реализации региональной культурной политики в современной России.

Ключевые слова: государственная культурная политика, региональная культурная политика, субъект культурной политики, модель культурной политики, уровень культурной политики, национальная культура, культура региона.

Введение

Вопросы культурной политики являются одними из наиболее значимых в современной России. В стране, исторически имеющей уникальное региональное и этнокультурное разнообразие, объединяющей на своей территории представителей 193 национальностей [См. 1] и 85 субъектов, имеющих региональную и социокультурную специфику, исторически неизбежно должен осуществляться комплекс мер, направленных на развитие и полноценное совместное существование всех субъектов и участников общенационального бытия.

Важнейшим стратегическим ресурсом в этом плане выступает культура, понимаемая широко, как комплекс и соответствующий процесс производства и воспроизводства духовных и материальных ценностей, как образ жизни, характер жизненного устройства, система коммуникаций, социальных взаимодействий, как своеобразный сценарий жизнедеятельности соучастников определенного социального бытия. «Образ культуры — это очень широкое понятие, вбирающее в себя и представления о том, какую культуру мы создаем, каким мы хотим видеть социокультурное пространство,

среду, в которой живем», — отмечает О. Н. Астафьева [9, с. 291].

То есть культура, по сути, составляет основу бытия человека и именно поэтому в современном обществе принципиально меняется отношение к культуре — культура возводится в ранг национальных приоритетов, выступает важнейшим фактором роста качества жизни и гармонизации общественных отношений, залогом динамичного социально-экономического развития, гарантом сохранения единого культурного пространства и территориальной целостности государства, единства нации и т. п. [См. 2, 3, 5].

Именно это подчеркнул А. Я. Флиер, отметив, что «в наше время процедуры социального регулирования в существенной мере обретают характер культурного регулирования и осуществляются как действия по обеспечению именно культурных интересов людей. Социальное все больше и больше превращается в культурное. А это означает, что науки о культуре во все большей мере становятся политическими науками, науками об управлении обществом» [20, с. 9].

То есть культура выступает как социорегулятивный механизм, обеспечивающий возможность управления обществом, опираясь не на административно-силовые методы, а на традиционные и инновационные культурные ценности, социокультурное проектирование, использование потенциальных возможностей культуры как стратегического ресурса социально-гуманитарного развития.

Известно, что эффективное управление невозможно без уяснения принципов и основ соответствующей деятельности, то есть, из чего следует исходить, на что ориентироваться, и что следует учитывать при принятии социально значимых решений и проведении социальных преобразований. Этот факт обусловил актуальность проводимого исследования, посвященного общетеоретическому анализу, выяснению сущностных особенностей такого

важнейшего направления политики, как региональная культурная политика.

Как показывает анализ научных исследований, посвященных вопросам культурной политики, соответствующая проблематика является одной из наиболее актуальных в современной отечественной научной мысли. Культурную политику как социальный феномен исследуют Г. А. Аванесова, О. Н. Астафьева, Е. П. Бабякина, А. С. Балакшин, Л. Е. Востряков, Н. К. Гасанова, Т. М. Гудима, В. С. Жидков, О. А. Жукова, Н. В. Ижикова, И. В. Кондаков, А. В. Костина, В. М. Межуев, К. Е. Разлогов, С. Б. Синецкий, А. Я. Флиер и др.

Актуальные проблемы государственной культурной политики в современной России рассматриваются Г. А. Аванесовой, О. Н. Астафьевой, Е. П. Бабякиной, Т. Е. Богатыревой, В. П. Большаковым, Л. Е. Востряковым, Г. Г. Карповой, И. В. Малыгиной, И. К. Москвиной, С. Б. Синецким, А. Я. Флиером, А. С. Ханнановой и др.

Вопросы региональной культурной политики поднимаются в работах Г. А. Аванесовой, О. Н. Астафьевой, С. Д. Бакулиной, И. А. Василенко, Л. Е. Вострякова, Н. М. Геновой, С. Н. Горюшкиной, Л. Б. Капустиной, И. В. Кондакова, И. Я. Мурзиной, В. Н. Стрелецкого, Г. Л. Тульчинского, Е. Н. Яковлевой и др.

В данной статье, учитывая уже накопленные знания, рассматривается региональная культурная политика в контексте общегосударственной, выявляются сущностные черты региональной политики и определяются особенности ее реализации в современной России.

Современная культурная политика России

В настоящее время существует достаточно много определений культурной политики, акцентирующих внимание на ее определенных аспектах — управленческом, ценностном, консолидирующем, организационном, целеполагающем и пр. В нашем исследовании

довании мы придерживаемся классического определения, которое было дано на заседании круглого стола ЮНЕСКО в 1967 году в Монако. В докладе «Политика в сфере культуры — предварительные размышления» политика в сфере культуры была определена как «комплекс операционных принципов, административных и финансовых видов деятельности, и процедур, которые обеспечивают основу действий государства в области культуры». В этом контексте культурная политика выступает как социальный феномен, представляющий собой «всю сумму сознательных и обдуманых действий (или отсутствие действий) в обществе, направленных на достижение определенных культурных целей, посредством оптимального использования всех физических и духовных ресурсов, которыми располагает общество в настоящее время» [См. 18].

Таким образом, культурная политика рассматривается как сознательное регулирование в сфере культуры, как система целенаправленных действий и решений, обеспечивающих культурное развитие общества. В связи с этим встает вопрос о субъектах культурной политики, их роли и функциях. Главным субъектом политики в целом и культурной — в частности, является государство, располагающее максимальными ресурсами управления в обществе. В частности, в Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года отмечено, что «государство по-прежнему остается основным стратегическим инвестором культуры и культурных институтов. И в ближайшие годы ситуация кардинально не изменится. Это, с одной стороны, делает государство ключевым субъектом культурной политики, обязанным четко формулировать инвестиционные задачи, сочетая это с ценностно ориентированным подходом, с другой стороны, в условиях существующих бюджетных и ресурсных ограничений требует повышения эффективности и адресности инвестиций в человеческий капитал,

культуру и культурную инфраструктуру» [См. 5].

При этом следует отметить, что культурная политика никоим образом не должна исчерпываться деятельностью государства и государственных институтов — в ней должны принимать участие и органы местного самоуправления, и различные общественные организации, и отдельные личности, и иные субъекты. Однако обеспечение этого — прямая задача органов государственной власти, проводящих стратегическое управление культурой, определяющих основные цели, задачи и направления ее развития, создающих соответствующие условия. Не случайно в Основах государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года отмечено, что важнейшими целями государственной политики регионального развития (составляющей которой является и государственная политика относительно культуры регионов) являются обеспечение равных возможностей для реализации прав граждан, повышение качества их жизни, обеспечение устойчивого развития регионов, повышение конкурентоспособности экономики Российской Федерации на мировых рынках на основе сбалансированного и устойчивого социально-экономического развития субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, максимального привлечения населения к решению региональных и местных задач [См. 4].

Именно государство несет основную ответственность за возможность реализации каждым человеком своих культурных прав и свобод, берет на себя обязательства формирования культурного пространства, и потому культурная политика «во многом зависит от ориентиров, задаваемых государством как субъектом культурной политики, от выбора им ролевой модели» [7, с. 52].

Выбор государством модели культурной политики — один из самых важных и сложных исторических во-

просов. В мировой практике достаточно эффективно функционируют различные модели культурной политики, отличающиеся, прежде всего, уровнем самостоятельности культуры, степенью государственного вмешательства в различные культурные процессы, источниками финансирования и доминирующими целями. Наиболее общими моделями являются патерналистская (предусматривает полный контроль и финансирование культуры со стороны государства) и партнерская (предполагает стратегическое участие государства в развитии культуры и активное привлечение к этому процессу негосударственных субъектов культурной политики, общественных организаций и т. п., использование рыночных механизмов, негосударственных фондов и самофинансирования). Различные модели культурной политики достаточно детально рассмотрены современными исследователями и отражают достаточно широкий спектр возможных взаимоотношений общества, личности, государства и культуры [См. 12, 13, 14].

Однако следует учесть, что определение этих моделей носит достаточно условный характер, так как «чистом» виде они практически не встречаются. На это, в частности, указывает Н. М. Генова, отмечая, что «модель культурной политики представляет собой абстрактную конструкцию, не встречающуюся в реальности в чистом виде, но дающую адекватное описание основных характеристик и способов функционирования конкретного феномена» [15, с. 9].

В силу этого, речь может идти лишь о превалировании принципов той или иной модели во взаимоотношениях государственной власти, общества и культуры. При этом исследователи утверждают, что в одной и той же стране, учитывая постоянное изменение социально-исторических условий, могут одновременно использоваться различные модели и соответственно меняться их характеристики. Это относится и к

современной России, в которой традиционно доминирует патерналистская модель, но, по мере укрепления рыночной экономики, достаточно активно развивается и партнерская. «Для России с ее высоким уровнем региональной дифференциации ни одна из действующих ныне моделей государственной культурной политики — ни патерналистская, ни рыночная, — не может быть использована как базовая для всей страны. Их следует позиционировать как имеющие право на сосуществование в различных пропорциях в разных по социально-экономическому положению регионах», — считает Л. Е. Востряков [11, с. 11].

Учитывая особенности политических (многообразие и региональное многообразие) и социально-экономических условий (развитие рыночных отношений) современной России, а также невозможность простого «перенесения» в нее моделей, апробированных в других странах, по мнению того же автора, при формировании модели культурной политики Российской Федерации (как полирегиональной державы) необходимо исходить из следующих методологических принципов: следует учитывать экономические возможности регионов — некоторые могут развиваться только при широкой поддержке со стороны государства; необходимо предоставить регионам возможность самим выбирать модель культурного развития соответственно своим возможностям и интересам; надлежит сформировать интегративную модель культурной политики и рассматривать концепции культурной политики не как взаимоисключающие, а как имеющие возможности сосуществования и взаимодополнения [См. 13].

Это предполагает применение интегративной методологии и субъектно-деятельностного подхода к культурной политике, ибо он, по мнению Л. Е. Вострякова, «принимает в расчет специфику действующих субъектов, их интересы, конфликты и взаимодействия.

Это дает возможность приблизить государственную культурную политику к реальным социальным практикам, без осознания и учета которых концептуальные схемы и политические действия по их реализации едва ли будут эффективны» [11, с. 68].

Этот подход активно используется в работах современных отечественных исследователей и разработчиков моделей «уровневой» культурной политики, позволяющих изучать ее согласно выполняемым функциям и наличествующей структуре. В данном случае субъектно-деятельностный подход весьма конструктивно соединяется со структурно-функциональным методом исследования, что позволяет рассматривать политику в сфере культуры не только в целом, но и в связи с конкретными условиями ее реализации.

Многоуровневую модель культурной политики, учитывающую историческое своеобразие и задачи социально-культурного развития современной России, предложили О. Н. Астафьева и Г. А. Аванесова (именно в этой модели одним из уровней-контуров выступает региональная культурная политика). Главное требование данной модели — опора на ценности и коды отечественной культуры и цивилизации, их учет в любой сфере жизнедеятельности общества. Авторы выделили пять уровней-контуров культурной политики в зависимости от масштаба и задач ее осуществления, возможностей и условий осуществления [См. 10].

На высшем уровне-контуре надлежит осуществляться культурной политике «широкого диапазона», вырабатываться стратегическим смыслом, смысло-жизненным основам общественного и индивидуального существования, обеспечивающим национальную консолидацию. Этот, высший, уровень политики должен определять ведущие цели и национальную стратегию деятельности ведомства культуры как социального и политического института, деятельность которого составляет вто-

рой уровень-контур культурной политики. Для его полноценного функционирования и развития необходимо расширение управленческих, координирующих и экспертно-диагностирующих возможностей данного ведомства, и его сотрудничество с другими ведомствами — когда речь идет о национально-культурном развитии страны, оно должно охватывать все сферы жизнедеятельности общества.

Это определяет смысл и содержание третьего уровня, на котором должна осуществляться совместная деятельность отраслей, имеющих прямую взаимосвязь с культурой и обеспечивающих социокультурное воспроизводство (сферы образования и науки, социальных и межэтнических отношений, информации и т. п.). С этой целью должны создаваться межведомственные координирующие органы, осуществляющие управление национально-культурным развитием в целом и подведомственными процессами в частности.

Культурные ценности и смыслы проявляются во всех видах жизнедеятельности людей, а не только непосредственно связанных с культурой, поэтому авторы выделяют четвертый уровень культурной политики, который может быть представлен любым ведомством и на котором должны решаться любые ведомственные проблемы, имеющие культурный характер.

Пятый уровень охватывает региональную и муниципальную культурную политику, и предполагает конкретизацию форм и подходов к решению культурных проблем населения соответствующей территории, учитывая его культурные потребности и интересы, а также ресурсы региона и места проживания. На этом уровне культура должна рассматриваться как важнейший ресурс социально-экономического развития соответствующих территорий. Именно на этом уровне при поддержке всех субъектов культурной политики должны создаваться конкретные условия для развития культуротворческой активно-

сти населения, реализации инновационных проектов и социально-культурных практик, позволяющих сохранить культурное наследие и фундаментальные ценности российской цивилизации и «дать выход» новым потребностям и интересам людей. Именно на этом уровне осуществляется региональная культурная политика.

Региональная культурная политика: особенности и условия реализации

Региональная культурная политика реализуется в пределах определенного региона — уникального территориального образования, имеющего социально-экономические и политические особенности, а также географические и виртуальные культурно-исторические границы жизнедеятельности людей, осознающими себя создателями соответствующего социального и территориального пространства. Региональная культурная политика более, нежели общенациональная, «приближена» к непосредственным создателям и потребителям культуры, к конкретным условиям своего осуществления, проблемам культурной жизнедеятельности населения соответствующей территории. Именно на ее уровне возможно наиболее объективное и адекватное рассмотрение и местных проблем, возможностей их решения в контексте развития региона в целом.

Важнейшим при формировании и осуществлении региональной культурной политики является вопрос о том, на что она направлена, что выступает ее объектом. На наш взгляд, следует учитывать, что объектом региональной культурной политики является не региональная культура, а культура региона в целом. Современные исследователи различают понятия региональной культуры и культуры региона, прежде всего, по качественному признаку. В частности, И. Я. Мурзина утверждает, что не каждый регион продуцирует региональную культуру. «"Культура региона", — пишет она, — это суммарная совокупность всех культурных

проявлений в границах определенной однородной территории. Региональная культура — это общая сквозная специфика разнородных культурных проявлений. В отличие от культуры региона, которая отличается только особенностями бытового уклада и характером повседневности, региональная культура продуцирует собственный тип социокультурных и хозяйственно-экономических связей, отличается по характеру функционирования, продуцирует свой тип личности и оказывает влияние на общенациональную культуру в целом» [18, с. 29].

И если региональная культура является в первую очередь предметом и проблемой культурологических и культурно-антропологических исследований, то культура региона, которая может включать и региональную культуру, — политических, экономических и социально-культурных.

Учитывая этот факт, можно утверждать, что объектом региональной культурной политики выступает культура соответствующего региона во всех ее проявлениях и формах, включающая все культурное многообразие соответствующей территории и представляющая особенности всех локальных образований.

Это определяет основные задачи региональной культурной политики — стимулирование соответствующей деятельности региональных субъектов, непосредственно или опосредованно причастных к развитию культуры; активизация всех имеющихся в регионе ресурсов для достижения оптимального развития культуры региона; создание условий для полноценной культурной жизнедеятельности людей и использования культурного потенциала для развития региона в целом.

Развитие культуры многопланово и происходит на различных уровнях — в масштабе страны и на уровне отдельного региона, области, района, города и т. п. Именно поэтому культурная политика должна соединять в себе (по прин-

ципу гегелевского «снятия») самые различные уровни и формы своего осуществления, учитывая характер общенациональных и местных культурных особенностей. Региональная культурная политика должна осуществляться в контексте общегосударственной, общенациональной политики, отражая ее стратегические цели и ценностные приоритеты. Как отмечает О. Н. Астафьева, наличие общих стратегических целей национальной политики обеспечивает социокультурное единство страны, но при этом — «каждое региональное образование предлагает самостоятельный сценарий их реализации» [9, с. 301].

То есть, региональная культурная политика, с одной стороны, представляет собой определенный уровень общегосударственной культурной политики, а с другой, выступает как относительно самостоятельная область культурной политики, направленная на всестороннее культурно-историческое развитие соответствующей территории, определение и эффективное использование всех ресурсов, имеющихся в регионе (природных, экономических, демографических, материально-технических, творчески-интеллектуальных и др.), для оптимизации и развития культуры, достижения социально значимых культурных целей.

Поскольку для нашей страны характерно чрезвычайно обильное разнообразие территорий и, соответственно, регионов, отличающихся природно-ландшафтными, климатическими, экономическими, этническими, конфессиональными, историческими, культурно-ресурсными, туристическими и иными характеристиками, требующими тщательного учета при разработке различных социокультурных программ и проектов, — то разработка региональной культурной политики представляется не менее важной, нежели общегосударственной.

Учитывая современные тенденции в культурной политике, очень важно определить, какие проблемы социо-

культурной жизни должны решаться на региональном и местном уровне, а какие — на уровне государства, и соответственно этому реализовывать культурную политику и формировать ее модель. При этом на более высокий уровень должны передаваться лишь те функции, которые не могут быть эффективно реализованы на низшем. В частности, для того, чтобы системно решать вопросы социокультурного развития и формирования общенациональных ценностей необходимо выработать концепцию развития национальной культуры и соответствующую стратегию, что возможно лишь на центральном, наиболее высоком уровне. Также лишь на этом уровне следует решать стратегические вопросы подготовки и социальной защиты работников культуры, поддержки социокультурных общенациональных и региональных проектов, финансирования объектов культуры и культурного наследия, имеющих общегосударственное значение.

Общей установкой должно быть то, что делегирование управленческих полномочий на низшие уровни культурной политики должно сопровождаться активизацией общественных сил и изменением государственной системы управления культурой на государственно-общественную (например, создавать общественные советы при органах государственной власти и т. п.). Это будет способствовать не только «прозрачности» культурной политики и ее непосредственной связи с населением, но и формированию позитивного имиджа органов государственной власти, активизации гражданских культурных инициатив, тщательному учету важнейших культурных потребностей людей и эффективному решению проблем культурной жизни общества. Как отмечает, Н. М. Генова, «перспективные цели регионального развития, увязанные с социокультурной практикой, невозможно получить в готовом виде извне. Они могут быть определены самим региональным сообществом и отрефлексированы

представителями власти, общественных организаций, интеллектуальной элиты» [16, с. 82].

Учитывая вышесказанное, можно утверждать следующее. На высших уровнях культурной политики — первом и втором, согласно концепции О. Н. Астафьевой и Г. А. Аванесовой, — должны доминировать механизмы централизованной или патерналистской модели. Это обосновывается, прежде всего, тем, что, с одной стороны, государство должно гарантировать реализацию культурных прав граждан и их свободный доступ к культурным ценностям и культурной деятельности, а с другой — нести ответственность за духовное здоровье и единство общества, формирование общенациональных культурных ценностей и идеалов.

По мере продвижения к региональному и муниципальному уровням культурной политики, на наш взгляд, должны больше использоваться механизмы партнерской или рыночной модели, что позволит учитывать конкретные интересы различных субъектов культурной политики, создателей и потребителей продуктов культуры, не ограничивая при этом возможностей ее творческого развития. Создавая необходимые правовые, политические и экономические условия культурного развития общества и личности (стимулирование меценатства, создание и деятельность различных частных и общественных фондов, привлечение бизнеса и т. п.), государство не вмешивается непосредственно в процессы творчества и запрещает лишь то, что деструктивно влияет на человека, приводит к негативным явлениям в обществе.

При этом следует поддерживать баланс между необходимым уровнем контроля государством культурных процессов и их самостоятельностью — создавая необходимые условия для самостоятельного развития культуры, культурного менеджмента, стимулируя творчество, культурную активность граждан и т. п., государство должно защищать осно-

вополагающие культурные принципы и ценности, заботиться о единстве нации, духовном здоровье общества, о доступности культуры всем гражданам и т. п. Ведь, говоря словами Н. Смелзера, «культура — это цемент, скрепляющий здание общественной жизни» [19, с. 63], а потому организованная деятельность всех социальных сил всех уровней — общенациональных, ведомственных, региональных и др., направленная на формирование культурных основ общества, выступает важнейшим фактором его устойчивого развития.

Выводы

В результате проведенного исследования сущности, особенностей, принципов осуществления региональной культурной политики в России, можно прийти к следующим выводам:

1. Культурная политика является важнейшей сферой жизнедеятельности российского общества, обеспечивающей функционирование и развитие культуры как основы его единения, устойчивости и целостности; рассматривается как сознательное регулирование в сфере культуры, система целенаправленных действий и решений государственных и негосударственных институтов, обеспечивающих культурное развитие общества.

2. Культурная политика, реализующаяся в различных моделях, с необходимостью предусматривает координирующую роль государства, создающего условия для активного участия всех социальных субъектов в ее осуществлении, определяющего их права, свободы и обязанности, защищающего общенациональные культурные ценности и приоритеты.

3. В современных условиях России культурная политика должна иметь многоуровневый характер, что позволит не только «распределить» усилия общества и государственной власти относительно обеспечения развития культуры и решения соответствующих проблем, но и более эффективно использовать для этого территориальные,

региональные, местные ресурсы, целенаправленно удовлетворять культурные запросы граждан.

4. Культурная политика современного российского государства должна предусматривать достаточную для полноценного развития культуры децентрализацию, когда (при сохранении общенациональной концепции культурного развития и общенациональной системы смыслов и ценностей) действенные полномочия государственной власти относительно обеспечения культурного развития передаются на региональный и муниципальный уровни, что обеспечивает более эффективное и своевременное решение соответствующих проблем. При этом делегирование управленческих полномочий на низшие уровни культурной политики должно сопровождаться активизацией общественных сил и изменением государственной системы управления культурой на государственно-общественную.

5. По мере «продвижения» от высших уровней культурной политики к региональным и муниципальным должны усиливаться партнерские взаимоотношения государственной власти, общества и культуры, активизация рыночных механизмов, привлечение негосударственных средств и т. п., что создаст условия для самодостаточного и свободного развития культуры, позволит максимально использовать и развивать творческий потенциал российской нации.

6. Региональная культурная политика России является важнейшей составляющей политики общенациональной. Объектом региональной культурной политики выступает культура соответствующего региона во всех ее проявлениях и формах, включающая все культурное многообразие соответствующей территории. При этом региональная культурная политика должна осуществляться в контексте общегосударственной, общенациональной политики, отражая ее стратегические цели и ценностные приоритеты.

7. Основными задачами региональной культурной политики являются: стимулирование созидательной, культуротворческой деятельности региональных социальных субъектов; создание условий для полноценной культурной жизни людей посредством активизации всех имеющихся в регионе ресурсов для достижения оптимального развития культуры и использования ее потенциала для развития региона в целом.

При этом следует исходить из того, что лишь комплексный, системный, с учетом всех существенных факторов подход к культурной политике как многоуровневой и полисубъектной может обеспечить ее эффективность и ведущую роль в национально-государственном и региональном развитии.

1. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70184810/> (дата обращения: 20.02.2017).

2. Основы государственной культурной политики (утв. Указом Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/bank/37088> (дата обращения: 20.02.2017).

3. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 года №683) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://base.garant.ru/71296054/> (дата обращения: 20.02.2017).

4. Основы государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 16 января 2017 года N 13) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/420389221> (дата обращения: 20.02.2017).

5. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года (утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.09.2016 № 326-р.) [Электронный

ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/45830.html> (дата обращения: 20.02.2017).

6. Аванесова Г. А., Астафьева О. Н. Национальная культура и культурная политика современной России [Текст] / Г. А. Аванесова, О. Н. Астафьева // Соц.-гуманитар. знания. — 2016. — № 2. — С. 7-25.

7. Астафьева О. Н. Культурная политика государства: вопросы о реально существующем и потенциально возможном [Текст] / О. Н. Астафьева // Знание. Понимание. Умение. — 2008. — №3 — С. 50-58.

8. Астафьева О. Н. Культурная политика: теоретическое понятие и управленческая деятельность: лекции [Текст] / О. Н. Астафьева. — М.: Изд-во РАГС, 2010. — 69 с.

9. Астафьева О. Н. Региональная культура и культурная политика: образы и практика [Текст] / О. Н. Астафьева // Мир культуры и культурология. — 2015. — Вып. IV. — С. 291-308.

10. Астафьева О. Н., Аванесова О. Г. Культурная политика и национальная культура: перспективы стратегического вектора современной России [Текст] / О. Н. Астафьева, Г. А. Аванесова // Ярославский педагогический вестник. — 2015. — № 5. — С. 193-201.

11. Востряков Л. Е. Государственная культурная политика современной России: региональное измерение: дис... д-ра политических наук :23.00.02: защищена 06.03.2007 : утв. 18.05.2007 [Текст] / Востряков Лев Евгеньевич. — Москва, 2007. — 365 с.

12. Востряков Л. Е. Государственная культурная политика: когнитивные модели и страновые различия [Текст] / Л. Е. Востряков // Научные труды Северо-Западной академии государственной службы. — 2011. — Т. 2. — Вып. 2. — С. 166-178.

13. Востряков Л. Е. Культурная политика: основные концепции и модели / Л. Е. Востряков [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://culture29.ru/upload/medialibrary/0bf/0bfb4cb9753cde37c6339eae422bbc7.pdf> (дата обращения: 20.02.2017).

14. Востряков Л. Е. Культурная политика: концепции, понятия, модели / Л. Е. Востряков. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.cpolicy.ru/analytics/80.html> (дата обращения: 06.07.2016).

15. Генова Н. М. Актуальные теоретические аспекты культурной политики страны и региона [Текст] / Н. М. Генова // Региональная культурная политика: теория и технологии развития: сб. науч.-метод. статей / отв. ред. Г. Г. Волощенко и др. — Омск: ОмГУ, 2010. — С. 6-11.

16. Генова Н. М. Приоритеты региональной культурной политики в свете нового Указа Президента РФ 2015 г. [Текст] / Н. М. Генова // Омский научный вестник. — № 3(139). — 2015. — С. 82-85.

17. Мурзина И. Я. Феномен региональной культуры: бытие и самосознание: дис... д-ра культурологии: 24.00.01: защищена 16.12.2003: утв. 20.02.2004 [Текст] / Мурзина Ирина Яковлевна. — Екатеринбург, 2003. — 237 с.

18. Обзор материалов доклада «Политика в сфере культуры — предварительные сообщения» на заседании круглого стола Юнеско в 1967 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.unesco.org/general/rus/ (дата обращения: 20.02.2017).

19. Смелзер Н. Социология [Текст] / Н. Смелзер; пер. с англ. — М.: Феникс, 1994. — 688 с.

20. Флиер А. Я. Культурология 20 — 11. Авторский сборник эссе и статей [Текст] / А. Я. Флиер. — М.: Согласие, 2011. — 560с.

The article has devoted to reveal the essence of the regional cultural policy in the context of the national cultural policy, corresponding to the tasks that are setting in the strategical legislative and regulatory documents of the Russian Federation. It is determined that in modern conditions, cultural policy must have a multi-level nature that will allow not only to "distribute" the efforts of society and to state authorities, or to ensure the development of culture and the solution of relevant problems, but also to use territorial, regional, local resources purposefully to satisfy cultural needs of citizens. The regional cultural policy is the most important component and level of the national cultural policy, reflecting to national, significant, strategic goals and value priorities, and aimed to develop the culture of the respective region. The main objectives of the regional cultural policy are stimulation the cultural creative activity of the relevant subjects — both in the cultural sphere and other related fields; creation the conditions for a full-fledged cultural life of people and satisfaction of their cultural needs; activation and the usage of all available resources in the region (natural, economic, demographic, material, creative, intellectual, etc.) for the optimal development of culture, the achievement of social, significant, cultural goals, and the usage of culture to develop the region.

Keywords: state cultural policy, regional cultural policy, subject of cultural policy, model of cultural policy, level of cultural policy, national culture, culture of the region.

УДК: 338.2 (571.6)

В. А. Горенкин

Культурная политика современной России: тенденции и ориентиры развития

В статье рассмотрены основные тенденции отечественной культурной политики, начиная с 1990-х гг., а также основные ориентиры ее дальнейшего развития, определенные в соответствующих нормативно-правовых документах. Отмечено, что, начиная с 90-х годов двадцатого столетия в России происходит существенное изменение отношения общества и власти к культуре, содержанию, приоритетам и направлениям культурной политики. Культура рассматривается как стратегическое средство укрепления безопасности страны, важнейший ресурс социально-политического прогресса, регионального и территориального развития, укрепления благополучия населения, инновационного развития экономики, формирования человеческого капитала. Это требует определенной децентрализации в управлении культурой, привлечения общественных организаций и институтов гражданского общества, постоянного взаимодействия центральной, региональной и местной власти, использования рыночных механизмов и негосударственных средств, установления государственно-частного партнерства, систематического межведомственного, межуровневого и межрегионального взаимодействия.

Ключевые слова: культура, культурная политика, региональная культурная политика.

Национальное и государственное единство и независимость страны достигаются различными способами — политическими, военными, правовыми, экономическими, социальными, культурными и т. п., которые должны осуществляться организованно, полномасштабно и в комплексе. Одним из наиболее значимых является культурная политика государства, представляющая собой систему целенаправленных действий по формированию культурной жизнедеятельности и единения соответствующего общества.

Вопросы культурной политики всегда были значимы для развития России, однако в современных условиях приобретают особую актуальность в связи с необходимостью принципиального из-

менения отношения российского общества и власти к культуре. Это изменение должно состоять не только в признании культуры важнейшим стратегическим ресурсом социального, духовного, экономического и политического развития страны, но и в проведении системных, действенных преобразований в функционировании и обеспечении культуры, налаживании эффективного взаимодействия институтов и субъектов культуры, власти и гражданского общества.

Различные аспекты культурной политики, ее сущность и особенности осуществления представляют интерес для многих исследователей. В частности, общетеоретические проблемы активно рассматриваются такими учеными, как О. Н. Астафьева, Л. Е. Востряков,

В. С. Жидков, К. Е. Разлогов, К. Б. Соколов, А. Я. Флиер и др. Особенности и задачи современной государственной культурной политики в России анализируют Г. А. Аванесова, О. Н. Астафьева, В. П. Большаков, Л. Е. Востряков, Т. М. Гудима, А. В. Костина, И. В. Малыгина, С. Б. Синецкий и др. Большое внимание в работах Г. А. Аванесовой, О. Н. Астафьевой, Л. Е. Вострякова, Н. М. Геновой, И. В. Кондакова, И. Я. Мурзиной, В. Н. Стрелецкого, Г. Л. Тульчинского и др. уделяется региональной культурной политике как наиболее «приближенной» к конкретным проблемам развития территорий и удовлетворению культурных потребностей населения.

В нашей статье рассмотрены основные тенденции отечественной культурной политики, начиная с 90-х годов 20 столетия, а также основные ориентиры ее дальнейшего развития, определенные в соответствующих нормативно-правовых документах.

Следует отметить, что сегодня, наряду с многочисленными научными изысканиями по проблемам сущности, целей, направлений и структуры культурной политики в мире в целом, и в России в частности, на государственном уровне вопросы культурной политики занимают одно из приоритетных мест. Это выражается в принятии конкретных нормативно-правовых актов, создании соответствующих политических и социально-культурных институтов, проведении соответствующей деятельности по организации и развитию культурной жизни страны.

Особенно актуальной такая политика стала в 1990-е годы, когда возникла необходимость осуществления перехода от советской культурной политики тоталитарного характера к новой, связанной с демократизацией всех сфер жизнедеятельности общества, появлением качественно новых субъектов и потребителей культуры, введением рыночных механизмов ее обеспечения, государственно-частного партнерства в этой сфере и т. п.

По сути, осуществлялся переход от политики культурной унификации и создания общности «советский народ» к политике мультикультурализма, культурного разнообразия, свободного культурного самовыражения и др., сохраняющей при этом национально значимые культурные ценности и приоритеты, обеспечивающей единение и согласие всех народов и иных социальных групп, проживающих в России. Следует отметить, что во всех стратегических документах подчеркивается особая, доминирующая роль и ответственность государства в осуществлении культурной политики и развитии культуры.

Основы законодательства о культуре и, соответственно, государственной культурной политики заложены в Конституции Российской Федерации, в частности, в ст. 44. Согласно ей, каждому гарантированы свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества и преподавания, охрана интеллектуальной собственности законом, право на участие в культурной жизни, пользование учреждениями культуры, доступ к культурным ценностям. В статье предусмотрена также обязанность каждого заботиться о сохранении исторического и культурного наследия и беречь памятники истории и культуры [См. 1]. Причем эти положения касаются как граждан, так и органов государственной власти России.

Важнейшим документом, прямо регулирующим культурную политику в России, стал Закон Российской Федерации от 09.10.1992 №3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре». С соответствующими изменениями и дополнениями он и сегодня является одним из основополагающих нормативно-правовых актов, обеспечивающих сохранение и развитие российской культуры. В частности, в ст. 3 данного Закона указано, что «государственная культурная политика (политика государства в области культурного развития) — совокупность принципов и норм, которыми руковод-

ствуется государство в своей деятельности по сохранению, развитию и распространению культуры, а также сама деятельность государства в области культуры» [2].

В данном Законе определены основополагающие принципы государственной культурной политики, предусмотрена частичная децентрализация в управлении культурой, возможность использования рыночных механизмов и привлечения негосударственных средств, акцентировано внимание на необходимости обеспечения государством общедоступности культурных ценностей и благ для граждан. Особое место отведено защите культур этнических общностей, культурного наследия народов Российской Федерации, реализации прав граждан в области культуры.

В последующих документах эта политическая линия была последовательно продолжена, что нашло отражение в ряде федеральных целевых программ: «Развитие и сохранение культуры и искусства Российской Федерации (1997-1999 годы)», «Культура России (2001-2005 годы)», «Культура России (2006-2011 годы) и др. В частности, в утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2005 г. № 740 Федеральной целевой программе «Культура России (2006-2011 годы)» предусматривалось комплексное решение «проблем сохранения и развития культурного потенциала страны, сохранения и эффективного использования культурного наследия народов Российской Федерации». В Программе указано, что культура как «отрасль, традиционно ориентированная на государственную финансовую поддержку, оказалась наименее подготовленной к рыночной экономике». При этом было отмечено, что возрастание роли культуры в обществе и соответствующая политика государства позволяют ей быть активным участником социально-экономических процессов, а «инвестирование государства в культуру означает инвестирование в «человеческий капитал» [См. 8].

В 2008 году Распоряжением Правительства Российской Федерации от 17.11.2008 № 1662-р была утверждена «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года». В Концепции, в числе прочего, определены цели, целевые индикаторы, приоритеты и основные задачи долгосрочной государственной политики в сфере культуры. В частности, не только поставлен вопрос о возрастании «роли человеческого капитала как основного фактора экономического развития», но и указано, что ведущая роль в его формировании отводится сфере культуры. Целью государственной политики в этой сфере провозглашено развитие и реализация культурного и духовного потенциала каждой личности и общества в целом, что особенно важно в условиях инновационного развития российской экономики [См. 9].

В 2009 году Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 утверждена «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года». Примечательно, что в ней содержится специальный раздел, посвященный культуре как стратегическому средству укрепления национальной безопасности и соответствующей культурной политике. В качестве средств обеспечения национальной безопасности названы: расширение доступа граждан к достояниям отечественной и зарубежной культуры и искусства; создание условий для творческой самореализации личности путем совершенствования системы культурно-просветительской работы, организации досуга и массового внешкольного художественного образования; содействие развитию культурного потенциала регионов Российской Федерации и поддержка региональных инициатив в сфере культуры (п. 79). Основными направлениями противодействия угрозам в ней названы эффективное государственно-правовое регулирование поддержки и развития разнообразия национальных культур, толерантности

и самоуважения, развитие межнациональных и межрегиональных культурных связей. Здесь же отмечена растущая значимость не только институтов государственной власти, но и гражданского общества (п. 82). Признана первоочередная роль культуры в таких процессах, как: возрождение и сохранение культурно-нравственных ценностей; укрепление духовного единства многонационального народа Российской Федерации и международного имиджа России как страны с богатейшей традиционной и динамично развивающейся современной культурой; создание системы духовного и патриотического воспитания граждан России; развитие общей гуманитарной и информационно-телекоммуникационной среды в пространстве государств-участников Содружества Независимых Государств и в сопредельных регионах (п. 84) [См. 6]. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации чрезвычайно остро поставлен вопрос о национально-культурной безопасности как составляющей национальной безопасности России в целом и основы общенационального единства, а культура рассматривается как важнейшее условие дальнейшего существования и развития российского государства.

Та же позиция отражена в таком принципиально важном для многонационального российского государства нормативно-правовом документе, как «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», утвержденная Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 года № 1666. Учитывая, что на территории современной России проживают представители 193 национальностей и используются 277 языков и диалектов, в Стратегии первым среди основных вопросов, касающихся государственной национальной политики в России, названо «сохранение и развитие культур и языков народов Российской Федерации, укрепление их духовной общности». В данном документе четко различаются понятия российской нации

и составляющих ее народов-этносов, указывается на исторически объективно обусловленную роль русского народа, русской культуры и русского языка в обеспечении национального развития и национального единства, формировании единой российской культуры и национального согласия. Одной из приоритетных целей государственной национальной политики является «сохранение и развитие этнокультурного многообразия народов России» [См. 4], что является необходимым условием естественного, внутренне обусловленного гражданского согласия, национального единства и развития российской нации в качестве полноправного субъекта мировой истории.

Реализация этой цели предусмотрена, в частности, в Федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014 — 2020 годы)», утвержденной Постановлением Правительства РФ от 20 августа 2013 г. № 718. В Программе выделяются наиболее значительные этнокультурные проблемы современной России; указывается на необходимость взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления, общественных объединений и других субъектов этнокультурной деятельности, на важность применения комплексного и системного подходов и программно-целевого метода в их решении. Важнейшими условиями достижения поставленных в Программе задач выступают: активное вовлечение в ее реализацию национально-культурных и религиозных организаций, институтов гражданского общества; координация государственной национальной политики и выработка региональных стратегий этнокультурного развития; диалог между органами государственной власти и общественными национальными и религиозными объединениями; комплексное проведение взаимоувязанных мероприятий, носящих межотраслевой характер и затрагивающих все сферы государственной национальной политики.

Эти условия необходимы, чтобы обеспечить проведение единой федеральной политики в сфере межнациональных отношений, эффективное межведомственное и межрегиональное взаимодействие, укрепление российской нации и этнокультурного многообразия, а также противодействие экстремизму. В целом, Программа определяет принципиально важную идею о существенной взаимосвязи этнического, культурного, гражданского, социального, экономического и политического факторов, а также необходимости усиления этнокультурного потенциала в развитии страны: «Развитие этнокультурного потенциала народов России, социализация этнокультурных сообществ, их интеграция в гражданское общество, межэтническое и межрелигиозное сотрудничество, преодоление этнического изоляционизма и экстремизма играют важную роль в укреплении общественно-политической и социально-экономической стабильности российского общества» [См. 11].

Исходя из этого, происходит дальнейшая корректировка отношения общества и властей всех уровней к культуре, соответствующее развитие культурной политики. В настоящее время в нашей стране действует Федеральная целевая программа «Культура России (2012-2018 годы)», утвержденная Постановлением Правительства Российской Федерации от 3 марта 2012 года № 186. Программа нацелена на дальнейшее развитие культуры, играющей ведущую роль в формировании человеческого капитала (о чем говорится в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года). В ней определены приоритеты современной государственной политики в сфере культуры, заключающиеся в воспитании подрастающего поколения в духе правовой демократии, гражданственности и патриотизма, причастности к инновационной культуре и свободе творчества; развитии творческого потенциала творческой нации, обеспечении широкого доступа всех социальных слоев к ценностям от-

ечественной и мировой культуры; сохранении культурных ценностей и традиций народов Российской Федерации, материального и нематериального наследия культуры России и использовании его в качестве ресурса духовного и экономического развития; поддержании высокого престижа российской культуры за рубежом и расширении международного культурного сотрудничества [См. 10]. Как видим, в данном случае осуществлен достаточно широкий подход к культуре — она понимается и как воспитание, и как творчество, и как ресурс развития, и как средство укрепления международных связей.

Тот же подход к культуре реализован в стратегическом по значимости документе «Основы государственной культурной политики», утвержденном Указом Президента Российской Федерации № 808 от 24 декабря 2014 года. Главной идеей его стало признание существенной, неразрывной взаимосвязи российской культуры и российской государственности: «Накоплен уникальный исторический опыт взаимовлияния, взаимообогащения, взаимного уважения различных культур — на этом естественным образом веками строилась российская государственность» [См. 5]. Подход к культуре как важнейшему ресурсу социально-политического развития страны определил основные цели государственной культурной политики: формирование гармонично развитой личности и укрепление единства российского общества посредством приоритетного культурного и гуманитарного развития; укрепление гражданской идентичности; создание условий для воспитания граждан; сохранение исторического и культурного наследия и его использование для воспитания и образования; передача от поколения к поколению традиционных для российской цивилизации ценностей и норм, традиций, обычаев и образцов поведения; создание условий для реализации каждым человеком его творческого потенциала; обеспечение доступа граждан к

знаниям, информации, культурным ценностям и благам.

При этом, современная культурная политика России должна основываться на принципах равенства граждан в реализации их культурных прав, открытости и взаимодействия с другими народами и культурами, представления об отечественной культуре как о неотъемлемой части мировой культуры; соответствия решений (экономических, технологических и структурных) целям и задачам культурной политики; свободы творчества и невмешательства государства в творческую деятельность; делегирования государством части полномочий по управлению культурой общественным институтам.

Важнейшей составляющей данного документа является определение основных направлений и соответствующих задач современной культурной политики. Эти направления: защита и сохранение культурного наследия народов России; осуществление всех видов культурной деятельности и развитие связанных с ними индустрий; развитие гуманитарных наук; поддержка и развитие русского языка, языков народов России, отечественной литературы; расширение и поддержка международных культурных и гуманитарных связей; воспитание граждан; развитие просвещения; поддержка детского и молодежного движения; формирование информационной среды, благотворной для становления личности. Как видим, выделенные направления (области) государственной культурной политики касаются не только непосредственно культуры, но практически всех сфер социальной жизни. Это нашло отражение в определении ожидаемых результатов, среди которых названы и повышение духовного, интеллектуального и нравственного потенциала российских граждан, и рост патриотизма, и социально-экономическое развитие территорий, одним из факторов которого является активизация их культурного потенциала [См. 5].

То есть в современной России сформирована важнейшая политическая

установка, что развитие культуры и решение культурных проблем — это не второстепенная задача, а стратегическая основа существования и устойчивого развития государства, обеспечения социального, экономического и духовного благополучия, национального и гражданского единства, международного авторитета. Причем это требует целенаправленных, системных действий как со стороны государства, так и всего общества, а также творческой, конструктивной активности не только специальных институтов культуры, но и всех заинтересованных социальных субъектов.

Эти положения стали ключевыми в нормативно-правовом документе «Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года», утвержденном Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.09.2016 № 326-р. В данной Стратегии не только нашли отражение и были конкретизированы цели, задачи и приоритеты, определенные в Основых государственной культурной политики и иных документах, но и поставлены важнейшие вопросы, касающиеся комплексного, действенного отношения к культуре как важнейшему ресурсу укрепления и развития страны в целом и конкретных территорий, в частности. Подчеркнуто, что «...государство, по-прежнему, остается основным стратегическим инвестором культуры и культурных институтов» и это «...делает государство ключевым субъектом культурной политики». Однако при этом обращается внимание на то, что в современных условиях необходимо задействовать все существующие и возможные средства для развития культуры, «преодолеть межведомственные, межуровневые и межрегиональные противоречия по вопросам культурного развития, а также существующие ограничения в вопросах ресурсного обеспечения». Обращено внимание на то, что «в системе финансирования культуры Российской Федерации по-прежнему преобладает прямое бюджетное финансирование, а иные источники финансирования, доступные

для зарубежных культурных институтов, отсутствуют» (о чем свидетельствуют соответствующие приведенные данные), при этом, отмечены возможные риски и проблемы внебюджетного финансирования культуры. Однако, учитывая объективные тенденции современного социально-экономического развития, указывается на то, что «использование отечественного и современного зарубежного опыта формирования при определенных экономических условиях многоканальной системы финансирования культуры способствует привлечению значительных внебюджетных инвестиций и обеспечивает устойчивое развитие культуры в современных условиях». Отмечается также тот факт, что «действующие документы стратегического планирования Российской Федерации не в полной мере учитывают стратегическую значимость потенциала культуры». Учитывая это, особое внимание в Стратегии уделяется проблемам развития культуры на региональном и местном уровнях, сохранению уникального культурного наследия, привлечению к культурным процессам общественных организаций и различных институтов гражданского общества, увеличению и стимулированию внебюджетных источников финансирования, развитию туризма, культурной индустрии, государственно-частного партнерства и т. п. [См. 13].

В целом, речь идет о формировании новой, перспективной, экономически и социально обоснованной модели культурной политики, способной учитывать объективные и субъективные условия современной действительности, обеспечивать межведомственное, межуровневое и межрегиональное взаимодействие, территориальное и личностное развитие. Предполагается, что новая модель позволит решать стратегические и тактические задачи не только собственно культурного развития страны, но и ее развития в иных направлениях, поскольку, как показывает практика, в современном обществе нет сфер жизнедеятельности, в которых не присутствовала бы культурная составляющая.

Поэтому в Стратегии обозначены многие направления и задачи государственной культурной политики, относящиеся к самым различным социальным институтам и процессам: воспитанию, просвещению, науке, институтам гражданского общества, семье, преемственности поколений, молодежным движениям, межэтническому согласию, региональному и территориальному развитию, инфраструктуре, внутреннему и въездному туризму, системе многоканального финансирования, международному и межрегиональному сотрудничеству, творчеству, информационному пространству, инновационным проектам и т. п.

То есть, согласно основным стратегически важным нормативно-правовым документам, регулирующим дальнейшее развитие российского государства и российской нации в целом и культурное развитие в частности, культура выступает приоритетом в социально-экономическом и политическом развитии России и занимает одну из основных позиций в обеспечении ее безопасности, устойчивости и уверенного движения в будущее. Сформировано понимание того, что в современных условиях культура должна не только обеспечивать формирование личности, гражданское и национальное согласие и единство, национальную безопасность, удовлетворение культурных потребностей и интересов людей и т. п., но и выступать важнейшим ресурсом социального и экономического развития и благополучия соответствующих территорий и населения.

Различным аспектам регионального и территориального развития уделяется в современной политике и соответствующих нормативно-правовых документах особое внимание. Ведь когда речь идет о культурных проблемах определенных социальных групп и территорий, следует исходить из того, что они решаются на соответствующем уровне культурной политики, конкретными субъектами и при помощи конкретных средств и ресурсов, то есть в процессе осуществления региональной культур-

ной политики, которой в настоящее время уделяется особое внимание.

Культурная политика осуществляется на разных уровнях — общегосударственном (на нем формируются и функционируют общенациональные культурные ценности и установки), региональном (уровень, на котором формируется и функционирует культура определенного региона), местном (культура территориально условно обособленной части региона, непосредственно относящаяся к конкретной местности — например, городу). Все эти уровни существенным образом взаимосвязаны и в единстве и гармонии обеспечивают полноценное развитие культуры в целом.

Однако каждый уровень имеет свою специфику, задачи, механизмы и условия развития культуры. Особое значение в современной социальной реальности имеет региональная культурная политика, выступающая опосредующим звеном между общенациональной культурной политикой и культурной политикой, которая осуществляется в пределах конкретной территории — города, поселка, деревни. Именно на уровне региона четче всего выступают актуальные проблемы культуры и возможности их решения в комплексе и системе проблем и возможностей всех остальных сфер человеческой жизнедеятельности.

Не случайно сегодня такое большое внимание в России уделяется регионам как тем территориальным единицам, которые, вмещая в себя многочисленные населенные пункты, объединяют их в соответствующий социально-политический субъект и позволяют сохранить уникальность и специфику в процессе общенационального и общегосударственного развития. Важнейший стратегический документ, зафиксировавший данный принцип, — «Основы государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года», утвержденный Указом Президента РФ от 16 января 2017 года N 13. В основном, в данном документе речь идет о необходимости

обеспечения устойчивого экономического роста и научно-технологического развития регионов, а вопросы культуры поднимаются частично — в числе ведущих факторов и условий развития регионов, названы их социокультурные особенности, которые следует учитывать при формировании и реализации государственной политики регионального развития [См. 7].

Следует учитывать, что когда речь идет о социальном обустройстве территорий и создании благоприятных социальных условий, наращивании экономического потенциала регионов, сдерживании оттока населения, повышении инвестиционной привлекательности и конкурентоспособности экономики, развитии инфраструктуры, сокращении различий в качестве жизни населения городов и сельской местности, привлечении частных инвестиций в негосударственный сектор экономики на региональном и местном уровнях, развитии межнациональных и межконфессиональных отношений и т. п., то без обращения к культуре и проведения эффективной культурной политики обойтись невозможно.

Понимание этого проявляется и в нормативно-правовых актах, касающихся развития конкретных регионов. В частности, если в Федеральной целевой программе «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2020», утвержденной Постановлением правительства РФ от 11.08.2014 г. № 790, о культуре речь идет лишь фрагментарно — в контексте таких направлений реализации Программы, как развитие социальной сферы, формирование туристско-рекреационных кластеров и обеспечение межнационального единства [См. 12], то в Законе Республики Крым от 9 января 2017 г. N 352-ЗРК/2017 «О стратегии социально-экономического развития Республики Крым до 2030 года» культуре отводится одна из наиболее значимых ролей в социально-эконо-

мическом развитии Крымского полуострова как уникального историко-культурного региона. В частности, указано, что «история территории, ее социальные, культурные особенности (наряду с производственно-экономическим и транспортно-коммуникационным потенциалом) становятся своеобразным «товаром», важным преимуществом в конкуренции с другими геоэкономическими регионами мира, а также питательной средой для социальных инноваций как одного из источников развития» [14]. Не случайно в Стратегии выделена глава «Новое культурное пространство», в которой целью определено создание среды, которая бы способствовала развитию культурного потенциала крымского населения. Культурное наследие и исторический потенциал отнесены к числу ключевых ресурсов региона, а культурное достояние признано базовым элементом его идентичности и позиционирования. Особо отмечены культурная и туристская функции Республики Крым, которые являются системообразующими для региона, и в этом контексте — необходимость сохранения и актуализации культурного наследия, поставлены конкретные задачи относительно деятельности различных организаций и учреждений культуры и искусства. Кроме того, в Стратегии отмечена конструктивная роль культуры в гармонизации межэтнических отношений, в обеспечении инновационного подхода к развитию сферы услуг, в создании индустрий, основанных на креативности и человеческом капитале, в развитии туристского комплекса [См. 14].

Всё это определяет направления и приоритеты региональной культурной политики, необходимость сосредоточения усилий региональной власти и всех региональных социальных субъектов на наиболее перспективных направлениях социокультурного развития и обеспечения решения соответствующих проблем. Это проблемы охраны культурного наследия, развития культурных индустрий и рынка культурных продук-

тов и услуг, формирования культурно-туристского комплекса, модернизации инфраструктуры культуры, реализации культурных проектов и т. п. Таким образом, региональная культурная политика Крыма должна осуществляться в контексте общегосударственной культурной политики и основываться на отношении к культуре как необходимой составляющей всех социальных процессов и преобразований. Надо учитывать, что культура — это мощнейший ресурс устойчивого территориального развития (в том числе, экономического), основополагающий фактор формирования мультибрендового статуса Крыма, его имиджа как благополучного, перспективного, устойчиво развивающегося российского региона.

Рассмотренные выше особенности, тенденции развития и приоритеты современной культурной политики в России позволяют прийти к следующим выводам.

Начиная с 90-х годов двадцатого столетия, в России происходит существенное изменение отношения общества и власти к культуре и, соответственно, к содержанию, приоритетам и направлениям культурной политики. Культура рассматривается не только как условие формирования и развития личности и общества, этнической и национальной идентичности, национального и социального единства, укрепления государственности и гражданской солидарности, но и как стратегическое средство укрепления безопасности страны, важнейший ресурс социально-политического прогресса, регионального и территориального развития, укрепления благополучия населения, инновационного развития экономики, формирования человеческого капитала.

При сохранении доминирующей роли и ответственности государства в осуществлении культурной политики и обеспечении развития культуры формируется тенденция все большего привлечения к этим процессам различных общественных организаций, институтов гражданского общества, населения,

творческих личностей, бизнеса и т. п. Это требует определенной децентрализации в управлении культурой, постоянного взаимодействия центральной, региональной и местной власти, использования рыночных механизмов, привлечения негосударственных средств, установления государственно-частного партнерства, систематического межведомственного, межуровневого и межрегионального взаимодействия (не случайно вопросы культуры достаточно часто поднимаются в нормативно-правовых актах, непосредственно с культурой не связанных).

Показательным для современной российской культурной политики является возрастающее внимание к проблемам развития регионов и региональной культуры, осуществлению региональ-

ной культурной политики. Сформировано понимание того, что в условиях современного постиндустриального социально-экономического развития практически нет сфер и процессов, в которых бы не присутствовала культурная составляющая, поэтому сохранение и развитие культуры, в том числе культурного наследия, культурной индустрии, искусства и т. п., является задачей всех социальных структур и субъектов, всего общества и каждой личности. Ведь культура в современном обществе — это важнейший ресурс социального и экономического развития, благополучия страны как субъекта мировой истории, и одно из приоритетных направлений социальной и политической жизнедеятельности.

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ). — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 20.04.2017).

2. Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 N 3612-1; с ред. от 28.11.2015, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2016). — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1870/ (дата обращения: 20.04.2017).

3. Федеральный закон РФ от 12.02.2015 №9ФЗ «Об особенностях правового регулирования отношений в области культуры и туризма в связи с принятием в Российскую Федерацию Республики Крым и образованием в составе Российской Федерации новых субъектов — Республики Крым и города федерального значения Севастополя». — Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70766584/> (дата обращения: 20.04.2017).

4. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666). — Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70184810/> (дата обращения: 20.04.2017).

5. Основы государственной культурной политики (утв. Указом Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808). — Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/bank/37088> (дата обращения: 20.04.2017).

6. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 года №683). — Режим доступа: <http://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html> (дата обращения: 20.04.2017).

7. Основы государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 16 января 2017 года N 13). — Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/420389221> (дата обращения: 20.04.2017).

8. Федеральная целевая программа «Культура России (2006-2011 годы)» (с изменениями и дополнениями) (утв. Постановлением Правительства РФ от 8 декабря 2005 г. N 740). — Режим доступа: <http://base.garant.ru/6195736/> (дата обращения: 20.04.2017).

9. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р). — Режим доступа: <http://base.garant.ru/194365> (дата обращения: 20.04.2017).

10. Федеральная целевая программа «Культура России (2012-2018 годы)» (с изменениями и дополнениями) (утв. Постановлением Правительства РФ от 3 марта 2012 г. N 186). — Режим доступа: <http://base.garant.ru/70149760/> (дата обращения: 20.04.2017).

11. Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014 — 2020 годы)» (утв. Постановлением Правительства РФ от 20 августа 2013 г. N 718). — Режим доступа: <http://government.ru/media/files/41d4862001ad2a4e5359.pdf> (дата обращения: 20.04.2017).

12. Федеральная целевая программа «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2020 года» (утв. Постановлением Правительства РФ от 11 августа 2014 г. N 790). — Режим доступа: <http://government.ru/media/files/41d4fa3a896280aaadfa.pdf> (дата обращения: 20.04.2017).

13. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года (утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.09.2016 № 326-р.). — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/45830.html> (дата обращения: 20.04.2017).

14. Закон Республики Крым от 9 января 2017 г. N 352-ЗРК/2017 «О стратегии социально-экономического развития Республики Крым до 2030 года». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://crimea.gov.ru/textdoc/ru/7/act/352z.pdf> (дата обращения: 20.04.2017).

The article considered the main tendencies of national cultural policy, since the 1990-ies, as well as basic guidelines for its further development identified in the relevant normative legal documents. It is noted: since the 1990-ies, in Russia the attitude of society and government to the culture, content, priorities and directions of cultural policy did changed. Culture is considered as a strategic means of strengthening the country's security, the most important resource of the socio-political progress, regional and territorial development, strengthening the well-being of the population, the innovative development of the economy of human capital formation. This requires a certain degree of decentralization in the governance of culture, attracting public organizations and institutions of civil society, constant interaction between the central, regional and local authorities, using market mechanisms and private funds, establishing public-private partnerships, systematic inter-agency, inter-level and inter-regional cooperation.

Keywords: culture, cultural policy, regional cultural policy.

УДК 316.4+316.6+101.1:316

С. В. Шефель. В. А. Захарова

Экофильный потенциал правовой культуры личности как фактор гармонизации отношений социума с природой

В статье рассмотрен социокультурный феномен экоправового воспитания как альтернативная модель интеграции экологического и правового знания, направленная на активизацию глубинных экофильных основ человеческого бытия, закодированных в пластах культуры многочисленных коренных этносов России.

Ключевые слова: культура, гармонизация, природа, социум, экоправовое воспитание, экофильность.

Угрозу необратимости изменений в биосфере, связанных с техногенной деятельностью человечества и вылившихся в экологический кризис, осознают не все земляне. Согласно данным Всемирного Фонда дикой природы «Живая планета», за последние 40 лет популяция позвоночных животных сократилась на 52 процента (в пределах Российской Федерации — на 30 процентов), а с 90-х гг. XX в. человечество ежегодно потребляет больше природных ресурсов, чем планета способна воспроизвести за то же время [7]. Потребление возобновляемых ресурсов Земли и использование экосистемных услуг уже эквивалентно более чем ее полуторному потенциалу. Говоря о России, обратимся к данным Государственной программы РФ «Охрана окружающей среды» на 2012–2020 гг. В ней отмечается, что на 15% территории, где проживает 60% россиян, качество природной среды является неудовлетворительным [1]. Наруше-

ние баланса жизненных сил в экосфере угрожает безопасности жизни людей и всей природной среды как ее источника.

Взяв курс на устранение причин и последствий экологического кризиса и приняв в качестве методологической основы преобразований в экологической сфере концепцию устойчивого развития, наше общество столкнулось с рядом проблем, одна из которых — недостаточный масштаб и низкая эффективность мероприятий по формированию экологической и правовой культуры населения, а также отсутствие практики синтеза экологических и правовых знаний на идеологическом уровне регулирования субъект-объектных правоотношений в экосфере. Институциональной защите норм, регулирующих данные правоотношения, недостает эффективности. Положение усугубляется отсутствием модели экологизации правосознания россиян как инструмента формирования их экоправовой культуры.

Проявления деформированности экологического правосознания присущи, хотя и в разной мере, населению многих стран. Россия в этом смысле не является исключением. Поиск ответов на вопрос о путях изменения такой ситуации обуславливает необходимость исследования данной темы и обоснования на основе полученных выводов теоретической модели перехода к парадигмально обновленной, экологически ориентированной системе правоспитания как атрибуту утверждения эко-правовой государственности.

Разработка этой проблематики, предполагая обоснование инновационной модели экоправового воспитания, позволяет выявить интенциональный контекст и императивную характеристику отношений социума с экосредой в постиндустриальную эпоху, значимых для становления социального субъекта как творца экоправовой государственности, и раскрыть способы реализации этой модели воспитания как условия выполнения всею системой культуры роли фактора гармонизации отношений социума и природной среды.

Таким образом, актуальность разработки данной темы связана с неотложностью внедрения экологических ориентиров в правовой плоскости отношений человека и природной среды, что связано с концептуальным обновлением потенциала правовой культуры экофильным содержанием. Это предполагает использование выходящих за рамки антропоцентрической парадигмы императивов уважительного отношения к правам природы, ее активной защиты и восстановления. Необходимая в данном случае интеграция экологического и правового знания с позиций обоснования расширенного правового статуса природы позволит более объемно и целостно осмыслить как сам феномен права в качестве системообразующего конструкта экосоциальной реальности, так и необходимость усиления экофильной составляющей правовой культуры субъекта современного социума.

В отечественной философской науке и социальном знании существуют представления о двух самостоятельных аспектах воспитания: правовом и экологическом. Имеет место разграничение этих аспектов воспитания и в деятельности социальных институтов. Причина кроется и в том, что предметом исследований, в том числе и в сфере правовой реальности, остаются проблемы рефлексии ее предельных оснований в наиболее обобщенном ее виде. Вне поля зрения ученых остается важная для понимания перспектив развития постиндустриального общества проблема интеграции правового и экологического аспектов сознания и воспитательных средств его формирования на основе рефлексии предельных оснований экологического права как составной части правовой реальности, представляющей системообразующий концепт реальности социальной. При этом, уровни феномена экологического права, охватывающие и его ментальную часть, и производные уровни — правотворчества и правоприменения — до сих пор не исследованы должным образом и тем более комплексно, во всей полноте их взаимопроникновения.

Какой это наносит урон делу формирования целостного мировоззрения личности, видно по результатам индустриальной деятельности человечества. Исследования в сфере природопользования, раскрывающие безответственный характер использования природных ресурсов, в лучшем случае, пробудили рост этически обличительной публицистики и природоохранных общественных движений, не затрагивая при этом научное обоснование значения осуществления мировоззренческого поворота в планетарных масштабах на основе эффективного использования возможностей экологического права для выполнения человечеством миссии гармонизатора правоотношений в экосфере.

Поскольку комплексно-культурологическое значение экологического аспекта в правовом воспитании ранее не осмысливалось, целесообразно для

этого синтезировать положения, представленные работами как энциклопедического характера, раскрывающими взаимодополняемость разных аспектов коэволюции (Ю. Г. Волков, Н. Н. Моисеев, В. С. Поликарпов), так и экософское знание, представленное, в частности, в трудах Р. Атфилда, Ф. Бормана, О. Е. Высоцкой, Т. В. Гардашук, К. Икеды Г. Йонаса, Б. Калликотта, Н. Н. Киселева, К. М. Майер-Абиха, П. Мейляндера, А. Несса, Х. Ролстона, В. Хёсле, А. Швейцера, посвященных принципам экологической этики, и разработками В. Н. Большакова, Э. В. Гирусова, В. И. Корюкина, Ф. В. Кряжмского, Ю. М. Пахомова в области экософской антропологии, эконософическими теориями З. Г. Лапиной, Т. В. Рязской, Г. И. Швевса, экосоциологическими концепциями С. И. Григорьева, А. И. Субетто, К. И. Шилина, экополитологическим подходом А. И. Костина и Р. Г. Яновского.

В этой связи цель данной работы состоит в выявлении особенностей мало изученного аспекта гармонизации отношений социума и природной среды — экофильного потенциала правовой культуры как фактора воспитания субъекта правоотношений в экосфере современного российского социума.

Для реализации этой цели важно начать с осмысления значения восточных и западных экофильных традиций для моделирования современной системы экоправового воспитания в Российской Федерации как средства использования экофильного потенциала интегральной правовой культуры, содержащего характеристику, оценку и сопоставление восточного и западного форматов ментальности.

Экологичная суть правовых представлений носителей восточного типа ментальности проистекает из интуитивного обожествления природы как источника жизни. Ее производными определялись и социальные отношения, и регулирующие их нормы права, выявляя их роль как факторов формирования мировоззрения и природосо-

образного способа организации социума как ключевых элементов культуры.

В современной Европе этот тип ментальности, как полагают некоторые ученые (З. Г. Лапина, Чжоу Хун, К. И. Шилин)[4], почти исчез, хотя для ее народов творческий синтез его экотенций мог бы послужить основой для взаимодействия с этносами Востока и Евразии в формировании общепланетарной культуры экологичного правотворчества и нового экологичного правопорядка. Специфика технологии такой этноментальной интеграции состоит в осуществлении тех процедур правотворчества, которые выражают отождествление творца со своим творением, подобное отождествлению матери-природы с феноменом материнства и ментально отражающем идею творческой самореализации личности. Это обусловлено тем, что традиционная ментальность евразийцев архаично пронизана свойствами «женской» природы, что проявляется совокупностью гуманистических признаков человека. К ним относим и благоговение перед жизнью, и ответственность за ее сохранение, воплощенную в заботе о детях. Восточная традиция распространяет такое отношение на все природные создания, что и позволяет правовым чувствам стать условием для правотворчества на ментальной почве, способствующей гармонизации правоотношений в экосфере.

В таком же ключе следует оценивать и конфуцианский опыт «возвращения благородной личности». Его творческое освоение позволяет обогатить практику формирования экологического правосознания, которая ментально исходит из примата блага жизни как высшей правовой ценности. Обустройству хозяйства, организации трудового процесса в конфуцианстве ментально отвечает требование к преобразующей роли человека: проявлять инициативу, достигать цели, не нарушая гармонии в отношениях с природной средой путем отказа от чрезмерного природопользования. Поэтому использование ментального ресурса конфуцианства снимает угрозу транс-

формации смелости, решительности и других «мужских» качеств в жестокость и чрезмерное потребление. Его прагматизм приводит не к эгоизации личности в ее отношении к природным ресурсам, а, наоборот, к переориентации правовых чувств субъекта на оптимизацию распоряжения ими посредством уменьшения урона от своих действий.

Экофильные аспекты в современной западной цивилизационной ментальности выявляем, анализируя работы Г. Йонаса, К. М. Майер-Абиха, В. Хёсле, О. Хёффе [3; 5; 6]. Их усилиями к концу XX в. была конституционно закреплена идея развития экологической государственности. Это стало почвой для обоснования путей преодоления технократического типа мышления как наследия новоевропейского рационализма. И хотя мнения этих ученых разнятся в определении алгоритма действий и расстановке акцентов в решении определенных проблем, но едины они в том, что западному социуму необходима экоориентированная смена правосознания как условие эффективности мер по гармонизации отношений с природной средой и утверждению экоправового способа жизни.

Среди общих черт, присущих разработкам западноевропейских экологов, следует выделить обеспокоенность тем, что рациональность, присущая представителям западной цивилизации, влияя на психолого-мотивационную сферу их правосознания, обусловила развитие личности с узким спектром ответственности. Она соответствует понятию ответственности за, характерной для эгоистического представления о поведении, которое порождает технократический тип прогресса, в противоположность понятию ответственности перед и для природы. Такой формат гарантирует сбалансированность социоприродного развития и предохранит биосферу от коллапса; осуждает отношение социума к природным объектам как к своей собственности с соответствующим пониманием права распоряжения ее ресурсами; стимулирует поиск идеала бытия, критерием которого служит гар-

мония отношений социума и природы; предполагает разработку теории ответственности человека за сохранение условий естественного воспроизводства природных ресурсов, в рамках которого проявляется экогуманная сущность его правосубъектности.

На основе такого подхода, если переформулировать позицию Майер-Абиха, возможно возникновение нового качества экосоциального пространства как глобального экоправового порядка, базирующегося на экологизированной правовой культуре человечества. Его следствием станет переход от человечества как чего-то отстраненного от природной среды, и, тем более, противостоящего ей, к системе, в которой оно ощутит себя не просто ее частью, а субъектом, сменившим роль эксплуататора на роль благодарного пользователя ее ресурсов, осознанно регулирующего объемы их потребления на основании органичного сочетания принципов гуманизма и экофильности. При этом способ его бытия будет органично согласовываться с существованием объектов экосферы в соответствии с объективными законами коэволюции и учетом их собственной целесообразности. Такому подходу отвечает концепт расширенного толкования понятия ответственности человека за сохранение социоприродной реальности как культурной целостности, являющейся единственным источником жизнеобеспечения как ее субъектов, так и объектов. Чтобы он эффективнее воздействовал на поведение граждан, нужно придать ему юридический статус регулятора правоотношений в экосфере. Это приведет к реальному расширению поля ответственности субъектов права и создаст условия для утверждения комплекса правовых норм, прежде всего на уровне Основного Закона страны, закрепляющего статус человека как гармонизатора правоотношений в экосфере. Примером такой модели регулирования правоотношений является, в частности, Конституция ФРГ, закрепившая принцип защиты природных основ жизни как результат осознания ответствен-

ности перед грядущими поколениями (ст. 20 «а»). Воплощая в жизнь эти положения, государство, оставаясь правовым и социальным, отказавшись от парадигмы эксплуатации человека человеком, превращается еще и в экологическое, осуждающее избыточную эксплуатацию природной среды.

Другой важной задачей, на которую указывает уже В. Хёсле, является снятие конфликта между экологией и экономикой. В усилении акцента на экологической составляющей экономического развития упомянутый ученый видит условие поворота в правосознании граждан, ведущего к гармонизации правоотношений в экосфере. Роль гаранта такого поворота может выполнить правовой механизм, предусматривающий систему санкций и дотаций, способных ввести экономику в русло соблюдения предписываемых предпринимателям экологических стандартов. При этом обосновывается реальность принципиального примирения экономики и экологии в рамках соединения присущих им форм правового регулирования — режимов обеспечения продуктивности производства и бережливости в природопользовании.

Осмысление выводов, сформулированных европейскими экологами, позволяет заявить о том, что наполнение экологическим содержанием отраслей правоведения поможет закреплению в сознании представителей юридического сообщества соответствующим образом ориентированной системы ценностей с утверждаемым ею приматом равного права на жизнь всех природных существ.

Таким образом, экологическая культура Востока, особенно в даосском и конфуцианском форматах, аккумулирует в себе ценный для современного правотворчества и правопонимания опыт развития правового чувства субъекта в направлении уважительного отношения к целостности природного мира, праву природы на существование в состоянии, приближенном к первоначальному и стремления гармонизировать свои отношения с нею на упомянутых

принципах. Творческое применение в процессе развития нашего социума экофильных традиций восточных этносов может послужить фактором успешных преобразований императивной основы правосознания россиян с целью гармонизации правоотношений в экосфере.

Большинство ведущих западноевропейских экологов видят причиной игнорирования необходимости ограничения эксплуатации природных ресурсов невозможность с позиций технократично-техногенного европоцентризма осознать угрозу биосферной экокатастрофы, которая им же порождена. Анализ упомянутых концепций позволяет утверждать, что это противоречие оказывает серьезное влияние на динамику экологизации их сознания, в т. ч. и правового, поскольку людям, воспитанным на опыте индустриальной модернизации страны, труднее принять идею примата прав природы в противовес идее личной правореализации в сфере природопользования.

Вместе с тем, важно оценить роль экологической и правовой ментальной составляющих отечественной культуры в формировании современной модели экоправового воспитания россиян. Прежде всего, следует акцентировать внимание на том, что содержание их этноментальности как бы растворяется сначала в национальном характере, а после этого — в общественном сознании, доходя до институционального уровня духовного производства в преобразованном виде. Однако, несмотря на трансформации, оно не исчезает, а продолжает воспроизводить этноспецифику проявления институированных элементов духовной сферы. А потому, апеллируя к мнению Л. Н. Гумилёва, А. О. Рубан и некоторых иных этнологов о влиянии природно-климатических условий жизни на менталитет евразийских этносов, находим его проявления и в процессе становления правовой культуры в аспекте регулирования отношений социума с природной средой.

Нельзя не заметить, что в современный период развития евразийских этно-

сов России их ментальность как сложный, противоречивый и самобытный феномен олицетворяет переходный тип правопонимания. Эту ментальность можно воспринимать двояко: учитывая как те ее черты, которые, будучи внедренными в правосознание под воздействием технократической практики, затрудняют утверждение экофильного отношения к природным объектам, так и те, которые, отражая исторически давние ее истоки, наоборот, открывают возможность для воссоздания в правосознании прежней его экофильности. Анализ ментальности россиян позволяет сделать вывод, что это противоречие оказывает серьезное влияние на динамику экологизации их сознания, в т. ч. и правового, поскольку людям, воспитанным на опыте индустриальной модернизации страны, труднее принять идею примата прав природы в противовес идее личной правореализации в сфере природопользования.

Отмеченное позволяет сделать предположение о том, что экоправовой срез ментальности, «забытый» под воздействием технократической идеологии и государственной политики в эпоху индустриализма, становится востребованным в контексте развертывания экологизации всех сторон общественной жизни, и наиболее восприимчив к ней евразийский тип ментальности как интегрировавший в себя позитивные элементы восточных и западных экофильных традиций. Межцивилизационный характер, «пограничность» правосознания евразийцев является условием внедрения в их жизнь конструктивных элементов опыта экоправового воспитания, присущего их этносам. Оно показывает высокий уровень их толерантности, потенциал межкультурной коммуникации, способности осваивать полезный социо-культурный опыт, базирующийся на разных системах ценностей, сохраняя при этом самобытность, тот «стереотип поведения», который Л. Н. Гумилев характеризовал как признак самодостаточности этноса [2, с. 253].

Подытоживая отметим, что структура духовной сферы россиян может в процессе творческого освоения ими традиций своей и мировой экоправовой культуры трансформироваться в направлении создания предпосылок для культивирования правотворчества жизни. Вектором этого процесса может стать переход генерирующей его личности с уровня неоднозначной транзитивной духовности на уровень гуманистической парадигмы экообщения. Ему отвечает такой контекст правотворчества, которому присущи три аспекта: 1) функции организации гармоничного общения социума с природой; 2) его парадигмально экоправовое наполнение, обуславливающее возможность трансформации носителя переходного правосознания в экоправовую личность; 3) акцент на примат прав природы, включающий юридическое обеспечение равного права на жизнь ее субъектов и объектов, в регулировании субъект-объектных правоотношений в экосфере.

Аннотация. Современная экологическая ситуация в мире в целом и на территории нашей страны, в частности, побуждает к поиску альтернативных моделей восприятия взаимоотношений социума с природой как единственного способа их гармонизации, так как очевидность тупикового характера дальнейшего развития в русле новоевропейского понимания человека как господина природы общепризнана. В статье рассмотрена сущность экоправового воспитания как социокультурного феномена и альтернативной модели синтезирования экологического и правового знания на идеологическом уровне регулирования субъект-объектных правоотношений в экосфере. Ресурсом для такого синтезирования можно считать экофильные основания человеческого бытия, «закодированные» в глубинных пластах древних типов культур, традициях многочисленных коренных этносов, населяющих территорию Российской Федерации, а также в догматах мировых религий. На сегодняшний день оптимальным достижением на

этом пути можно считать концепцию устойчивого развития, принятую в качестве ориентира большинством развитых стран мира. Не теряя в полной мере своей антропоцентрической сущности, концепция устойчивого развития может считаться необходимой «ступенькой» в переходе на новый уровень осознания права природы на существование и дикость и своего статуса внутри «природного общего мира» (термин К. М. Майер-Абиха). Уникальность нашей страны при этом состоит в возможности взаимодействия как восточного, так и западного пути формирования экологической императивности в сознании населения. Экофильный срез ментальности, «забытый» под воздействием технократической идеологии и государственной политики в эпоху индустриализма, становится востребованным в контексте развертывания экологизации всех сторон общественной жизни, и наиболее

восприимчив к ней евразийский тип ментальности как интегрировавший в себя позитивные элементы восточных и западных экофильных традиций. В данных условиях чрезвычайно важным становится переход интегрирующей упомянутые ценности личности с уровня неоднозначной транзитивной духовности на уровень гуманистической парадигмы экообщения. Ему отвечает такой контекст правотворчества, которому присущи три аспекта: 1) функции организации гармоничного общения социума с природой; 2) его экофильное сущностное наполнение, обуславливающее возможность трансформации носителя переходного правосознания в экоправовую личность; 3) акцент на примат правприроды, включающий обоснование необходимости обеспечения равного права на жизнь ее субъектов и объектов в регулировании субъект-объектных правоотношений в экосфере.

1. Государственная программа Российской Федерации «Охрана окружающей среды» на 2012-2020 годы [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.mnr.gov.ru/regulatory/detail.php?ID=134258>

2. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли [Текст] // Собрание сочинений / Л. Н. Гумилев. — СПб.: СЗКЭО «Кристалл»; М.: ОНИКС, 2003. — С. 253

3. Йонас Г. Принцип ответственности: опыт этики для технологической цивилизации [Текст] / Ганс Йонас. — М.: Айрис-Пресс, 2004. — 480 с.

4. Лапина З. Г. Экологическое воспитание — творческая индивидуальность будущего [Текст] / З. Г. Лапина, Чжоу Хун, К. И. Шилин. — М.: ГУП Изд-во «Нефть и газ РГУ им. И. М. Губкина, 2002. — 256 с.

5. Майер-Абих К. М. Повстання на захист природи: від довілля до спільносвіту [Текст] / Клаус Михаэль Майер-Абих. — К.: Лібра, 2004. — 196 с.

6. Хёсле В. Философия и экология [Текст] / Витторио Хёсле; [пер. с англ.] — М.: Наука, 1993. — 202 с.

7. WWF. 2014. Living Planet Report 2014: species and spaces, people and places. [McLellan, R., Iyengar, L., Jeffries, B. and N. Oerlemans (Eds)]. WWF, Gland, Switzerland. P. 16, 33

The article describes a sociocultural phenomenon of eco-legal education as an alternative model of integration of environmental and legal knowledge, aimed at strengthening of deep foundations of ecophilic human being encoded in the layers of culture numerous Russian indigenous ethnic groups.

Keywords: culture, harmonization, nature, society, eco-legal education, ecophilicity.

УДК 008:130.123.3:711.00:72(477.75)“XVIII/XIX”

Е. Г. Кокорина

Проявления синтетичности в градостроительстве и памятниках архитектуры Симферополя конца XVIII — первой половины XIX в.

Архитектура в Крыму с конца XVIII в. демонстрируют тенденцию соположения доминирующего в русской культуре того времени классицизма и местных традиций. Это нашло отражение в планировании новых городов в Крыму и в создании сооружений разного назначения. Стилевая синтетичность характерна памятникам архитектуры Симферополя конца XVIII — первой половины XIX в., которая затем получит дальнейшее развитие.

Ключевые слова: Крым, Симферополь, архитектура, градостроительство, синтез, синтетичность.

Обоснование актуальности. Период социальных трансформаций, который в очередной раз переживает наше общество, несомненно, содержит в себе примеры разного рода «соединений» элементов старой системы и зарождающихся новых. Эти соединения в переходной культуре проявляются в синтетичности, которая «проявляется на разных уровнях функционирования системы культуры» [4, с. 168].

Постановка проблемы. Несмотря на то, что говоря о синтезе в крымской архитектуре, мы, в первую очередь, рассматриваем памятники рубежа XIX — XX вв., который характеризуется как переходный период в отечественной и в мировой культуре, факторы появления этой синтетичности сложились несколько ранее, — после вхождения Крыма в состав Российской империи в 1783 г. Это событие открывает собой новый этап развития местного градостроительства и архитектуры.

Анализ последних исследований и публикаций. Вопросам градостроительства и архитектуры Крыма разных периодов посвящено значительное количество трудов историков, искусствоведов, краеведов, среди которых необходимо упомянуть С. Л. Белову, В. П. Дюличева, В. Х. Кондараки, Е. В. Крикуна, Ф. Ф. Лашкова, А. В. Мальгина, А. И. Маркевича, П. В. Никольского, З. В. Тимченко, Б. П. Чупикова, Д. В. Яшного и других авторов.

Выделение нерешённых ранее частей общей проблемы. В Крыму, начиная с рубежа XVIII — XIX вв., наблюдается появление региональных примеров архитектуры, основной характеристикой которой является стремление к синтезу различных художественных стилей и направлений. Эти тенденции требуют внимания и анализа как основополагающие факторы

формирования местной крымской архитектуры в XIX — XXI вв.

Объектом исследования выступает градостроительство и архитектура Симферополя конца XVIII — первой половины XIX в., предметом — проявление синтетичности в архитектурных памятниках указанного времени.

Целью данной работы является краткий обзор нескольких важнейших для облика Симферополя архитектурных памятников для последующей постановки следующих задач: проанализировать историю возникновения Симферополя, планирование его новой части в сочетании с уже существовавшим до этого «старым городом»; выделить несколько важных для архитектурного облика города памятников, изучить их историю, конструктивные и стилистические особенности; выявить примеры синтетичности в архитектурных памятниках Симферополя конца XVIII — первой половины XIX в.

Основной материал. Основные тенденции в архитектуре и градостроительстве Крыма необходимо изучать, начав со столицы, которой стал в конце XVIII в. новообразованный город Симферополь. С тех пор он навсегда остался административным, экономическим и культурным центром Крыма.

Датой основания Симферополя принято считать 28 июня 1784 г., когда А. Г. Потёмкин подписал ордер правителю Таврической области В. В. Нечуй-Каховскому о подвозке материалов для строительства города: «Препоручаю я вам осмотреть и распорядить, откуда поблизости возить камень для строительства у Акмечета губернского города, черепицу старую рекомандую собирать во всех местах, где найдётся...» [9, с. 23].

В 1786 г. были составлены первые планы новой части города по европейскому образцу: длинные прямые улицы, которые пересекались в основном под прямыми углами. Этот идеальный вариант не был реализован, но, тем не менее, новая часть города была построена по приближённому к нему плану 1794 г., который, в свою очередь, до-

рабатывался уже в процессе возведения города. Проектный план в духе классицизма предполагал идеальную схему квадрата с 16 кварталами.

Как писал крымский историк А. И. Маркевич: «Старая Акмечеть была небольшим типичным восточным городком, с узкими и кривыми улицами, переулками и частыми тупиками. Постепенно эта часть города была перестроена и выпрямлена» [8, с. 25].

В. В. Измайлов в работе «Путешествие в полуденную Россию» замечает: «Сегодня вы удивляетесь дикому состоянию сего города, но скоро вы будете удивляться цветущему блеску его... Здания европейского вкуса в нём возносятся, новые жители селятся, развёртывается блеск общежития, жизнь делается приятною» [8, с. 29].

Крымский краевед В. Х. Кондараки описывает столицу Таврической губернии в «Новом, обстоятельном путеводителе по Крыму», изданному в 1885 г., следующим образом: «Город этот по разнородности обитателей можно разделить на несколько отделов: на новую часть, занятую русским интеллигентным сословием в смеси с немногими других наций и на старую половину, которая делится на кварталы: греко-армянский в смеси с караимами, татарский и цыганский. В первом бросаются в глаза церковные купола, а в последней высокие минареты татарских мечетей» [5, с. 10].

Самыми значительными постройками по величине и архитектуре в первой половине XIX в. указывались: «собор, здание богоугодных заведений, дом губернатора, полиции с каланчею, присутственных мест, гимназии и гостинный двор; а из частных зданий замечательные дома: Рудзевич, Ревелиоти и Цомакиана» [9, с. 42].

Собор Александра Невского, действительно, занимал особое место в городе. В регулярном плане нового города роль композиционного центра отводилось полукруглой площади, на которой и предполагалась возвести большой храм. В 1810 г. здание Алек-

сандро-Невского собора было заложено и освящено при большом стечении народа. Строительство началось не сразу, этому препятствовало несколько факторов: смена архитекторов, недобросовестные подрядчики, события Отечественной войны 1812 г. В 1821 г. император Александр I утвердил проект И. И. Шарлеманя и И. Ф. Колодина. Его проект отвечал всем требованиям архитектуры зрелого классицизма. Постройка завершилась в 1829 г., но в дальнейшем здание претерпело изменения, получив дополнительные элементы. Просуществовав около двухсот лет, главный храм Симферополя был взорван большевиками в ночь с 26 на 27 сентября 1930 г.

Среди общественных зданий Симферополя первой половины XIX в. следует выделить дом Дворянского собрания, необходимость в сооружении которого была обусловлена «...возросшим, укрепившимся положением дворян Таврической губернии, деятельно решавшими проблемы своей сословной организации и общественной жизни Тавриды» [7, с. 40]. Здание возведено в стиле классицизма в 1848-1849 гг. по проекту К. И. Эшлимана и стало культурным центром местного дворянства.

Как мы видим, в «новом городе» постройки возводились, в основном, в распространённом в Европе стиле классицизма. Но по соседству с ними оказывались и другие, отразившие синтез разных стилей.

Примером «народной архитектуры с использованием ордера» [3, с. 91] являются греческие торговые ряды в Симферополе, ставшие в XVIII в. органичной частью целого комплекса зданий, принадлежавших греческой общине города. Здание греческих торговых рядов построено в соответствии с его основной функцией: наземный этаж был предназначен для торговли, а глубокие сводчатые подвалы — для хранения товаров. По двум сторонам одноэтажной постройки располагалась угловая торговая галерея, образованная девятью колоннами с простыми классическими

базами и капителями. Колонны, сложенные из известняка, поддерживали широко вынесенную вперёд кровлю, которая некогда была покрыта традиционной для местной архитектуры того времени черепицей «татаркой».

Важнейшую роль в формировании архитектурного облика Симферополя сыграли усадьбы, расположенные неподалёку от нового города и впоследствии ставшие его частью.

Одно из старейших имений в Крыму — «Салгирка» — практически полностью сохранило свои границы, в которых создавалось на рубеже XVIII — XIX вв. в южной части Симферополя. Его границами сейчас являются берега реки Салгир, проспект Академика Вернадского, территория комплекса построек Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского и начало улицы Киевской.

Первым хозяином этой территории был М. П. Мартыновский, по имени которого имение получило название «Михайловка». Мартыновский владел этой территорией недолго, и имение, сменив нескольких хозяев, перешло к семье П. С. Палласа, когда в 1808 г. его супруга выкупила участок с торгов площадью около 48 гектар на хуторе Михайловском, который тогда находился на приличном расстоянии от города. Паллас назвал новое имение Каролиновкой в честь жены.

Имение академика П. С. Палласа в Симферополе является одной из последних дошедших до наших дней мелкопоместных усадеб в Крыму. Здесь ощущается архитектурное очарование периода XVIII в., когда каждый хозяин стремился выделиться среди своих соседей [10, с. 133].

Комплекс усадьбы состоял из дома, подворья со служебными постройками, водяной мельницы и фруктового сада [1, с. 96].

Главное здание — большой каменный дом — построено, скорее всего, ещё до 1788 г. татарами. Стилистически оно близко архитектуре Причерноморья и Малой Азии, так называемому

бахчисарайскому или малотурецкому стилю. Одноэтажная постройка — в плане это был удлинённый прямоугольник — делилась на три помещения, расположенных анфиладой. К юго-западному фасаду была пристроена большая, открытая с трёх сторон терраса, занимавшая половину площади здания. На главном, северо-восточном, фасаде в нишах располагались три прямоугольных окна с декоративными замками, два крайних были оформлены простыми сандриками.

Над террасой возвышалась крыша, углами лежащая на каменных столбах, а по длине фасада поддерживаемая двумя цилиндрическими колоннами из дуба. В верхней части колонн устроены прорези, в которые вставляли деревянные решётчатые рамы.

В интерьере дома особый интерес представляло решение дверных проёмов, которые были оформлены профилированными деревянными наличниками, в верхней части установлена резная арка. На всех дверях имелись ставенки с накладными плоскими квадратами и кругами.

Четырёхскатная крыша с небольшим наклоном покрыта традиционной изогнутой черепицей «татаркой», карниз был значительно вынесен вперёд. Две белые резные башенки-пинакли из известняка, установленные в точке соединения стропил с гребнем, добавляют изящества внешнему виду постройки.

Такое соединение местных архитектурных элементов с привнесёнными с материка становится одним из первых шагов к появлению уникальной крымской архитектуры, которая достигнет своего расцвета уже на рубеже XIX — XX вв.

В 1824 г. имение Палласа приобрела графиня Н. Ф. Нарышкина. После смены владельца на участке произошли значительные преобразования. По периметру двора, образованного жилым помещением и служебными флигелями, появились новые сооружения: хозяйственный блок, в который входили конюшни, сенной и каретный сарай. Новая, прямоугольная в плане построй-

ка, лишённая декоративных элементов, создана в духе классицизма, характерного для усадебной архитектуры первой половины XIX в.

В дальнейшем изменения произошли и с домом. Оригинальная терраса была заложена бутовым камнем, скреплённым глиняным раствором, забутованными оказались и деревянные колонны. Получившееся новое помещение жилого здания разделили на три части. Фасад получил три окна: прямоугольное в центре и узкие в боковых помещениях. Также архитектурный вид хозяйского дома был изменён пристройками-террасами с юго-восточной стороны и северо-западной, откуда шли выходы во двор, оформленные дверями с наличниками и множеством резных декоративных элементов.

Вместо западного флигеля появилось новое здание — прямоугольное и вытянутое в плане, разделённое на три секции, расположенные анфиладой. Из этой постройки во двор вели три выхода, оформленные деревянными крыльцами, над которыми были установлены на двух деревянных колоннах фронтоны. От колонн до фасада шли ажурные парапеты со скамьями. Фасады лишены декоративных элементов. Толстые деревянные двустворчатые двери оформлены снаружи профилированными досками с узором в виде обратной ёлочка.

Четырёхскатная крыша из толстых досок не была зашита со стороны помещения, а сверху покрыта желобчатой черепицей («татаркой»).

К концу XIX в. перестроили северо-западный флигель, получивший дополнительную третью секцию со стороны реки Салгир. В соответствии с традициями классицизма, строение получилось симметричным. Дворовой фасад имел три входа с пилястрами и треугольными фронтонами. Фронтоны боковых входов завершались кокошниками. Центральный вход обрамляли по две пилястры с каждой стороны, между ними располагались узкие окна, композицию венчал фронтон трапецевидной

формы. Окна дворового фасада оформлены каменными наличниками с выступающими над ними декоративными замковыми камнями. Нижняя часть наличников переходит в пояс, шедший вдоль всего фасада. На остальных фасадах окна наличников не имеют. По углам постройки расположены резные пилястры. Стены сложены из бутового камня на глиняном растворе. Декоративные элементы вытесаны из известняка. Крыша четырёхскатная, покрыта «татаркою».

Во дворе находится заброшенный колодец, пользоваться которым можно и сейчас.

Нарышкина использовала бывшую усадьбу Палласа как жильё управляющего именем Воронцова (Нарышкина), располагавшегося по соседству, и в качестве служебных помещений.

В конце XIX в. имение перешло во владение государства. Постройки усадьбы использовались в качестве жилых, они неоднократно перепланировались. В 1981 г. начались реставрационные работы, в ходе которых были разрушены хлев и хозяйственный корпус, здание которого реконструировали, сместив на девять метров во двор. Довершило искажение ансамбля поместья сооружение башни с телескопом.

Менявшее хозяев имение Палласа вошло в историю как основа для ландшафтного парка, в создании которого принимал участие Х. Х. Стевен. В дальнейшем парк «Салгирка», по инициативе ректора ТНУ Н. В. Багрова, стал ботаническим садом Таврического национального университета (ныне Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского).

В 1824 г. весь большой участок переходит к генерал-губернатору Тавриды статскому советнику Д. В. Нарышкину, которому был необходим губернаторский дом.

Пока не установлено, кто явился автором проекта здания, возведенного в 1826 г. неподалёку от усадьбы П. С. Палласа. Известно, что в Воронцовский дворец в Алушке из Англии

привезли несколько дворцовых проектов в стиле классицизма, и некоторые из них были реализованы. Допускается, что дом Д. В. Нарышкина был возведён первым архитектором Южного берега Крыма Ф. Ф. Эльсоном [1, с. 164–165].

Главный корпус дворца Воронцова в «Салгирке» представляет собой одноэтажное строение на высоком цоколе. Его длина составляет тридцать метров, ширина — двадцать четыре, а высота — около трёх. Своими очертаниями здание напоминает букву «Н». Цокольный этаж возведён из мрамороподобного известняка, первый этаж — из крымского известняка.

На западную и южную стороны дворца выходило по два треугольных пилона. Здание было оштукатурено, фасады покрашены в жёлтый цвет. Углы постройки были белого цвета, как и сандрики окон. На восточном фасаде устроена галерея-терраса, ограниченная колоннадой дорического ордера. С террасы вниз, в сторону парка, ведут каскады ступеней в два пролёта. Ступени по бокам завершались прямоугольными тумбами. В ходе реставрационных работ в 1980-х гг. на месте шаров установлены скульптурные изображения львов из мрамора, которые органично вписываются в архитектурную композицию.

Казалось бы, всё строение отвечало требованиям классицизма, но на северном фасаде дворца построили открытую деревянную террасу, с которой можно попасть внутрь здания. Она нарушает общую стилистику постройки, вплетая в неё восточные мотивы [6, с. 43]. И, что немаловажно, эта «восточная» терраса как бы объединяет большой хозяйский дом с построенным по соседству флигелем, стилистическое решение которого перекликается с ней.

Флигель дворца, первоначально предназначенный для кухни, свою функцию практически не выполнял, так как ещё одна кухня была устроена в нижней части дворца. Одноэтажное здание флигеля обустроено большим

подвалом. Архитектура этой постройки представляет собой творческое объединение традиций восточного и готического стилей. Окна на фасадах килевидной формы. На крыше, покрытой черепицей, возвышаются каминные трубы — башенки и «минарет».

В этой небольшой постройке уже предвосхищаются дворцы, дачи и виллы, которые появятся по всему крымскому побережью, поражая своей синтетичной архитектурой.

Некоторое время флигель использовался как жилое помещение семьёй В. И. Вернадского. После реставрации 1980-х гг. крыша флигеля стала несколько выше, здание получило два этажа, и в нём разместилось десять небольших помещений.

В 1833 г. при подготовке к приезду в Крым Николая I имение было приобретено генерал-губернатором Новороссийского края М. С. Воронцовым, и дом Нарышкина получает статус дорожного дворца. Здесь останавливался целый ряд известных людей: император Николай I (1837 г.), французский учёный Дюбуа де Монпере (1837 г.) [11, с. 67], архиепископ Таврический и Херсонский Иннокентий (1894 г.) и другие.

В 1856 г. имение «Салгирка» переходит к сыну Воронцова — С. М. Воронцову. В 1870-е гг. управляющим И. И. Штваном был заложен декоративный рассадник, в котором выращивались плодовые и декоративные культуры.

Последней владелицей «Салгирки» из рода Воронцовых была племянница С. М. Воронцова — Е. А. Балашова (урождённая Воронцова-Дашкова). До конца XIX в. имение принадлежало Воронцовым [2, с. 63].

С 1895 г. имение уходит в казну, и его приобретает Министерство земледелия. В хозяйственных постройках располагалась практическая школа садовых работников, срок обучения в которой составлял три года.

В 1897 г. был создан план и просчитан бюджет восстановительных работ во дворце. Капитальный ремонт л осу-

ществлён в период 1897 — 1899 гг. Черепичную крышу заменили железной.

В 1910 г. школа была преобразована в Салгирскую школу садоводства, огородничества и виноградарства. В 1893 г. для развития практики сохранения урожая плодовых культур впервые в России создана Помологическая служба, станция которой с 1913 г. работала на базе Салгирской школы. С 1914 г. станции были переданы помещения дворца и флигеля-кухни. В «Салгирке» были возведены новые постройки: дом директора, здание для сотрудников, конюшни и погреб. Все они сейчас используются Крымским федеральным университетом имени В. И. Вернадского.

Выводы. Ко второй половине XIX в. Симферополь представлял собой замечательный образец русского градостроительства на присоединённой территории, где были объединены две архитектурные традиции — восточная в старой части города (Акмечети), которую принято называть мединой, и европейская, воплощённая в духе классицизма XVIII — XIX вв.

Общая тенденция, характерная для архитектуры Крыма на рубеже XVIII — XIX вв., проявилась в органичном соединении черт разных стилей в конструктивных и декоративных элементах сооружений данного периода. Доминирующий в то время в европейской культуре стиль классицизма синтетически соединяется с характерными для местной архитектуры особенностями, в частности, традициями восточного зодчества.

Имена академика П. С. Палласа, генерал-губернатора Новороссийского края М. С. Воронцова стали образцами новой крымской архитектуры конца XVIII — XIX вв. В основе их архитектурной композиции лежат традиционные принципы классицизма, но также присутствуют совершенно новые для русского зодчества элементы, воспринятые из местной культуры. Это впоследствии станет отличительной чертой крымской архитектуры второй половины XIX — начала XX в.

Стилистические тенденции, проявившиеся в архитектуре Симферополя данного периода, найдут также воплощение в застройке других городов Крыма. Таким образом, в Крыму с конца XVIII в. появляется целый ряд памят-

ников архитектуры, в основном усадебных комплексов, в которых реализуются принципы синтетичности.

1. Бабенко Г. А. Таврическая губерния. История в очерках [Текст] / Г. А. Бабенко, В. П. Дюличев. — Симферополь: Таврия, 2009. — 580 с.
2. Белова С. Л. Симферополь: этюды истории, культуры, архитектуры [Текст] / С. Л. Белова. — Симферополь: Таврия-Плюс, 2001. — 183 с.
3. Кокорина Е. Г. Анализ бывших греческих торговых рядов в Симферополе как текста в культуре Крыма [Текст] / Кокорина Е. Г. // Межкультурные коммуникации: тезисы докладов участников международной научной конференции (г. Симферополь, 24-27 апреля 2017 г.). — С. 90–91
4. Кокорина Е. Г. Синтетичность как особенность культуры переходного периода: автореферат дис. на соискание степени кандидата культурологии: спец. 26.00.01 «Теория и история культуры» [Текст] / Кокорина Екатерина Георгиевна. — Симферополь, 2010. — 23 с.
5. Кондараки В. Х. Новый, обстоятельный путеводитель по Крыму [Текст] / В. Х. Кондараки. — М.: Типография М. М. Борисенко и Ко, 1885. — 160 с.
6. Крикун Е. В. Архитектурные памятники Крыма [Текст] / Е. В. Крикун. — Симферополь: Таврия, 1977. — 54 с.
7. Лашков Ф. Ф. Третья учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии. Симферополь и его окрестности / сост. Ф. Ф. Лашков, Ил. А. Архипова. — Симферополь: Типография Н. Т. Гордиевского, 1890. — 255 с.
8. Маркевич А. И. Симферополь, его исторические судьбы, старина и недавнее прошлое [Текст] / А. И. Маркевич. — Симферополь: Крымиздат, 1924. — 115 с.
9. Симферополю 200 лет, 1784 — 1984: сборник документов и материалов [Текст] / сост.: Л. И. Васильева; отв. ред.: Э. К. Покровский. — Киев: Наукова думка, 1984. — 319 с.
10. Тимченко З. В. Дворянские гнёзда Салгирской долины [Текст] / З. В. Тимченко // Материалы IV Всеукраинской (VII Всекрымской) научной конференции молодых учёных «Молодая наука-2011» (11 ноября 2011 г.) / отв. ред. А. В. Горбань. — Симферополь, 2011. — С. 133–135.
11. Яшний Д. В. Салгирское имение Воронцовых: страницы истории [Текст] / Д. В. Яшний // Мир усадебной культуры. II Крымские международные научные чтения (11–13 мая 2001 г., Алушка): Материалы / под ред. В. П. Казарина. — Симферополь: Крымский Архив, 2002. — С. 86–91

Crimean architecture from the end of the 18th century demonstrated the combining tendency of the dominant in Russian culture classicistic style with the local traditions. It had been reflected in the planning of new towns in Crimea and in buildings of different purposes. The style synthesis was inherent to the architectural monuments of Simferopol in the end of the 18th — the first half of the 19th centuries and would be further developed.

Keywords: *Crimea, Simferopol, architecture, urban planning, synthesis, synthesisity.*

УДК 008+004.9

М. В. Сомов, Ю. В. Курамшина

Центр мультимедийных технологий в Крыму: идея и перспективы

В статье рассматриваются идея и перспективы создания в Крыму центра современных мультимедийных технологий. Реализация основных положений, изложенных в работе, будет способствовать созданию нового модернизационного направления в визуальной культуре и подготовке профильных кадров. Анализируются основные подходы и направления для реализации поставленной цели как проекта прикладной культурологии.

Ключевые слова: *мультимедиа, мультимедийные технологии, визуальная культура, режиссура мультимедиа, мэппинг, мультимедийное шоу, 3D-технологии, Крым.*

В XX веке в гуманитарных науках появилось новое направление в исследованиях — визуальная культура, в определении которой обозначились качественное отличие современной культуры от предыдущих этапов её развития, поворот от «слова» к «образу». Несомненно, большую часть информации об окружающем мире человек всегда получал при помощи зрения, как зримыми были и результаты его деятельности. Но каждая историческая эпоха характеризуется своей спецификой, что отражается на способе восприятия зрительных артефактов, способности их анализа и осмысления. С древнейших времён визуальная парадигма претерпела множество трансформаций: от прямого подражания действительности в античности, через образно-символический характер искусства Средневековья и опору на научные знания в Новое время. Изменение форм визуального восприятия происходит не только как следствие социально-экономических перемен в обществе, но и в связи с его техническим развитием.

Конец XX — начало XXI в. характеризуется как время информационных технологий, глобализации и общества потребления, когда особенно возрастает роль и значение «визуального». Современные исследователи, говоря о сущности «визуального поворота», отмечают трансформацию самой социокультурной реальности, в которой визуальное (фотография, кино, медийные образы) является не просто дополнением к тексту и вербальным формам репрезентации мира, но базовым модусом существования современной культуры [3]. Появление новых, основанных на зрительном восприятии, технологий и многообразных визуальных практик, повлекло за собой отход культуры от логоцентризма в сторону визуального начала: при современном развитии техники в значительной степени проще показать что-либо, нежели рассказать об этом. Кроме того, визуальный образ саморепрезентативен и самодостаточен, он не требует сложных систем декодировки.

Одной из составляющей визуальной культуры являются мультимедиа, медийное искусство и медиакультура. И хотя они не являются синонимами, у этих феноменов есть точки пересечения. Само слово «мультимедиа» является производным от латинских *multum* (много) и *media, medium* (средство, способ) и дословно означает «многие среды». В словаре «Основные понятия и определения прикладной интернет-техники» под мультимедиа понимается взаимодействие визуальных и аудиозвучных эффектов под управлением интерактивного программного обеспечения [4]. Обычно это означает сочетание текста, звука и графики, а в последнее время еще анимации и видео.

Благодаря одновременному воздействию графической, аудиальной и визуальной информации, а также интерактивности и постоянно растущему креативному потенциалу, мультимедийные средства обладают большим эмоциональным зарядом и активно используются в обучении, управлении, туризме, индустрии развлечений и пр.

Особенно актуальной сферой применения мультимедиа технологий в настоящее время становится режиссура театрализованных представлений и праздников. Новейшие технические достижения и технологии направлены на увеличение зрелищности, что способствует не только усилению эмоционального эффекта, но и, как следствие, привлечению зрителей. Доминирующими средствами выразительности, основанными на передовых технологиях, сегодня становятся световое оформление, виртуальные декорации, использование мультимедийных экранов и видеопроекций и т. п. — благодаря этим средствам появляются новые виды зрелищ, новые подходы к их постановке. Чем масштабнее мероприятия, тем выше фактор зрелищности, способствующий удержанию внимания и сопереживания зрителя [2, с. 47]. Исходя из мирового опыта известно, что практика

режиссерских постановок с использованием современных мультимедиа технологий имеет необычайный успех у публики. Благодаря уникальным возможностям синтеза разнообразных «сред» и свойствам интерактивности, мультимедиа позволяют моделировать всю полноту человеческих ощущений, предоставляя зрителю возможность соучаствовать в процессе создания аудиовизуального пространства, взаимодействуя с разнородными данными интерактивной структуры в диалоговом режиме. Мультимедиа, опираясь на технологию виртуальной реальности, помогают раздвинуть границы экрана, создать иллюзию реальности происходящего.

В ведущих ВУЗах культуры и искусств Российской Федерации уже готовят специалистов в рамках таких новых специализаций (согласно ФГОС), как «Режиссер анимации и компьютерной графики», «Режиссер мультимедиа», «Режиссер Интернет-программ», а самыми молодыми факультетами являются факультеты анимации и мультимедиа. При этом, в Крыму наблюдается слабое развитие мультимедиа-индустрии как на уровне собственно технологическом, так и на уровне подготовки соответствующих специалистов в образовательных учреждениях региона. Воспитание режиссера мультимедиа невозможно без формирования целостной эстетической системы режиссуры, изучения сложных законов творчества в его связях с восприятием интерактивных художественных пространств, для этого необходима соответствующая материально-техническая база. Специфика профессии режиссера мультимедиа многоаспектна. Она может быть раскрыта и воплощена в теорию при условии сочетания богатейшего опыта, накопленного режиссурой в сфере театрализованных представлений и праздников, с использованием наиболее общих закономерностей, уже проявивших себя в таком новом модернизационном виде творчества, как мульти-

медиа. Профессиональная подготовка специалистов возможна только при наличии целостной системы знаний в этой области.

Среди исследований отечественных авторов, посвященных развитию мультимедиа технологий, стоит отметить работы А. Борзенко, А. Федорова, О. Горюнова, В. Дьяконова, А. Каптерева, А. Пушкова, В. Марысаева, С. Новосельцева, В. Узуновой, Ю. Усова, О. Шлыковой, особо отметив учебные и учебно-методические издания по подготовке специалистов в области режиссуры мультимедиа Н. Дворко [1].

В качестве содействия синтезу прикладного и теоретического знания основной целью данной работы является рассмотрение создания и перспектив развития Центра мультимедийных технологий в зрелищном искусстве в Крыму. Задачами работы выступают проектирование деятельности Центра, основных направлений и принципов его работы, а также роли, которую он сможет выполнять в процессе подготовки профильных кадров.

Как проект прикладной культурологии, данный Центр может стать не только площадкой для проектирования и производства современных творческих проектов, но и восполнить нишу, связанную с необходимостью создания теоретико-прикладной базы режиссуры мультимедиа и профессиональной подготовки новых творческих кадров в Республике Крым.

Результаты анализа рынка мультимедиа технологий (в том числе, соцпросы) говорят о высокой востребованности со стороны потенциальных зрителей разных возрастных категорий продукции мультимедиа в современном социокультурном пространстве [5]. В Крымском регионе на сегодняшний день отсутствуют учреждения, деятельность которых удовлетворяла бы запросы как на продукцию, предусмотренную подобным проектом, так и на подготовку кадров соответствующих профилю Центра.

Полная реализация Проекта планируется в несколько этапов, таких как: начало работы Центра мультимедийных технологий в зрелищном искусстве, создание на его базе мастерских по направлениям «Режиссура мультимедиа», «Режиссура анимации», «Режиссура Интернет-программ». Предполагается, что данный Центр будет реализовывать не только различного уровня культурно-массовые проекты, но и может стать базой для подготовки кадров на разных уровнях образовательной системы среднего профессионального, высшего и дополнительного образования (в том числе, дополнительного профессионального образования, включая дополнительные профессиональные программы повышения квалификации и переподготовки).

В целом, работа Центра мультимедийных технологий может охватывать следующие направления:

1. Мэппинг как искусство проекций на различного рода поверхности [3; 4], включающий:

— 3D-мэппинг (видеомэппинг) как направление в аудиовизуальном искусстве, представляющее собой 3D-проекции на физические объекты окружающей среды с учётом их геометрии и местоположения в пространстве;

— архитектурный мэппинг, посредством которого проекция создается с учетом геометрических особенностей поверхности, на которую будет производиться мэппинг. Для этого используются архитектурные объекты и здания. При достаточной фантазии можно «оживить» любую архитектурную поверхность и создать реалистичный эффект, который с восторгом воспринимается зрителем. Как показывает практика, этот вид мэппинга хорошо использовать для массовых мероприятий под открытым небом, когда нужно привлечь внимание большого количества людей;

— наружный мэппинг — используется для проекции на различные объ-

екты такие как дерево, фонтан, белый дым и другое;

— интерьерный мэппинг, создающий проекции для показа внутри помещений. Интерьерный мэппинг активно используется на корпоративных вечерах, праздниках, вечеринках, а также в ночных клубах;

— авто-мэппинг, активно используемый автопроизводителями для представления своих новых автомобилей, концепт-каров. Посредством данной технологии неподвижно стоящая машина словно оживает на глазах у зрителей;

— лазерный мэппинг (Laser mapping), являющийся новейшим творческим направлением в индустрии лазерного шоу. Лазер-мэппинг является отличной альтернативой видео-мэппингу, так как не требует высоких затрат на производство контента и аренду дорогого видеоборудования.

2. Видеопроекции, являющиеся в настоящее время неотъемлемым атрибутом современного медиа-представления: презентаций, концертов, праздничных мероприятий и др. Несмотря на то, что сегодня широкое распространение получили светодиодные экраны, видеопроекция очень часто используется как основной или дополнительный элемент оформления мероприятия или сцены.

3. Мультимедийные шоу как грандиозное представление под музыку, в котором представлены все самые современные технологии, и все они соединены в одно неповторимое действо. Свет, звук, пиротехника, лазерные и видеопроекции, живая игра актеров и музыкантов, огненные и водные перформансы — эти и многие другие компоненты становятся частью удивительных и увлекательных медиа-спектаклей. Можно утверждать, что мультимедийные шоу — самые презентабельные и увлекательные в современной шоу-индустрии.

4. 3D-голограммы, представляющие собой систему трехмерного проецирования, позволяющую создавать трех-

мерные движущиеся изображения любых предметов, объектов и людей, от размера яблока и до размера грузового автомобиля.

5. 3D-голографические пирамиды, использующие дифракции света для создания виртуального трехмерного изображения объекта. Отличие голографических пирамид, как и любой другой голографической визуализации, состоит в том, что они не нуждаются в помощи каких-либо специальных очков или внешнего оборудования для просмотра трехмерного изображения.

6. Виртуальные промоутеры — консультанты, гиды, которые помогают сориентироваться, информируют посетителей, а также успешно рекламируют товары и услуги. Визуально — это неформатный экран обратной проекции в виде силуэта человека [3; 4].

При проектировании деятельности Центра необходимо учитывать, что его работа может быть направлена на дизайн форумов и эвентов, производство качественных рекламных роликов, монтаж видео любой сложности и назначения, создание инфографики, компьютерной графики и анимации. Также в сфере деятельности Центра входят проектировка и реализация сложных концептуальных проектов: идеи, сценарии, постановка и режиссура, подбор по просьбе заказчиков наиболее подходящих материалов и технологий.

Подобный Центр может стать базой не только для производства мультимедийной продукции, но и для подготовки профильных кадров: режиссеров анимации и компьютерной графики, режиссеров мультимедиа программ, художников анимации и компьютерной графики, специалистов по созданию виртуальных персонажей, декораций, спецэффектов и постпродакшн, супервайзеров, сиджеев и геймдизайнеров и др. Продукцию Центра можно активно использовать уже на первых этапах его работы как в сугубо прикладной деятельности, так

и в учебном процессе, при подготовке (переподготовке) специалистов в области современной режиссуры, культурологии и др.

Использование же продукции Центра в учебном процессе будет способствовать оптимизации временных и материальных ресурсов.

Сегодня реализация подобных проектов тем более важна, что виртуальное искусство, вошедшее в современную зрелищную культуру, внесло в постановочный процесс уникальные возможности имитации реальности, отражения жизни в трехмерном отображении места действия, трансформации времени и пространства. Также стоит отметить, что виртуальное искусство способствует совершенствованию технологий создания спектакля. Информационные технологии позволяют представить зрителю онлайн трансляции мировых премьер и форму интерактивного вовлечения его внутрь театрального действия. Применение компьютерной графики в художественном оформлении спектакля сегодня один из самых распространенных приемов в сценографии. Новые технологии, в большей степени, ориентированы на создание визуальных образов, поэтому использование их в сценографии оправдано, с точки зрения универсализации создания спектакля: от идеи, эскиза, макета до создания декораций. Учитывая тот факт, что современные постановщики предпочитают завоевывать интерес зрителей «медийностью» сценографии, продукция Центра мультимедиа технологий в зрелищном искусстве обещает быть востребованной на разных уровнях.

Также деятельность Центра будет направлена на использование про-

странства городской среды в качестве декорационной составляющей в постановочном решении массового зрелища, как синтез архитектурного творчества и образных средств компьютерной графики и мультимедиа. Необходимость создания уникальности сценографической концепции массового театрализованного зрелища оправдывает дорогостоящую апробацию новейших зрелищных технологий в условиях открытого городского пространства, помогают развитию индустрии зрелищного технико-технологического обеспечения [3].

Таким образом, современный этап в развитии театрализованных представлений и праздников требует новых форм планирования и управления зрелищными проектами, что актуально для оптимизации творческого и материального постановочного комплекса. С этой точки зрения особенно актуальным представляется создание в Крыму Центра мультимедийных технологий в зрелищном искусстве, что подтверждается данными анализом рынка этой сферы на региональном уровне. Насущной задачей становится формирование ведущих творческих профессий в этой области и, прежде всего, специалистов новой квалификации — режиссеров мультимедиа, способных создавать интерактивные произведения, на практике осваивать и проектировать мультимедийные постановки в зрелищном искусстве, в театрализованных представлениях и праздниках. В целом, можно утверждать, что реализация данного и подобных проектов будет всецело способствовать росту мультимедиа индустрии в Крыму.

1. Дворко Н. И. Основы режиссуры мультимедиа-программ [Текст] / Н. И. Дворко. — СПб.: Знание, 2005. — 212 с.

2. Дункевич С. Г., Курамшина Ю. В. Зрелищная культура в условиях информационного общества [Текст] / С. Г. Дункевич, Ю. В. Курамшина // Ученые записки Крымского фе-

дерального университета имени В. И. Вернадского. — Серия: Философия. Политология. Культурология. — 2016. — Том 2 (68). — № 3. — С. 43-51

3. Колодий В. В. Визуальность и ее влияние на социальное познание: философско-методологическое обоснование [Электронный ресурс] / В. В. Колодий. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vizualnost-i-ee-vliyanie-na-sotsialnoe-poznanie-filosofsko-metodologicheskoe-obosnovanie>

4. Основные понятия и определения прикладной интернетики [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://terms.com.ua/2014/09/osnovnye-ponyatiya-i-opredeleniya-prikladnoj-internetiki/>

5. Сомов М. В. Культурная антропология виртуальности [Текст] / М. В. Сомов / Введение в культурную антропологию: учебник для ВУЗов под общ. ред. О. А. Габриеляна. — Симферополь: Издательство "ЧП Предприятие Феникс", 2014. — С. 261-280

6. Сомов М. В. Телекоммуникации в музейном деле: учебно-методическое пособие [Текст] / М. В. Сомов. — Симферополь: ЧП «Предприятие Феникс», 2011. — 48 с.

The article discusses the idea and the prospect of creating in the Crimea of the Center of modern multimedia technologies. The implementation of the main provisions set out in the work, will continue to contribute to the creation of a new modernization trends in visual culture and the training of specialized personnel. Examines the main approaches and directions for the realization of this goal as a project of applied Cultural Studies.

Keywords: *multimedia, media technology, Visual Culture, multimedia directing, mapping, multimedia show, 3D-technology, Crimea.*

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО ПОТЕНЦИАЛА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Ю. В. Артюхович

Проблемы духовно-нравственного и экологического просвещения

Духовно-нравственное и экологическое просвещение личности — это взаимосвязанный, длительный и непрерывный процесс. Моральная и экологическая теория должна быть реализована на практике, в конкретных делах и поступках. Для совершенствования духовно-нравственного и экологического воспитания необходимо взаимодействие органов государственной власти, образования, общественных организаций.

Ключевые слова: духовность, мораль, просвещение, экология, взаимодействие, непрерывный процесс.

Духовно-нравственный и экологический кризис сегодня в равной степени являются серьезной угрозой для общественного развития и для личностного формирования. Смещение ценностных ориентиров, утрата «экзистенциального равновесия» [1, с. 35] у наших современников становятся серьезным препятствием к социальным взаимодействиям и контактам на основе гуманистических моральных норм, «с помощью совести и стыда» [4, р. 100]. «Господство» над природой на основе достижений науки и техники постепенно стало отчуждением от неё. Экологические императивы — осознанная необходимость для современного общества. Очевидно, что экологическая реальность замыкается на человеке — на его разуме, ответственности, нравственности. Поэтому философское исследование аспектов духовно-нравственного и экологического просвещения является важной и актуальной задачей научного знания.

Проблемы духовно-нравственного воспитания нашли широкое отражение

в современной научной литературе (например, в работах В. Н. Сагатовского, Т. Б. Сергеевой, И. П. Поляковой, Л. Х. Газгиреевой, Д. С. Львова, С. В. Димитровой и др.). Различным аспектам экологического просвещения посвящены труды Н. Н. Моисеева, В. Н. Василенко, А. И. Субетто, И. Ф. Малова, Г. Д. Гачева и др. Однако, в этих и многих других трудах проблемы духовно-нравственного и экологического просвещения не рассматриваются в едином контексте, в качестве специального предмета исследования.

Цель статьи — комплексный социально-философский анализ актуальных проблем современного духовно-нравственного и экологического просвещения в единстве теоретических и практических компонентов.

Одной из серьезных проблем духовно-нравственного просвещения сегодня является трансформация ценностного смысла «вечных» нравственных категорий: девальвируются ценности аль-

труизма и коллективизма, милосердия, честности, справедливости, долга, совести. Заметим, что уникальность нравственных ценностей во многом определяется их отношением к справедливости и совести. Д. Гильдебранд писал: «Когда мы понимаем, что совершили нечто дурное в нравственном смысле, в нашей душе звучит беспокойный голос, который мы называем «совестью». Этот неутолимый голос, обращенный к нам, нарушает наше душевное равновесие и обременяет нас несравнимым ни с чем грузом» [2, с. 218]

«Мораль — это сторож снаружи, а нравственность — страж внутри, наша совесть, наши нравственные устои. Мораль — это долг, ответственность перед другими, а совесть — это ответственность перед самим собой» [5, с. 378]. Если исходить из такой трактовки морали и нравственности, — наш современник стремится избежать ответственности и перед другими, и перед самим собой. Таким образом, утрачивается деятельностный составляющий элемент нравственности, который Д. С. Львов в своей книге «Будущее России: гражданский манифест» называл соучастием. «Приставка «со» в слове «совесть» символизирует соучастие: человек, «имеющий совесть»,... соучаствует в общем деле, объединяющем всех в едином порыве духовного озарения и подъема» [3, с. 13]. Однако соучастие в общем деле сегодня не является ориентационной ценностью, особенно для индивидуалистически настроенной молодежи, нивелирующей в моральном сознании принципы коллективизма и взаимопомощи.

Природа человека (особенно молодого) такова, что он стесняется высоких слов (или не верит им) и неохотно прислушивается к вечным истинам, может быть, считая их устаревшими и не вписывающимися в современную реальность. В то же время, в ситуации нормативно-ценностного плюрализма информационное общество предоставляет нашему современнику широкий выбор нравственных «истин» — на лю-

бой вкус. Поэтому множество граждан страны не обладают даже некоторым минимумом знаний в области нравственности, «азбукой» морали.

Для воспитания и развития моральной культуры соотечественников необходима исходная «азбука морали» — простая и понятная, для «повседневного» пользования. Поделюсь своими соображениями на этот счет.

Азбука морали для «среднего» россиянина

Родину и родителей не выбирают: они такие, какие есть. Но помочь им стать сильнее и лучше — в твоих силах.

Каждому бывает так же больно, стыдно и страшно, как тебе. Вспомни об этом, когда кого-то обидишь.

Твоя сила в умении уступать и прощать.

Не лги: все равно себя не обманешь.

Ты не можешь быть всегда прав. Умей признавать и исправлять свои ошибки.

Если думаешь, что всё можно купить, испытай силу денег. Только потом не жалуйся.

Никогда никому не завидуй. У зависти нет цвета: и «черная», и «белая», — она одинаково разрушительна.

Не стесняйся жалости к тем, кто слабее.

Никогда не жалея себя. Знай: ты сильный и все можешь.

У каждого есть нечто дорогое и сокровенное. Береги своё и не смейся над чужим.

Отдавай, не жалея. У тебя ещё будет все, что нужно, даже больше и лучше.

Живи в любви, а не в ненависти: любовь притягивает добро и свет.

Береги любящих тебя и любимых тобой: это самое большое твоё богатство.

Живи своей жизнью и не навязывай другим свои правила.

Не делай зла: оно способно возвращаться.

Твори добро «просто так».

Помогай «ближним» и «дальним», и не жди благодарности за свои поступки.

Ты — лучший. Поэтому живи так, чтобы все это поняли.

Не останавливайся на достигнутом: ты можешь сделать больше и стать еще лучше.

Верь в чудо — и оно случится!

Разумеется, автор не претендует на универсальность данных моральных постулатов и отдает себе отчет в том, что создавать моральные теории и исследовать нравственные императивы общественного развития с научной точки зрения сегодня явно недостаточно. Формирование и развитие моральной культуры личности, воспитание в духе толерантности, мира и ненасилия предполагают единство нравственного мышления, чувств и поведения. Моральную теорию следует трансформировать в конкретные дела.

Единство теории и практики — необходимое условие не только духовно-нравственного, но и экологического просвещения.

Требования экологических императивов могут быть реализованы в полной мере, если они станут нравственной необходимостью и осознанной потребностью человека, если практически будут пронизывать различные сферы его деятельности, в частности — образование, воспитание, политику, экономику и другие сферы жизни человека.

Следует превратить природоохранную деятельность в необходимую заботу не только государства и общества, но и каждого человека. Одним из основных направлений решения экологических проблем современности является выработка общей линии поведения человека в природном мире с помощью экологического воспитания, которое может и должно стать средством развития разумных экологических потребностей личности, способной реализовать свои цели в соответствии с законами природы.

Преобразование природы требует преобразования внутреннего мира человека, выработки экологического сознания (комплекса идей и мнений, отражающих отношение человека к проблемам экологии) и экологической культуры (системы ценностных ориентаций, сформировавшихся под влиянием поисков решения экологической проблемы). Экологическая культура начинается с экологизации мышления

на основе экологической памяти — закрепления ценностной значимости экологических проблем через народный язык, религию, семейное воспитание, образование и искусство.

Формирование экологически культурной личности — неременный элемент педагогической работы. Человек должен пройти путь экологического познания от «азбуки экологии» до обретения развитой, высокой, всеобщей экологической культуры. Основной целью экологического воспитания в школе и средних учебных заведениях является сегодня ликвидация экологической безграмотности учеников и обучение «азбуке экологии». Главная цель экологического воспитания в вузе — формирование экологической культуры студента (прежде всего — у специалистов с техническим образованием, что будет одной из важнейших предпосылок ликвидации экологической напряженности, возникшей в результате техногенеза).

Экологическая культура личности как действенный способ гармоничного единения человека и природы должна стать неотъемлемой частью общей культуры и основой нравственности для каждого из нас. Азбука экологии — это простые правила взаимодействия человека с природным миром, выполнение которых не представляет никакой сложности, не требует аскетического самоограничения или резкой ломки устоявшихся стереотипов, но призвана заложить основы для экологизации мышления современника и в перспективе ликвидировать разрыв в диаде «человек — природа».

Азбука экологии для «среднего» россиянина

1. Человек и природа — элементы единой Земной экосистемы, вне которой существование человека невозможно.

2. Человек должен относиться к природе так же бережно, как к самому себе.

3. Отношение человека к природе должно строиться на принципах «благоговения перед жизнью», рациональной гуманности, холизма, биосферного

равенства, равного уважения ко всем формам жизни, экологической этики и справедливости, экологической и планетарной ответственности.

4. Интересы природы в сложной экологической ситуации должны получать приоритет над интересами общества.

5. Интересы природы должны учитываться в развитии экономики на планете в целом и в отдельно взятой стране.

6. Недопустимо в интересах ныне живущих людей наносить ущерб будущим поколениям.

7. Основной принцип общежития человека в природе: «Думай о глобальном (обо всем Земном шаре), действуй локально (наведи порядок и посади дерево под своим окном)».

8. Природа — зеркало души человеческой (М. Пришвин).

9. «Азбука экологии» должна стать «настойной книгой» для каждого из нас.

10. В действиях по «разрядке экологической напряженности» каждому следует начать с конкретных дел.

Мы полагаем, что для ликвидации разрыва между экологической и нравственной теорией и практикой в просвещении необходима реализация объединяющих идей. Объединяющая идея и общее дело дадут нам силы для «прорыва» к высокой нравственности, духовности и ответственности за свою планету. Но эта сложная и длительная работа должна проводиться на крепком фундаменте реальности. Она будет успешной лишь на основе серьезных экономических преобразований, которые будут способствовать гуманизации общественных отношений. Необходимо взаимодействие органов государственной власти и местного самоуправления, некоммерческих и коммерческих организаций с целью устойчивого развития общества с учетом социально-экономических проблем и неотложных задач патриотического, духовно-нравственного и экологического воспитания.

Примером подобного взаимодействия различных общественных структур в Волгоградской области является добровольная казачья пожарная дру-

жина «Зелёный патруль», созданная на основе Регионального отделения Конструктивно-экологического движения России «Кедр». «Зелёный патруль» не только предотвращает пожары в пойме, но и препятствует возникновению свалок твердых бытовых отходов вблизи населенных пунктов. Добровольная пожарная дружина также участвует и в тушении пожаров, оказании помощи пострадавшим, проводит разъяснительную работу среди населения по экологической и пожарной безопасности.

В городе Волжском, в рамках муниципальной целевой комплексной антикризисной программы устойчивого развития городского округа, благоустраиваются и озеленяются современные парки для семейного и молодежного отдыха (с эстрадой и «свободным» микрофоном; со «скамьями примирения», конструкция которых заставляет поссорившихся, даже против их желания, плотно придвинуться друг к другу и, как следствие, сразу помириться).

В городе Краснослободске Волгоградской области по инициативе общественных экологических организаций создается парк культуры и отдыха «Сталинградская переправа» в честь 70-летия Великой Победы. Это место является природной и исторической ценностью страны и достопримечательностью Волгоградской области: в годы Великой Отечественной войны там проходили кровопролитные сражения с врагом дивизии под командованием генерала Родимцева. Усилиями общестственности, студенчества, школьников и жителей ближайших улиц Краснослободска в парке регулярно проводится очистка и благоустройство территории берега. Весной и осенью в парке «Сталинградская переправа» традиционно проходят поэтические и песенные фестивали, спортивные соревнования, завершающиеся праздничной ухой и горячим чаем у костра.

Совместными усилиями ГБУ ВО «Природный парк «Волго-Ахтубинская пойма», руководителей и представителей нескольких экологических обществен-

ных организаций (РОВОД «Кедр», ВРО «Российская экологическая независимая экспертиза», РО ООО «Подари Земле сад») в детских садах и школах Волгоградской области проводятся эко-праздники — создание «Сада Будущего».

«Зелёные праздники» стали началом большого экологического проекта «Зелёный мир», который разрабатывают региональные отделения общероссийских экологических организаций «Кедр», «Зелёная планета» и «Российская экологическая независимая экспертиза». В основе данного проекта — идея о преемственности в деле экологического просвещения, которое должно проходить несколько этапов: детский сад — школа — ссуз и вуз. Сначала малыши собственноручно сажают растения, учатся ухаживать за ними. Выпускники-детсадовцы приходят в первый класс со «своими» цветами и деревцами, чтобы со знанием дела продолжить славные экологические традиции на пришкольном участке. Предполагается, что в приусадебных участках дошкольных, школьных, средних и высших учебных заведений будут организованы питомники по выращиванию хвойных деревьев и кустарников (сирень, акация и др.), что даст возможность практического воплощения идеи непрерывного, последовательного экологического просвещения детей, начиная с дошкольного возраста. В дошкольных, школьных средних специальных и высших учебных заведениях проводятся экологические праздники — презентации проекта с посадкой семян дуба, сосны, ели, сирени, акации, цветов и других растений (выбор направления эко-праздников и вариации в их исполнении очень широки и дают возможность для творчества воспитателя и учителя). Возможно, что многие из маленьких создателей «Сада Будущего» захотят стать экологами, и этот выбор у них будет осознанным и проверенным практикой. Хочется верить: какую бы профессию ни выбрали ребята после окончания школы, они станут настоящими защитниками и хранителями природных богатств. Ведь тот,

кто с малых лет полюбил нашу добрую живую землю, почувствовал ее тепло, захочет вновь и вновь дарить красоту окружающему миру.

Мы полагаем, что этот проект позволит вовлечь в экологическое движение по озеленению и благоустройству парков, микрорайонов и населенных пунктов страны самые широкие слои населения, потому что с детьми деревья будут высаживать родители, бабушки и бабушки, учителя и воспитатели. При этом люди, посадившие с детьми дерево в парке или микрорайоне, сами будут заинтересованы в дальнейшем его росте и его защите. Деревья станут «семейными». Это позволит приблизить человека к природе, и в то же время будет способствовать укреплению семейных отношений, развитию здорового образа жизни у различных возрастных групп населения страны.

Список объединяющих «общих дел» жителей Волгоградской области можно и нужно продолжить. Очевидно: теория должна подкрепляться практикой. Нравственные и экологические императивы развития информационного социума станут осознанной потребностью человека, если практически будут пронизывать различные сферы его деятельности, в частности — образование, воспитание, политику, экономику. Лишь в этом случае этические нормы, насыщенные экологическим содержанием, не останутся благим пожеланием и станут основой всеобщей экологической и нравственной культуры личности, как результата гармоничного взаимодействия общества и природы и необходимого условия их существования.

В этой связи исследование современных проблем духовно-нравственного и экологического просвещения может быть продолжено в рамках таких направлений:

1. Этические и экологические цели и идеалы в информационной среде.

2. Креативные технологии в духовно-нравственном воспитании личности: задачи современности.

3. Современные теории комплексного воспитания молодежи в единстве морального и экологического контекстов.

4. Разработка комплексной системы экологического и духовно-нравственного воспитания и просвещения населения в информационном обществе.

5. Теория и практика «добрых дел».

От тех экологических ориентиров и духовно-нравственных приоритетов, в соответствии с которыми будет строить свою жизнь российское общество, во многом зависит настоящее и будущее всех сфер его жизни.

Выводы. Духовно-нравственное и экологическое просвещение личности — это взаимосвязанный, длительный и непрерывный процесс.

Необходимо влиять на нравственный выбор духовных приоритетов в политике, экономике, образовании, произ-

водстве, корректировать нравственное сознание соотечественников на основе фундаментальных общечеловеческих аксиологем.

Экологизация мышления в современном обществе невозможна без духовного оздоровления и нравственного совершенствования всего человечества.

Экологическая ориентация сознания должна стать доминантой времени, регулятивом реальной жизненной практики. Только тогда мы сможем не только гармонизировать отношения человека и природы, но и «распространять совершенство во Вселенной» (К. Циолковский).

Нужны объединяющие идеи и общие добрые дела, большие и малые, в которых велико значение личного примера каждого из нас.

1. Газгиреева Л. Х. Экзистенциально-ценностные отношения как движущая сила в управлении духовными процессами современного российского общества [Текст] / Л. Х. Газгиреева // Проблемы социально-экономического развития общества. — Saint-Louis, MO: Publishing House «Science & Innovation Center», 2013. — С. 20 — 39.

2. Гильдебранд Д. фон. Этика [Текст] / Д. фон Гильдебранд. — СПб.: Алетейя, 2001. — 569 с.

3. Львов Д. С. Будущее России: гражданский манифест [Текст] / Д. С. Львов. — М.: Экономика, 2003. — 69 с.

4. Heller A. General Ethics / A. Heller. — Oxford: Oxford University press, 1988. — 400 p.

5. Kukla A. Performance as a function of resultant achievement motivation (perceived ability) and perceived difficulty / A. Kukla // Journal of Research in Personality. — 1974. — № 7. — p. 372–389

Spiritually-moral and environmental education of personality is interconnected, a long and continuous process. Moral and ecological theory should be implemented in practice, in concrete deeds and actions. To improve spiritually-moral and ecological education need to interaction of State power, education, public organizations.

Keywords: spirituality, morality, education, ecology, interaction, continuous process.

Л. В. Гурленова

Дизайн-образование в условиях классического университета

В статье обсуждается вопрос об условиях реализации направлений высшего образования в области изобразительных и прикладных видов искусства в системе классического университетского образования России, анализируется содержание государственных образовательных стандартов высшего образования по направлению «Дизайн», делается вывод о чрезмерности унификации стандартов последнего поколения.

Ключевые слова: государственный образовательный стандарт, высшее образование, дизайн, образовательная программа.

Постановка проблемы. Высшее образование по специальности «Дизайн» в советское время было сосредоточено, как правило, в профильных вузах, таких как Московское высшее художественно-промышленное училище (с 1992 года — Московский художественно-промышленный институт им. С. Г. Строганова, позже — университет, затем академия), Ленинградское высшее художественно-промышленное училище им. В. И. Мухомовой (с 2007 года — Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия имени А. Л. Штиглица). С 1990-х годов специальность «Дизайн» начали реализовывать многие университеты, до этого времени не проявлявшие интерес к области культуры и искусства.

Такая образовательная программа появилась, например, в Санкт-Петербургском и Московском государственных университетах, а также во многих региональных вузах, в том числе в Сыктывкарском государственном университете. В 2000 году здесь был от-

крыт факультет искусств (с 2014 года — Институт культуры и искусства), на базе которого реализовывалось несколько программ укрупненной группы специальностей 51.00.00 — «Культуроведение и социокультурные проекты» и 54.00.00 — «Изобразительное и прикладные виды искусства», в том числе «Дизайн».

Поскольку программы области «Культура и искусство» реализуются в составе классического университета, они регулируются документами Министерства образования и науки РФ, и время показывает, что министерство, иницируя на протяжении текущего века несколько поколений образовательных стандартов, лишь в первое его десятилетие поддерживало их особый статус как области культуры и искусства. В дальнейшем был принят курс на унификацию стандартов высшего образования, что привело к ухудшению условий и потере качества художественного образования.

Изложение основного материала исследования. Понятие образователь-

ного стандарта, как известно, стало внедряться в практику высшей школы с 1992 года с принятием закона РФ «Об образовании», стандарт по специальности «Дизайн» разрабатывался и уточнялся до 1997 года, когда и был утвержден (см.: Файлы ГОС ВПО первого поколения, имеющиеся в архиве). Обратим внимание на то, что одним из базовых обоснований разработки государственных стандартов было требование повышения качества профессионального высшего образования.

Показательно для данной эпохи, что разработкой этого и следующего стандартов (2003 года) занимались большие группы профессионалов. Создание ГОС осуществляли, пишет А. А. Андреев, «более 70 учебно-методических объединений и 20 научно-методических советов. Общее число разработчиков составляло несколько тысяч человек. К концу 1996 года были разработаны и утверждены Министерством образования в области высшего профессионального образования по направлениям подготовки (бакалаврские программы) — 92 стандарта; по специальностям — более 400 стандартов; по магистерским программам — более 220 стандартов» [1, с. 238].

В те годы автор была членом одного из УМО (учебно-методическое объединение). Без согласования с ним не принимался ни сам стандарт, ни примерный учебный план, который был методической опорой при реализации специальности. На заседания УМО приглашались все его члены (являясь сейчас членом одного из ФУМО, за два года автор не получила от него ни одного сообщения или приглашения). Активное участие и контроль профессионалов помогли создать стандарты, которые, несмотря на их определенные недостатки, обладали главным: в них адекватно отражалась специфика специальности (например, условия образования в области искусства), они помогли создать для нее единое образовательное пространство (набором базовых дисциплин, комплектом их

дидактических единиц, требованиями к результатам образования), что способствовало повышению качества образования. Одним из выводов из сопоставления качества стандартов первых поколений и последующих является следующий: и формальную, и содержательную сторону стандартов безусловно должны определять профессионалы, а не менеджеры (кстати, менеджерский подход не оправдал себя и критикуется сейчас и на Западе).

Рассмотрим, какие важные установки, отражающие специфику образования в области искусства, содержал государственный образовательный стандарт специальности «Дизайн» 2003 года (нормативный срок обучения 6 лет), преемственно связанный со стандартом 1997 года.

В нем представлено дизайн-образование как гибкая система взаимосвязанных специализаций: 5 специализаций (графический дизайн, промышленный дизайн, дизайн костюма, дизайн среды, дизайн средств транспорта) имели общую базу, в которую входили дисциплины ГСЭ и ОПД, и два цикла для разных специализаций: цикл специальных дисциплин и цикл дисциплин специализаций. Фиксирование базовых дисциплин помогало формировать единое образовательное пространство по этому направлению в российском образовании и, таким образом, создавало более комфортные условия при переходе студентов из одного вуза в другой. Прочности единого образовательного пространства способствовало и ограничение прав вузов вносить изменения в учебные планы: изменять объем часов, отводимых на освоение учебного материала для циклов дисциплин, это разрешалось лишь в пределах 5%.

Базовые дисциплины выбраны достаточно точно: они до сих пор определяют содержание образовательных программ по дизайну. Это особенно важно в условиях, когда проекты ФГОС 2013 года и утвержденный стандарт 2016 года превратились в формальную оболочку, лишившись своего содержательного ядра.

Стандарт вводил условия, которые способствовали повышению качества образования.

Так, ряд дисциплин, в преподавании которых необходимы передача знаний и формирование навыков при непосредственном общении студента с преподавателем, обозначены как реализующиеся только в условиях аудиторной работы: рисунок — 1320 часов, в нашем учебном плане текущего года по новому стандарту — 520 часов; скульптура и пластическая анатомия — 264 часа, сейчас — 54 часа; проектирование в дизайне среды — 1816 часов, сейчас — 666 часов.

В прилагаемом к стандарту примерном учебном плане еще ряд дисциплин имели только аудиторные часы. В целом, стандарт выделял на теоретическое обучение 10088 часов, соотношение часов аудиторной и самостоятельной работы в цикле ОПД определялось как 2962 часа (77%) и 680 часов (23%), в цикле специальных дисциплин — 2928 часа (65%) и 968 часов (35%).

Конечно, когда преподаватель объясняет у мольберта идею постановки, технологию и особенности ее отражения на холсте, или когда коллективно выясняют сильные и слабые стороны проекта какого-то объекта и возможные его варианты — это одна ситуация для студента, а когда он в условиях дефицита аудиторной работы не успевает понять свою задачу и справиться с ней — и так от одной постановки (проекта) к другой, то создаётся ситуация, которая, в конечном счете, приводит к хроническому не усвоению знаний и не сформированности навыков.

В стандарте 2003 года была также определена численность группы обучающихся для занятий: «при формировании учебных групп и определении нагрузки преподавателей по общепрофессиональным и специальным дисциплинам исходить из нормативов, зафиксированных в федеральных нормативных документах. УМО рекомендует формировать учебные группы в среднем по 7-10 человек», что гарантировало индивидуализацию работы преподавателя со студентом.

Максимальный объем учебной нагрузки студента был зафиксирован еще в стандарте 1997 года — 54 часа в неделю, максимальный же объем обязательных аудиторных занятий в стандарте 2003 года устанавливался 42 часа, с примечанием: «не считая часов, отводимых на «Физическую культуру» и «Факультативы» [3].

В сфере кадрового обеспечения учебного процесса стандарт закрепил успешную практику художественного образования, приравняв к остепененным преподавателям членов творческих союзов России: «Не менее тридцати процентов от общего состава преподавателей специальных дисциплин, как правило, должны иметь либо ученую степень кандидата или доктора соответствующих наук, либо ученое звание доцента или профессора, либо почетное звание работника искусств и архитектуры, либо являться членом Союза художников России, или Союза дизайнеров России, а также других творческих союзов соответствующего профиля» [3]. Подобный статус преподавателя учитывался и при получении ученого звания доцента и профессора, этому же подчинялся и зачет творческих проектов как научных трудов, что помогало интеграции преподавателя в систему классического университетского образования, а самим университетам облегчало отчетность о научной деятельности перед министерством.

Нужно заметить, что стандарт по дизайну выгодно отличался тогда от стандартов других программ классического университетского образования, он защищал условия расчета часов, помогал в процессе утверждения учебных планов, способствовал сохранению кадрового состава кафедры. По сравнению с другими стандартами он демонстрировал стабильность и преемственность сложившейся практики отечественного художественного образования. В последующих стандартах возобладала установка на экономию образования и интенсификацию преподавательского труда.

Стандарт 2009 года [5] перевел дизайн-образование в систему бакалавриата; он сократил срок обучения на 1/3 — с 6 до 4 лет, одновременно уменьшился максимальный объем недельной аудиторной нагрузки студента с 42 часов до 36 часов; в учебных планах на каждый экзамен начала планироваться 1 зачетная единица, т. е. 36 часов, усугубляя потерю часов аудиторной работы. С этого времени усилились требования укрупнить группы обучающихся до 25 человек (вместо более раннего норматива 7-10 человек), т. е. привести к стандартному составу академической группы в системе университетского образования, значительно увеличить объем самостоятельной работы студентов (по 50% на аудиторную и самостоятельную работу), декретировалось требование увеличить соотношение численности преподавателей и студентов до показателей, сначала 1:11, а затем 1:12 что значительно ухудшило положение и стало сказываться на качестве художественного образования. Именно этот стандарт провозгласил отказ от такого важного принципа проектирования любой образовательной программы, как учет ее специфических качеств и особенностей области образования, которую она представляет. Были унифицированы форма и содержание стандартов различных укрупненных групп специальностей/направлений, что является стратегической ошибкой в организации современного высшего образования. Подсчеты показывают, что время аудиторной работы уменьшилось в течение последних лет почти в три раза.

С моей точки зрения, проект ФГОС по направлению «Дизайн», который планировалось утвердить в 2013 году, при всех имеющихся его недостатках был попыткой удержать специфику художественного образования в России. Его разработчики попытались найти убедительные доводы против увеличения численности групп, они обратились к такому аргументу, как наличие в аудиториях специализированного оборудования (например, мольберты, подиумы, табуреты для красок и пр. в классах рисунка

и живописи), что увеличивало метраж учебных помещений на 1 студента до 11-15 квадратных метров и, следовательно, ограничивало количество студентов в группе. Была сделана попытка зафиксировать объем недельной аудиторной нагрузки студентов — 36 часов, что, конечно, защитило бы интересы организаторов высшего образования.

В проекте были прописаны нормативные затраты на реализацию программ: соотношение численности преподавателей и студентов при очной форме обучения 1:4, разработчики оговорили и требуемое соотношение численности учебно-вспомогательного персонала и профессорско-преподавательского состава — 1:3.

Соотношение численности преподавателей и студентов поддержал документ — «Перечень и состав стоимостных групп направлений подготовки (специальностей) высшего профессионального образования на 2013 год для учреждений, подведомственных Минобрнауки России», подписанный 29 декабря 2012 года (N АП-155/04вн) заместителем Министра образования и науки Российской Федерации А. Б. Повалко [4].

В документе специальность/направление «Дизайн» относилось к стоимостной группе «Специальности с установленным соотношением численности преподавателей и студентов 1:4». Замечу, что в этом документе и другие направления образования оценивались как имеющие значительную специфику; например, образовательные программы по физической культуре и спорту относились к группе с установленным соотношением численности преподавателей и студентов 1:8, ряд программ искусства 1:5, а программа «Социально-культурная деятельность» 1:6. В целом, почти все программы области культуры и искусства имели индивидуальное соотношение численности преподавателей и студентов. Думаю, что в вузах, подведомственных Министерству культуры РФ, такое соотношение поддерживается и сейчас.

Кроме того, в стандарте была отражена, уже в контексте большой дискуссии, и

такая специфика художественного образования, как особые требования к кадровому обеспечению. Авторитетными преподавателями считались не только те, кто получил ученую степень и научное звание, но и члены российских творческих союзов, которые приравнивались к оспетленным преподавателям. Было большое сомнение, что стандарт последнего поколения, 2016 года, отразит эту оценку профессионализма преподавателей, так как чуть ранее утвержденные стандарты ее проигнорировали, например, стандарт по родственному направлению 54.03.01 — «Декоративно-прикладное искусство и народные промыслы», утвержденный в январе 2016 года. Однако в стандарте по дизайну данная кадровая ситуация все же отразилась.

Выводы и перспективы дальнейшего изучения данного вопроса. Таким образом, четыре стандарта по направлению «Дизайн» за последние 15 лет свидетельствуют о противостоянии двух установок в организации

российского высшего образования: на основе живых традиций национального образования и сохранения специфики различных групп специальностей/направлений, особенно важной для области культуры и искусства, развивающейся в системе классического университетского образования, и на основе унификации программ высшего образования, т. е. приведению к полному единообразию и сокращению до минимально необходимого. Я бы назвала эту позицию технократической. Стандарты последнего поколения представляют собою, по сути, некий единый для всего российского образования технический шаблон, в котором не учтены специфические особенности различных УГС российского высшего образования. Считаю это принципиально неверным. Стандарты должны учитывать сложившиеся традиции высшего национального образования, и это должно пониматься как стратегическая задача.

1. Андреев А. А. Педагогика высшей школы. Новый курс /А. А. Андреев. — М.: Московский международный институт эконометрики, информатики, финансов и права, 2002. — 264 с. ил. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.p-lib.ru/>.

2. Государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования. Архив файлов Государственных образовательных стандартов (ГОС), 1994-1999 годы. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.edu.ru/. Архив государственных образовательных стандартов, примерных учебных планов и программ высшего профессионального образования.

3. Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования в области культуры и искусства. Специальность 052400 Дизайн. Утвержден 14 марта 2003, N 575 иск/сп. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://eduscan.net/standart/070601>.

4. Перечень и состав стоимостных групп направлений подготовки (специальностей) высшего профессионального образования на 2013 год для учреждений, подведомственных Минобрнауки России" от 29 декабря 2012 г., N АП-155/04вн. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://lawgu.info/dok/2012/12/29/n158018.htm>.

5. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 072500 Дизайн (квалификация (степень) "бакалавр") Утвержден 22 декабря 2009 г. N 780. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://fgosvo.ru>.

6. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 54.03.01 Дизайн (уровень бакалавриата) Утвержден 11 августа 2016 г. N 1004. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.fgosvo.ru/>.

The article discusses the question of the conditions for the implementation of higher education in the field of fine and applied arts in the system of classical university education in Russia, analyzes the content of state educational standards for higher education in the specialty / the direction "Design", concludes that the standards of the latest generation are excessively unified.

Keywords: state educational standard, higher education, design, educational program.

А. Н. Дулатова

Непрерывное образование: современные подходы к проблеме

В статье дана сравнительная характеристика понятий, цели и задач непрерывного образования и образования в течение всей жизни; показана роль непрерывного образования в преодолении системного кризиса общества; изложена авторская интерпретация перехода к парадигме непрерывного образования.

Ключевые слова: непрерывное образование, образование в течение всей жизни, терминология, педагогика высшей школы.

Почему сегодня — в эпоху инновационной стратегии развития общества — остается приоритетной одна из самых старых идей педагогики — идея непрерывного образования в течение всей активной жизни человека? И почему эта существующая тысячелетия идея до сих пор не реализована? Попытка найти ответ на эти вопросы является предметом данной работы.

Первый вопрос не сложен для тех, кто изучает процессы трансформации института образования в контексте системного кризиса мирового социума. Образование получило статус важнейшего стратегического ресурса, признано механизмом выведения общества из кризиса. Устойчивость государства, будущее цивилизации оцениваются количеством высококультурных, высокообразованных людей. В концепции информационного общества и в концепции общества знания определяющим является положение о том, что главенствовать будет нация, которая сформирует самую действенную систему образования в течение всей жизни

человека. Радикальная переоценка миссии образования как общего достояния человечества показывает, что оно вышло из рамок только профессионального, внутринационального, нормативного, закрытого социального института.

С осознанием социального, экономического, политического, культурного феномена образования появилось множество проектов его непрерывности, изменились подходы к теоретическому обоснованию его структуры и содержания, к технологиям внедрения в учебную практику.

Детальное научное обоснование идеи образования человека в течение всей его активной жизнедеятельности начинается, когда авторитетные международные общественные организации и эксперты в области философии образования и педагогики высшей школы выступили с предложениями кардинальной, порой революционной, перестройки содержания образования на основе демократизации, непрерывности, гибкости. Самым первым, самым масштабным и самым смелым стал созданный Международной комиссией ЮНЕСКО проект обще-

ства непрерывного образования (1971 г.) [1]. По сути это была футурологическая модель общества, где эффективность образования определяется числом всесторонне образованных людей, где акцент ставится не на обучении, а на формировании знания человеком в темпе и ритме его индивидуальности. Наконец, были поняты и приняты главные постулаты Сократа и Платона: только образование обеспечивает правильную организацию социума, дает человеку духовную свободу. Оно осуществляется в силу индивидуальности личности и длится всю его сознательную жизнь.

Проекты ЮНЕСКО, Совета Европы, Болонского процесса привели к широкому распространению понятия «образование в течение всей жизни» и к неопределенности понятия «непрерывное образование». Сравним два этих понятия. Непрерывное образование читается как «непрерывное образование на протяжении всей жизни» и интерпретируется как развитие общекультурного и профессионального потенциала личности в любых условиях, в официальной и неофициальной обстановке по принципу: образование — это жизнь, а жизнь — это образование. Образование в течение всей жизни (его разные аббревиатуры: ОЧЖ, ОТВЖ, ЛЛЛ, ОПЖ, АЕ и др.) интерпретируется как процесс, опирающийся на потребность получать знания, умения, опыт на протяжении всей жизни. Фактически, обе формулировки сходны. И разделение термина «непрерывное образование в течение всей жизни» оправдано в силу синонимичности двух его составляющих. Однако в результате сокращения термина непрерывное образование теряет свою нишу. Его относят к разным системам составляющих образования в течение всей жизни: продолжающееся образование, непрерывное образование, образование для взрослых, непрерывное профессиональное образование, школьное образование и др. Вопрос имеет принципиальное значение для дальнейшего развития теоретико-методологических основ непрерывного образования, для использования его научных достижений. Тем более, что за-

трагивается важнейший фактор-проблема непрерывного профессионального образования в его структуре. Думается, логично представить термины «непрерывное образование» и «образование в течение всей жизни» как синонимы.

Проблема терминологии образования по направлению непрерывности осложнена тем, что в разных странах оно определяется по-разному: «повторяющееся образование», «дальнейшее образование», «образование в течение всей жизни», «непрерывное образование», «образование для взрослых» и др.

Таким образом, активизация идеи непрерывного образования в течение всей жизни в контексте глобальных трансформаций нашего общества, поиска выхода из кризиса всех социальных институтов, роли образования в сохранении человеческой цивилизации закономерна.

Самым новым сегодня является переход от теоретического обоснования идеи образования в течение всей жизни к ее практическому воспроизведению. Так, европейские университеты разрабатывают стратегию обучения, проектируют использование информационных и коммуникативных технологий для предлагаемых услуг, поскольку идея здесь имеет четкую рыночную направленность.

Успехи вузов пока невелики, организация их деятельности затруднена по ряду причин локального и глобального характера. Отмечаются такие причины как недостаточное финансирование программ образования в течение всей жизни в структуре вуза; незаинтересованность вузов в организации данных направлений обучения; неподготовленность преподавателей к ведению курсов в новой структуре и др.

Европейский опыт формирования политики перехода к новой концепции на базе высшего учебного заведения приводит к некоторым выводам.

Во-первых, наблюдаемые процессы весьма отдаленно отражают идею непрерывного образования, скорее, могут относиться к непрерывному реформированию, которым отличается мировая образовательная система. Высшая школа, построенная на традиционной образова-

тельной парадигме, не может существовать сразу в двух разных образовательных средах с разными технологиями и разными сроками создания конечного «продукта» деятельности. Современная организация образования не может обеспечить целостного освоения мира в традиционной системе учреждений. Нужна синергия всех средств познания, не только науки. Реализация такой революционной идеи как непрерывное образование в течение всей жизни требует полной переподготовки педагогических кадров.

Во-вторых, мировая образовательная политика направлена на массовость непрерывного образования. Только так достигается экономическая, политическая, социальная устойчивость государства. Однако общества, где все его члены, используя все возможности, всю сознательную жизнь учатся, нет. Есть группы людей, отдельные личности, для которых непрерывное обучение является потребностью, обусловлено их жизненными интересами. Образование на протяжении целой жизни — личное дело человека, имеющего собственные, личностные установки на образование, фактически, на самообразование. Целью государства, общества массовое непрерывное образование становится, когда для личности созданы соответствующие условия. Но это только средства, технологии, возможности. Человек создает свою индивидуальную образовательную траекторию, сам планирует свое будущее. Можно сказать — массовость образования в течение всей жизни подчинена воле отдельной личности. Однако роль государства, общества в данном процессе должна быть чрезвычайно значимой. Она заключается в направлении государственной полити-

ки на главную функцию образования — воспитательную. Чтобы у человека была сформирована готовность к непрерывному познанию, уже на начальных ступенях образования у детей создаются личностные установки (когнитивные, эмоциональные), способности и готовность к обучению. В контексте методологии свободного развития личности образование должно быть представлено не как жестко регламентированное средство принуждения, а как потребность к самосовершенствованию, потребность перевода индивида в личность.

Таким образом, можно утверждать, что мы еще не созрели до практической реализации подлинной идеи непрерывного образования в течение всей жизни каждого члена общества. Она остается футурологической моделью развития цивилизации. Но ее актуальность, востребованность и перспективность подтверждены всем ходом исторического развития образования. Можно также предположить пути приближения к реализации непрерывного образования. Что нужно:

— переход к реально новой образовательной парадигме, адекватной идее непрерывности, индивидуальности образовательных программ;

— подчинить образовательные технологии воспитанию готовности учиться в любых условиях при любых обстоятельствах; переставить акценты с обучения на самообразование;

— принципиально новая организационная структура непрерывного образования (образования в течение всей жизни), которая выходит за рамки традиционной модели учебного учреждения в открытое образовательное пространство.

1. Брок Э. Проект общества непрерывного образования [Текст] / Э. Брок // Курьер ЮНЕСКО. — 1972. — №1. — С. 4-5

Comparative characteristics of concepts, goals and objectives of lifelong education and education are given; The role of continuous education in overcoming the systemic crisis of society is shown; The author's interpretation of the transition to the paradigm of continuous education is presented.

Keywords: continuous education, lifelong education, terminology, higher school pedagogy.

Н. Б. Зиновьева

Основные направления модернизации профессионального образования в условиях многоуровневой подготовки кадров

В статье сделана попытка разграничить место каждого из уровней российского высшего образования — уровней бакалавриата, магистратуры и аспирантуры, сформулировать модальности содержательного наполнения дисциплин, определить соответствующие каждому уровню дидактические приемы и методы.

Ключевые слова: профессиональное образование, бакалавриат, магистратура, аспирантура, многоуровневая подготовка кадров, профессиональные образовательные компетенции, особенности преподавания профессиональных дисциплин

Присоединение России к Болонской декларации 19 сентября 2003 г. на Берлинской конференции стало одним из важнейших стимулов преобразования всей образовательной структуры страны, направленного на оптимизацию взаимосвязи образовательного сектора Российской Федерации с европейским сообществом. Это потребовало определенных преобразований всей образовательной системы, введения нескольких дополнительных уровней образования, прежде всего, бакалавриата и магистратуры, которые сегодня позиционируются как самостоятельные уровни единой образовательной системы. Переход к многоуровневой системе образования потребовал изменений не только во всех технологиях и методиках преподавания. Перед высшими учебными заведениями были поставлены следующие задачи:

— выявить и конкретизировать контингент профессиональной подготовки для каждого образовательного уровня;

— определить особенности наполнения профессионального обучения на каждом из уровней образования;

— уточнить круг профессиональных компетенций для каждого из уровней профессиональной подготовки;

— сконструировать структуру дисциплин, модулей, учебных курсов в каждом из уровней образовательной программы, учитывая междисциплинарную и межпредметную преемственность;

— определить методические характеристики при формировании образовательных программ;

— выявить особенности используемых педагогических методов, технологий и форм с позиций соответствия уровню профессионального обучения [3, С. 76].

Естественно, что для решения перечисленных задач необходимо было разработать соответствующие механизмы, которые ориентировались бы не только

зарубежный опыт, но и учитывали традиции отечественной образовательной системы, специфику конкретных специальностей и направлений подготовки, а также сегодняшнюю повышенную динамику социокультурных процессов, влияющую в целом на все уровни образовательной системы, на содержательное наполнение программ. Была предпринята попытка выстроить принципиально новую концепцию модернизации российского образования, решающую задачу подготовки квалифицированных специалистов соответствующего уровня и профиля, отличительными особенностями которых должны стать:

— конкурентоспособность на рынке труда;

— компетентность;

— ответственность;

— свободное владение профессией;

— ориентированность в смежных областях деятельности;

— гибкость и способность к постоянному профессиональному росту, социальной и профессиональной мобильности.

Одно из главных направлений модернизации — ужесточение нормативной регламентации учебного процесса. В этом усматривается определенное противоречие: академические свободы, закрепляемые в Болонской декларации, с одной стороны, и системное упорядочение, стандартизация, с другой. Это противоречие — из ряда диалектических, в которых нельзя отдать приоритет какой-либо из сторон. Без академической свободы не будет развития, движения вперед: уровень преподавания раздробится на множество индивидуальных методик, «застынет», «законсервируется». В современном динамично меняющемся мире это, несомненно, приведет к отставанию. Но и излишняя свобода также негативно сказывается на современном учебном процессе: границы курсов размываются, логика движения познания нарушается, уступая место хаотичности и непродуманности учебных предметов, субъективизму в их содержательном наполнении. Необходим баланс акаде-

мических свобод и рамок, ограничивающих их, поддерживаемых на государственном уровне.

Современная нормативная регламентация учебного процесса идет по пути стандартизации образовательного процесса. Но если посмотреть на сегодняшние ГОСы, то можно увидеть их направленность не на содержательное наполнение учебного плана и перечень обязательных предметов, а, в большей степени, на стандартизацию условий осуществления образовательного процесса. Т. е. явственно проявляется крен в сторону ужесточения требований к ППС, оснащенности библиотечными фондами и техническими средствами, создания благоприятной образовательной среды. Предметное наполнение образования опосредованно регламентировано компетенциями, которые сами по себе лишь определяют выходной результат. Процесс же остается в рамках академических свобод высших учебных заведений. Таким образом, современная система высшего образования перешла от содержательной регламентации процесса к регламентации результата — желаемым качествам выпускника. Это, безусловно, шаг вперед, в сравнении с предыдущими поколениями ГОСов, попытка выстроить требуемый баланс или, по крайней мере, не мешать вузам его выстроить. Но это и большая ответственность, которая ложится на высшие учебные заведения, необходимо самостоятельно выстроить образовательные траектории внутри каждого уровня образования.

Если профессиональная подготовка бакалавров вузами страны в целом освоена, то активно внедряемая в практику отечественного образования магистратура пока еще нуждается в пристальном внимании. Это новый для педагогического сообщества образовательный уровень, подходы к нему пока окончательно не определились, учебники и учебные пособия для него не написаны, традиции не сложились. Поэтому крайне важно определить особенности педагогического процесса применительно к программам магистратуры, определить

отличия, на которые следует опираться при разработке концепций профессионального обучения на этом уровне.

Думается, базовым отличием в данном случае выступает контингент, его возрастные особенности и степень осознанности профессионального выбора. В отличие от бакалавриата, в котором степень осознанности профессионального выбора не четко выражена, во многом случайна, поступление в магистратуру — это осознанный шаг, продиктованный личностной зрелостью, профессиональным интересом, желанием в хорошем смысле делать карьеру. Это базовое отличие определяет и всю дальнейшую специфику магистерских образовательных программ, в частности, помогает определиться с педагогическими методиками.

Особенностями преподавания профессиональных дисциплин в бакалавриате выступает то, что на этом уровне необходимо сформировать первоначальное представление о профессиональной области, которое к началу обучения у студентов отсутствует. В магистратуре базовый уровень знакомства с профессиональной сферой уже имеется, поэтому, с нашей точки зрения, должен меняться подход к содержательному изложению материала и применяться иные педагогические методики. В отличие от бакалавриата, в котором превалирует содержательное изложение материала от простого к сложному, от частного к общему, в магистратуре профессиональная зрелость студентов помогает перестроить учебные курсы по другой логике: от общего к частному, от теоретических закономерностей — к реальным фактам и примерам. Это логический прием, называемый в психологии энтимемой, позволяет в свернутой форме более компактно излагать материал, соответственно, расширить теоретическую и фактологическую базы, а также переориентировать с доминирующего в бакалавриате аналитического способа мышления на более сложный и ценный для практики — синтетический.

В бакалавриате у студентов опыт профессиональной деятельности невелик, поэтому преподавание, зачастую, вынуждено замыкаться в рамки имеющихся предметных представлений, постепенно их расширяя и выводя на широкий круг профессиональных проблем. Чаще всего преподавание опирается на структурно-функциональный подход. В магистратуре должен применяться, на наш взгляд, более сложный системно-деятельностный подход, позволяющий осуществить связку сформированных профессиональных представлений, теоретических положений, а также социальных условий их реализации в единую цепь процессов и операций.

В магистратуре, по сравнению с бакалавриатом, по нашему мнению, должны поменяться временные модальности, профессионально-хронологические акценты и установки. В бакалавриате — это преимущественно «то как есть и как это должно быть в соответствии с сегодняшним нормативным регулированием», в магистратуре — от того, как есть, и как должно быть должен быть осуществлен переход к тому, как это может быть и возможно будет в ближайшем и отдаленном будущем, о чем свидетельствуют сегодняшние тенденции и сделанные прогнозы, как эти изменения повлияют на процессы профессиональной деятельности и смежные сферы.

Соответственно, изменения должны коснуться и содержательного наполнения дисциплин учебного плана магистров. В магистерском учебном плане вряд ли должно быть место содержательно узким дисциплинам. Чтобы сформировать широкий кругозор, синтетический тип мышления, прогностические компетенции, более важны интегрированные курсы, опирающиеся на широкий круг общеметодологических и профессиональных знаний, а также материалов, привлекаемых из смежных сфер и наук.

В условиях магистратуры — компетентностный подход проявляется посредством формирования индивидуальной системы исследовательской

деятельности, которая реализуется в рамках сформулированной исследовательской проблемы и гармонично включена в модель научно-производственной деятельности будущего специалиста. Исследовательские компетенции присутствуют и в модели выпускника бакалавриата. Но они представлены в комплексе с мировоззренческими, предметными и практикоориентированными. Причем практикоориентированные, как и должно быть на этом уровне, в бакалавриате превалируют. В отличие от них, в магистратуре исследовательские компетенции усилены и дополнены, их реализация в учебном процессе предполагается в виде подготовленной студентами некой научной продукции.

Необходимо упомянуть и о педагогической ориентации магистратуры. Выпускник бакалавриата (за исключением педагогических направлений подготовки) не может осуществлять педагогическую деятельность. Такие компетенции приобретаются только в процессе обучения в магистратуре, что предполагает необходимость получения знаний в области профессиональной педагогики.

Профильность подготовки реализуется в рамках магистерской программы, которая должна быть сформирована в рамках ведущихся научных исследований руководителя программы. Ее формулировка должна удовлетворять некоторой совокупности требований, которые пока четко не определены и нормативно не закреплены. Но, думается, среди них должны найти свое место: актуальность и научная значимость проблемы, исследованию которой посвящена магистерская программа; достаточная теоретическая глубина погружения в проблему настолько, насколько возможно ее изучение в течение 2-х лет; практикоориентированность программы — ее нацеленность на решение какой-либо важной научной и/или производственной проблемы; хорошая структурированность программы, т. е. последовательное и параллельное выстраивание дисциплин учебного плана, позволяющее осуществлять рассмо-

трение проблемы либо по аспектному, либо по объектному принципу, а также целенаправленное сведение всей проблематики в фокусе индивидуального научного исследования (выпускной квалификационной работы). В последнем тезисе определенное значение имеет наличие в магистерской программе наукоемкости — простора для самостоятельной исследовательской работы, поля для экспериментов и дальнейшего научного роста. В то же время, она должна давать знания лишь определенного уровня, не подменяя собой аспирантуру — еще один уровень высшего образования.

Аспирантура — традиционный для отечественного образования высший уровень. Несмотря на то, что ранее она не рассматривалась в качестве уровня высшего образования, а выступала элементом системы подготовки научных кадров, тем не менее образовательная составляющая в аспирантуре всегда была. Педагогический процесс в аспирантуре имеет длительную историю и большой накопленный опыт, разработанную концепцию, включающую стабильный набор учебных дисциплин, сложившуюся методику преподавания и выходной результат. Введение в отечественную образовательную систему уровня магистратуры, частично вобравшего в себя развитие исследовательских способностей и компетенций студентов, ставит нас сегодня перед необходимостью более четкого разграничения функций магистратуры и аспирантуры, определения места каждой из них.

Контингент магистратуры и аспирантуры составляют наиболее способные, подготовленные, ориентированные на дальнейшее образование студенты. Но если в магистратуру они приходят с различными мотивациями, в том числе и в поиске себя, своего места и предназначения, до конца еще не определившись, то уровень аспирантуры предполагает жесточайший отбор из выпускников магистратуры (специалитета) по степени одаренности, трудоспособности, профессиональной пригодности к научно-исследовательской

и педагогической деятельности. В силу ограниченности такого контингента о массовости на этом уровне говорить не приходится. Соответственно, и обучение на этом уровне практически индивидуальное, штучное, предполагает принципиально иные педагогические методики, диалоговый характер обучения, личный пример научного руководителя, а еще лучше участие в совместных исследованиях.

Отсюда, иная направленность результатов обучения: бакалавриат предполагает получение компетенций, которых ранее не было, что соответствует направлению «из социума — в себя»; в магистратуре это направление сохраняет актуальность, но добавляется еще робкая попытка что-то сказать свое — «из себя — в социум»; в аспирантуре это последнее, должно стать главенствующим — исследовательская составляющая должна получить выход в виде нового знания, сформулирован-

ного аспирантом на выходе, и вводимого им в социальный оборот. Таким образом, декларируемые модальности магистратуры (возможно, будет в ближайшем и отдаленном будущем — тенденции и прогнозы) в аспирантуре должны быть дополнены следующими модальностями: прогнозы, тенденции, идеи должны быть системоорганизованы в авторские концепции, проверены с помощью научного инструментария, доказаны, непротиворечиво вписаны в систему сегодняшнего теоретического знания и апробированы на практике.

Итак, более четкое определение места, содержательного наполнения, соответствующих дидактических приемов и методов позволит «развести» уровни образования по разным «нишам», и это даст возможность высшим учебным заведениям успешнее реализовать задачи модернизации отечественного образования.

1. Анисимов А. Н. О реализации уровневой системы высшего образования [Текст] / А. Н. Анисимов, В. Н. Бобылев, Е. А. Веселова // Высшее образование в России. — № 4. — 2013. — С. 100-107

2. Бавина П. А. Структурирование содержания уровневых образовательных программ [Текст] / П. А. Бавина // Высшее образование в России. — 2012. — № 2. — С. 3-9

3. Сазонов Б. Болонский процесс: актуальные вопросы модернизации российского высшего образования [Текст] / Б. Сазонов. — М.: ФИРО. — 2006. — 184 с.

The article is an attempt to delineate the place of each of the levels of Russian higher education levels of undergraduate, graduate and post-graduate courses, formulate the modalities of substantive content of disciplines, to determine corresponding to each level of didactic techniques and methods.

Keywords: professional education, bachelor, master, postgraduate, multi-level training, professional competencies, especially the teaching of professional disciplines

УДК 004:378:17:130.2

А. А. Атик

Информатизация образования в этико-культурном ракурсе

Статья посвящена изучению процесса информатизации образования в контексте этико-культурных традиций. Особое внимание в данной работе уделено анализу причин и факторов негативных тенденций, имеющих отношение к информатизации учебного процесса и активному внедрению в него информационно-коммуникативных технологий.

Ключевые слова: информатизация, информационные технологии, образование, культура, наука, этико-культурное воспитание.

Актуальность рассматриваемого вопроса обусловлена особенностями развития современного общества и процессами компьютеризации и информатизации, охватившими все сферы жизнедеятельности человека.

На сегодняшний день процессы информатизации общества имеют неоднозначные и противоречивые последствия, которые нуждаются в глубоком социально-философском осмыслении. Поскольку одним из аспектов информатизации общества является информатизация образования, которая выступает сегодня мощным фактором глобализации и, в тоже время, основой сохранения самобытности человека и народа, ключевым становится вопрос о переосмыслении социальной роли и функции современного образования.

Информатизация и компьютеризация учебных заведений, активное распространение коммуникативных технологий в образовании не всегда могут быть лучшей альтернативой человеческому фактору. В сфере образования, где закладываются основы личной и

профессиональной деятельности человека, необходим тщательный культурологический анализ для определения положительных и отрицательных причин и факторов, влияющих на качество высшего образования. В этой связи вопрос об информатизации образования рассматривается нами в контексте этико-культурных принципов и традиций.

Объектом исследования является образование в процессе его информатизации. Предметом же — анализ информатизации образования в этико-культурном контексте как фактор преобразования традиций и ценностей образовательной деятельности.

Цель нашей работы состоит в поиске путей решения проблемы формирования нравственных и духовных компетенций в условиях непрекращающихся процессов информатизации образования.

Для реализации данной цели необходимо решить следующие задачи:

— рассмотреть феномен информатизации образования в контексте информатизации общества в целом;

— выявить противоречивые тенденции в развитии и функционировании системы образования;

— дать эτικο-культурологическую оценку использованию информационно-компьютерных технологий в образовании.

Методы исследования: анализ, синтез, обобщение, абстрагирование, аналогия.

Результаты исследования.

Вопросы информатизации образования напрямую связаны с информатизацией общества в целом, поэтому необходимо изучение этого фактора в качестве предпосылки информатизации образования.

Осмысления места и роли техники в обществе отражается в исследованиях М. Хайдеггера, Дж. Тойнби, К. Ясперса, которые обращали внимание на противоречивость техники и культуры.

Как полагал М. Хайдеггер, техника на современном этапе угрожает не столько существованию, сколько сущности человека, направляющего все свои усилия на извлечение выгоды, насильственное добывание, управление и т. д. [8, с. 221].

Период безудержного и всеохватывающего научно-технического прогресса стал причиной появления самых разных теорий и научных изысканий. Так, Д. Белл разрабатывает концепцию «постиндустриального общества», Е. Масуда изучает теорию «информационного общества», Э. Тоффлер называет научно-технический прогресс «третьей постиндустриальной волной», а Р. Ф. Абдеев — новой цивилизацией. Такой повышенный интерес к научно-техническому прогрессу делает очевидным тот факт, что общество радикально меняется во всех отношениях.

Развитие науки и техники призвано улучшить качество жизни человека, сделать её более комфортной и благоустроенной. Но действительно ли техника облегчает жизнь человека, или делает её более сложной? На сегодняшний момент техника и человек настолько взаимосвязаны, что они не только нуждаются друг в друге, но и в какой-то мере зависят друг от друга.

Исследованием проблемы взаимосвязи техники и человека занимались наши

отечественные исследователи: Н. А. Бердяев, Б. Ф. Ломов, а также В. И. Николаев, А. Н. Леонтьев и др. В своих работах учёные рассматривали социальную и психофизиологическую составляющую взаимоотношений человека и машины.

Так, рассматривая вопрос об интеграции коммуникативных технологий в процесс образования, А. Н. Леонтьев утверждает, что именно явления, окружающие человека и имеющие для него значение, так сказать, «особый личностный смысл», побуждают его действовать и реализовывать свой творческий потенциал при использовании новых технологий [5, с. 54].

О проблеме взаимодействия техники и человека рассуждает Н. А. Бердяев, который отмечает: «...техника всегда есть средство, орудие, а не цель. Не может быть технических целей жизни, могут быть лишь технические средства, цели же жизни всегда лежат в другой области, в области духа. Средства жизни очень часто подменяют цели жизни, они могут так много занимать места в человеческой жизни, что цели жизни окончательно и даже совсем исчезают из сознания человека» [1, с. 148].

Философ полагает, что техника негативно влияет на человека, на его духовность и сознание. Техника может поддерживать человеческую жизнь, но может и уничтожить человека. Полностью полагаясь на технику, человек начинает «экономить» умственные затраты и мышление, перестаёт расти и прогрессировать как личность. Н. А. Бердяев продолжает свои рассуждения: «...техника хочет овладеть духом и рационализировать его, превратить в автомат, поработить его. И это есть титаническая борьба человека и технизируемой им природы. Сначала человек зависел от природы, и зависимость эта была растительно-животной. Но вот начинается новая зависимость человека от природы, от новой природы, технически-машинная зависимость» [1, с. 154].

Итак, начиная с середины XX века, человечество оказалось на новой ступени своего развития, на которой процессы информатизации охватывают все области человеческой жизнедеятельности,

в том числе и сферу образования. Именно в таком информационном обществе предстоит готовить и воспитывать специалистов, которые должны будут жить, трудиться и работать в новых условиях.

В. Н. Шестаков рассматривает информатизацию общества как «сложный социально-исторический процесс, который не ограничивается увеличением технологической базы (компьютеризацией общества)», он также содержит в себе «становление информационной культуры и информационной цивилизации» [9, с. 9]. Понятие информатизации характеризуется им не столько всеохватностью технических средств, сколько сущностью и целями социально-технического прогресса, в то время как явление компьютеризации представляет собой основную техническую составляющую процесса информатизации обществ и образования. Исследователь отмечает, что, главным образом, процесс информатизации общества нацелен на создание наиболее подходящих условий для удовлетворения потребностей общества в информации на основе формирования и применения информационных ресурсов [9, с. 10].

Современные концепции информатизации образования, их в наиболее общем виде представлены в работах Захарова И. Г., Карякина Ю. В., Крамарова С. О., Панюкова С. В., Сукиязова А. Г., Фаустова Э. М., Скворцова Л. В., Ширшова Е. В., Роберта И. Б., Стародубцев В. А., Беспалько В. П. и др. [7]. В их работах проанализированы важные аспекты и результаты применения информационных технологий в образовательном процессе, в том числе, особенности использования информационных технологий в учебной деятельности студентов и роль этих технологий в развитии системы образования и др.

Конечно, внедрение информационных технологий в учебный процесс повышает его эффективность: мгновенный доступ к значительным объемам информации, экономия времени, массовость аудитории и т. д. Однако не стоит забывать, что важнейшей задачей образования всегда было и остаётся развитие

нравственных и духовных характеристик будущих специалистов, так как без «человеческих» качеств и способностей не будет и личности [6, с. 13].

В современном обществе уже практически невозможно представить себе сферу деятельности, в которую не были бы вовлечены средства информационных технологий, и от этого, как ни странно, страдает в первую очередь культура. С возрастанием роли информационных и компьютерных технологий человек теряет свою целостность как биопсихосоциальное существо и отчуждается от природы, общества и культуры из-за доминирования рационально-когнитивной составляющей его бытия. Культура является для человека особым духовно-ценностным пространством, сохраняющим его связь с культурным наследием прошлого. Именно в культурном пространстве формируется мировоззрение человека, его ценности, его позиции к миру и обществу. Культура является мерой человечности в человеке. Не техника, созданная человеком, а он сам в ответе за содеянное им с её помощью.

Огромные информационные потоки и технологические новшества беспрепятственно воздействуют на характер социально-гуманистических отношений и накладывают свой отпечаток на культурно-этическую сферу общественного бытия. Такая тенденция, на наш взгляд, только укрепляется со временем и, как замечает Н. А. Бердяев, придаёт обществу процессу необратимый характер. Образование, как таковое, не несет в себе функцию воспитания, а лишь «производит» кадры. Иными словами, образование в настоящее время ориентировано в большей степени на развитие профессиональных характеристик будущего специалиста, а не на воспитание и совершенствование личности. К сожалению, мы обнаруживаем сегодня, что образование, как и наука, превратились в товар, который можно купить или продать. Широкое применение информатизации способствует расширению возможностей современного рынка и не только материального, но и

культурного. Можно сделать вывод, что и сама культура стала частью рыночной системы, нацеленной через информационные технологии достичь контроля над обществом. В связи со стремительным развитием средств массовой коммуникации, имеющих огромное влияние на публику, появляется такой феномен как массовая культура, влекущий за собой кризис традиционных институтов культуры. Сегодня формирование мировоззрения и социально-этических ценностей молодого поколения происходит не в учреждениях культуры и образования, а под воздействием таких влиятельных средств массовой коммуникации как телевидение и социальные сети интернета.

В условиях массовой культуры, не требующей от реципиента каких-либо интеллектуальных или эмоциональных усилий для восприятия информации, культурным ценностям придаётся статус рыночных, иными словами, происходит «коммерциализация культуры», а вместе с ней и образования, порождающая бездуховность, ведущую к безнравственности, а затем и вырождению самой культуры [3, с. 50].

Собственно говоря, современная культура стремится не к духовно-нравственному развитию как важнейшей цели, а к созданию благоустроенной и комфортной жизни, являющейся «симуляцией реальности». По словам Ж. Бодрийяра, «информации становится всё больше, а смысла всё меньше» [2, с. 98].

Информационные технологии, в частности, интернет, предлагают огромные возможности человеку, но дают они не знания, а только бесконечный поток информации, которой очень много, но сама по себе она лишена смысла.

Люди, зачастую, с трудом отличают поток информации от полезного знания. В процессе обучения студенты получают определенный объём знаний в ходе лекционных занятий, которую они дополняют информацией, чаще всего извлеченной из интернета, которая уводит их от сути из-за обилия отвлекенной информации. И, как следствие, — они не успевают усвоить всю эту информацию

и не до конца понимают её назначения. Информационные технологии не обучают людей критическому мышлению и системному анализу, поэтому они нередко оказываются неспособными преобразовать потоки информации в продуктивное знание.

В этой связи нужно отметить, что современный образовательный процесс, во многом зависимый от информационных технологий, призванных изначально помогать в развитии и расширении возможностей образования и усвоения информации, оказывается подверженным негативному воздействию тех же технологий. Использование информационных технологий привело не только к притуплению мыслительных процессов, внимания и памяти, но и к духовной лени и «великому культурному одичанию», как выразился известный композитор В. С. Дашкевич. Исследователь полагал, что человечество находится на стадии культурного кризиса, вызванного ограниченностью этико-культурного воспитания, что делает людей более податливыми к разным манипуляциям из-за отсутствия культуры морального выбора [4, с. 11].

Техника и компьютерные технологии сегодня пытаются занять место человека, и такая тенденция продолжает расти, а качество образования от этого не улучшается. Но дело тут скорее не в технике, а в отношении современного человека к культуре и духовности. Вся проблема кроется в наших устремлениях к количественно быстрому результату в ущерб качеству. Образование — это великий труд самого человека, работа над овладением смыслов своей культуры, формированием мировоззренческого пространства, основами нравственности, которые никакая техника не сможет привить человеку. Без формирования базовых человеческих ценностей, невозможно становления человека как личности.

Необходимо учитывать, что главной целью информатизации образования — это повышение эффективности образовательной деятельности на основе информационных технологий. Внедрение этих

технологий способствует повышению уровня подготовки будущих профессионалов с новым интеллектуальными и практическими навыками, соответствующими требованиям современного информационного общества.

Однако следует помнить и о том, что человеческий интеллект незаменим. Множество проблем и задач образовательного процесса требуют непосредственного обсуждения с наставником. Обращение только лишь к технологиям приводит к поверхностному усваиванию информации студентами и невозможности выявления их потенциала.

Выводы. Можно заключить, что, учитывая всю противоречивость процессов информатизации образования, несущих в себе как позитивные, так и негативные аспекты, необходимо помнить, что нашей основной задачей, как педагогов, является научить будущего

«человека» отличать информацию, которой неизмеримо много, от истинного знания. Научить его не накапливать безграничный поток информации, но мыслить, оценивать и рассуждать.

Несмотря на внешнюю эффективность учебного процесса, которую можно достичь, используя информационные технологии в учебном процессе, нельзя забывать, что важнейшей внутренней составляющей образования, всегда было и останется развитие нравственных и духовных характеристик личности. Крайне необходимо привить будущему поколению базовые человеческие ценности и приобщить к вечным идеям справедливости и равенства, свободы и долга, закона и нравственности, являющиеся основой формирования человеческого сообщества и которые, в большей степени, прививаются через образование, выполняющее воспитательную функцию.

1. Бердяев Н. А. Человек и машина. Проблема социологии и метафизики техники [Текст] / Н. А. Бердяев // Вопросы философии. — М.: Правда, 1989. — № 2. — С. 147–162
2. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция [Текст] / [пер. с франц.] Ж. Бодрийяр; [пер. О. А. Печенкина]. — Тула: Тульский полиграфист, 2013. — 204 с.
3. Варзина Н. П. Нравственные ценности в семантике русского языка [Текст] / Н. П. Варзина // [по материалам словарей В. И. Даля и С. И. Ожегова]; В. И. Даль в парадигме идей современной науки: язык словесность — самосознание — культура. — Иваново, 2001. — С. 49–53
4. Дашкевич В. С. Великое культурное одичание [Текст] / В. С. Дашкевич. — М.: Русский шахматный дом, 2013. — 720 с.
5. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. [Текст] / А. Н. Леонтьев. — М.: Смысл, Академия, 2004. — 431 с.
6. Печчеи А. Человеческие качества [Текст] / А. Печчеи, пер. с англ.; [пер. О. В. Захаровой]. — М.: Прогресс, 1980. — 302 с.
7. Романов А. М. Педагогические условия и средства формирования смыслообразующей мотивации студентов в информационно-образовательной среде [Текст]: автореферат дис. ... докт. пед. наук.: 13. 00. 01 / А. М. Романов; Международная академия предпринимательства. — М., 2009. — 48 с.
8. Хайдеггер М. Бытие и время [Текст] / М. Хайдеггер, [пер. с нем.]; [пер. В. В. Библихина]. — М.: Республика, 1993. — 447 с.
9. Шестаков В. Н. Информатизация образования, её меры и границы (социально-философский аспект) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филос. наук.: 09. 00. 11 / В. Н. Шестаков // Красноярский государственный технический университет — Красноярск, 2006. — 22 с.

The paper studies the process of informatization of education in ethical-cultural perspective. Special attention in this work is given the analysis of the causes and factors of negative trends related to the informatization of educational process and the active introduction into it of ICT.

Keywords: information, information technology, education, culture, science, ethical and cultural education.

Е. Я. Галимова

Развитие профессиональных компетенций магистрантов в процессе преподавания учебной дисциплины «Моделирование управленческой деятельности»

Представлен опыт организации работы с магистрантами на кафедре документоведения, информатики и проектной деятельности Краснодарского государственного университета культуры и искусств. Рассмотрено значение учебной дисциплины «Моделирование управленческой деятельности» для формирования профессиональных компетенций. Обобщены результаты развития профессиональных компетенций магистрантов по направлению документоведение и архивоведение.

Ключевые слова: учебная дисциплина «Моделирование управленческой деятельности», научно-исследовательская работа студентов, кафедра документоведения и информационной культуры, Краснодарский государственный институт культуры и искусств, работа со студентами, наука в вузе.

Формирование и развитие профессиональных компетенций выпускников вузов является важным условием успешности образовательной деятельности. Актуальность темы, рассматривающей возможности формирования и развития компетентностей, которая формируется в процессе обучения, является особенно важной и значимой в современных условиях перехода к стандартам нового поколения, призванных гармонизировать профессиональные и образовательные стандарты.

Компетентность связана с приобретением опыта и знаний в определенной области для осуществления успешной деятельности в этой сфере. Проблемам развития, управления, контроля уровня компетенций в образовательных учреждениях посвящено значительное число

диссертационных статей, исследований, научных статей. А проблемы формирования профессиональных компетенций магистрантов по направлению 46.04.02 документоведение и архивоведение пока еще мало изучены.

Анализ исследований и публикаций по данной проблеме позволил определить нерешенные вопросы, связанные с уровнем организационно-методической работы, недостаточной мотивацией преподавателей и студентов, отсутствием финансирования вузов на комплектование учебно-методических комплексов, основанных на новейших информационных технологиях.

Задачей данной публикации является обобщение опыта преподавания учебного курса «Моделирование управленческой деятельности» для форми-

рования и развития профессиональных компетенций магистрантов.

Изучение современного состояния образовательной деятельности в Российской Федерации показало, что за период с 2009 по 2017 год произошло сокращение количества учебных заведений, осуществляющих подготовку специалистов в области документоведения и архивоведения с 300 до 24. Поэтому проблемы организации образовательной деятельности, современного состояния и перспектив развития подготовки кадров в этом направлении очень важны. Назрело противоречие между потребностью общества в высокопрофессиональном составе работников сферы делопроизводства и архивной деятельности, способных к принятию самостоятельных решений, и недостаточной теоретической и практической разработанностью процесса формирования профессиональных компетенций в условиях образовательной среды вуза. Организационные преобразования в учебных заведениях, занимающихся подготовкой документоведов и архивных работников, не затрагивают существенные аспекты профессиональной подготовки. Направления магистерских программ отражают возможности вуза, осуществляющих образовательную деятельность. Поэтому можно наблюдать большое разнообразие направленности данных программ: «Документационные системы и архивы в региональной системе управления» (Алтайский ГУ), «Документная коммуникация в России и за рубежом» (Балтийский ФУ), «Документационное обеспечение управления и кадровое делопроизводство» (Белгородский НИГУ), «Документационные процедуры в государственных и коммерческих организациях» (Кемеровский ГУ), «Преподаватель дисциплин информационно-документационного цикла в высших и средних учебных заведениях» (КГИК), «Организационное проектирование систем управления» (Кубанский ГУ), «Электронный документооборот в российских и зарубежных компаниях» (Московский государственный лингвистический университет), «Управление

документацией в условиях становления и развития информационного общества» (Томский ГУ), «Управление документацией и документальным наследием в условиях российских модернизаций», «Теория и практика работы с электронными документами в управлении и архивах» (РГГУ).

С 2001 года работа по разработке проектов государственных образовательных стандартов и примерных учебных планов, координация действий научно-педагогической общественности вузов, представителей предприятий, учреждений и организаций в обеспечении качества и развития содержания высшего и после профессионального вузовского образования, разработка предложений по структуре, отнесенной к компетенции области высшего и после профессионального вузовского образования, и содержание основных образовательных программ, экспертиза учебно-методической документации, необходимой для обеспечения процесса подготовки специалистов с профессиональным высшим образованием в соответствии с потребностями личности, общества, основными тенденциями развития науки, культуры, техники и технологии осуществлялась учебно-методическими объединениями (УМО).

УМО по образованию в области истории и архивоведения было создано на базе Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) приказом Минобрнауки России от 10.01.2001 № 86. Это государственно-общественное объединение успешно выполняло свои задачи и функции.

В новых условиях федеральное учебно-методическое объединение (ФУМО) в сфере высшего образования по укрупненной группе направлений подготовки 46.00.00 История и археология пока не проявило активности в своей работе. На Портале Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования представлен сайт Координационного совета учебно-методических объединений и научно-методических советов высшей школы

<http://fgosvo.ru/ksumo/view/edufieldid/>. Но, к сожалению, информация о разработке ФГОС по направлению документоведение и архивоведение (магистратура) на 20.06.2017 года отсутствует. Поэтому вузам и преподавателям профессиональных дисциплин приходится самостоятельно предлагать методы и способы педагогического воздействия на обучаемых с целью развития их профессиональных компетенций.

Формированию общекультурных компетенций посвящены материалы Т. Е. Батаковой [1], Л. В. Воеводиной [3,4]. Проблемы развития профессиональных компетенций обучаемых охватывают разные вопросы организации деятельности вуза от уровня педагогического и профессионального мастерства преподавателей до развития мотивации студентов. Большое значение в профессиональной подготовке будущих специалистов, играет внеаудиторная деятельность, которая ориентирована на закрепление теоретических знаний, создания условий для личностного роста, самореализации студентов. Значению научно-исследовательской работы магистрантов посвящены публикации не только в отечественных [8], но и в зарубежных изданиях [7].

В соответствии с требованиями ФГОС ВО, обязательной частью подготовки является научно-исследовательская работа студентов. Привлечение студентов к научно-исследовательской деятельности позволяет развивать их творческие способности, умения эффективно решать возникающие теоретические и практические проблемы, стремление к получению углубленных знаний по изучаемым дисциплинам, формирует аналитические навыки и коммуникативные качества, помогает приобретать уверенность в своих возможностях. Традиционно научно-исследовательскую работу студентов подразделяют на два вида: включенную в учебный процесс и поэтому проводимую в учебное время, и выполняемую студентами во вне учебное время.

В многолетней практике работы кафедр документоведения, информати-

ки и проектной деятельности Краснодарского государственного института культуры (КГИК), одной из форм научно-исследовательской работы студентов, осуществляемой в учебное время, является выполнение студентами учебно-исследовательских работ в рамках одной учебной дисциплины. Более 60% лабораторных и практических занятий на кафедре проводятся в форме учебно-исследовательских работ студентов или с элементами научно-исследовательской работы студентов по индивидуальным заданиям под руководством преподавателя. Основной задачей выполнения таких работ является формирование у студентов способности самостоятельно обосновывать предполагаемые результаты опытов, умения экспериментально их подтверждать и формулировать обобщающие выводы. В рамках выполнения подобного типа работ у студентов закладываются начальные навыки выполнения экспериментальных научных работ, а также в наибольшей степени реализуется уровень усвоения учебного материала.

Учебная дисциплина «Моделирование управленческой деятельности» входит в состав многих профессиональных образовательных программ по направлению 46.04.02 «Документоведение и архивоведение», которые предлагают учебные заведения разных регионов и субъектов Российской Федерации. В КГИК учебная дисциплина «Моделирование управленческой деятельности» относится к профессиональному циклу. Она обобщает теоретические, экспериментальные, методические работы и современную практику в области управления. Её целью является формирование у студентов понятий и навыков эффективного организационного мышления на основе изучения теории и практики применения современных методов моделирования управленческой деятельности.

В соответствии с ФГОС ВО 46.04.02 «Документоведение и архивоведения», профессиональные компетенции представляют способность применять и использовать знания, умения, а также де-

монстрировать владение технологиями при решении задач, связанных с будущей профессиональной деятельностью в сфере документоведения и архивоведения. Профессиональные компетенции, формируемые при изучении учебной дисциплины «Моделирование управленческой деятельности», проявляются в знании истории и современного состояния зарубежного опыта управления документами и архивами (ПК3); в способности и готовности разрабатывать нормативные акты и нормативно-методические документы по ведению документационного обеспечения управления и архивного дела (ПК15); владении принципами и методами упорядочения состава документов и информационных показателей (ПК22); владении принципами организации служб документационного обеспечения управления и архивной службы (ПК23); владении методами оптимизации документопотоков (ПК24).

В соответствии с рабочей программой курса магистранты изучают темы «Модель как объект моделирования управленческой деятельности», «Основные методологические принципы моделирования», «Процессы моделирования», «Основные этапы моделирования», «Оптимизация модели управления», «Моделирование образовательной деятельности».

Знания, полученные по дисциплине «Моделирование управленческой деятельности», помогают в написании выпускной квалификационной работы и итоговой аттестации. Так как подготовка магистров в КГИК осуществляется по магистерской программе «Преподаватель дисциплин информационно-документационного цикла в средних и высших учебных заведениях», то результатом уровня сформированности профессиональных компетенций являются успешная защита выпускных квалификационных работ (магистерских диссертаций) на темы: «Формирование и развитие курса «Документационное обеспечение управления» в системе среднего профессионального образования», «Проблемы формирования общекультурных и профессиональ-

ных компетенций бакалавров в процессе изучения архивоведческих дисциплин», «Проблемы совершенствования профессиональной подготовки документоведов в контексте многоуровневой системы образования», «Направления совершенствования дидактических приемов раскрытия содержания документоведческих дисциплин в контексте педагогического дизайна», «Проблемы преподавания информационных дисциплин на примере курса «Информационная эвристика», «Современные проблемы архивоведения и перспективы их внедрения в практику преподавания высшей школы».

При изучении темы «Моделирование образовательной деятельности» магистранты изучают опыт КГИК и подробно характеризуют результаты своей научной работы в статьях, размещаемых в научных журналах, включенных в РИНЦ, — «Научная палитра» и «Культура и время перемен». Теоретический анализ литературы, который студенты проводят по теме своего исследования, показывает, что разработка проблемы преподавания дисциплин информационно-документационного цикла в образовательных организациях среднего профессионального и высшего образования является сложным, многокомпонентным и ведётся в нескольких аспектах. Проблемы преподавания рассматриваются в связи с изучением вопросов активизации познавательной деятельности обучаемых [2, 10, 11], вопросов развития познавательной активности и самостоятельности [6], оптимизации образовательного процесса на основе новых информационных технологий [5, 13], психологии личности и психологических аспектов обучения и воспитания [12], особенностей информационных потребностей преподавателей [9].

Дальнейшая работа кафедры документоведения, информатики и проектной деятельности КГИК по развитию профессиональных компетенций магистрантов будет продолжаться, а имеющийся опыт позволит в условиях внедрения новых ФГОС ВО 3 ++ совершенствовать эту образовательную деятельность.

1. Батакова Т. Е. Проблемы формирования общекультурных компетенций в образовательной деятельности документоведов [Электронный ресурс] / Т. Е. Батакова // Научная палитра. — 2015. — № 4(10). — URL: culture.esrae.ru/36-182 (дата обращения: 19.06.2017).
2. Башмакова Е. Т. Педагогическое моделирование применительно к кадастровой проблематике в учебном процессе [Электронный ресурс] / Е. Т. Башмакова // Научная палитра. — 2017. — № 2(16). — URL: culture.esrae.ru/42-345 (дата обращения: 19.06.2017).
3. Воеводина Л. В. Формирование общекультурных компетенций по направлению 50.03.01 Искусства и гуманитарные науки при изучении учебной дисциплины «Педагогика» [Электронный ресурс] / Л. В. Воеводина // Научная палитра. — 2016. — № 3(13). — URL: culture.esrae.ru/39-263 (дата обращения: 19.06.2017).
4. Воеводина Л. В. Верно ли равенство: «компетенция» и «компетентность»? [Электронный ресурс] / Л. В. Воеводина // Научная палитра. — 2016. — № 4(14). — URL: culture.esrae.ru/40-272 (дата обращения: 19.06.2017).
5. Воспякова А. А. Вопросы применения информационных технологий в архивном деле [Электронный ресурс] / А. А. Воспякова // Научная палитра. — 2016. — № 2(12). — URL: culture.esrae.ru/38-228 (дата обращения: 19.06.2017).
6. Галимова Е. Я. Возможности применения интерактивных форм обучения в условиях «Общества знаний» (на примере подготовки документоведов) [Электронный ресурс] / Е. Я. Галимова, М. М. Галимова // Проблемы современности: человек, культура и общество. II международная научно-практическая конференция (22-24 июня 2014 года, г. Рязань) // Культура и образование. — Декабрь 2014. — № 12. — URL: http://vestnik-rzi.ru/2014/12/2714 (дата обращения: 22.08.2016).
7. Galimova J. [Галимова Е. Я.] Молодежь как особая социально-возрастная группа: результаты исследования [Электронный ресурс] // Edukacja i zycie codzienne studentow w Polsce i w Rosji.-Warszawa, 2015. p. 43-54
8. Галимова Е. Я. Формирование профессиональных компетенций документоведов в процессе научно-исследовательской работы студентов вуза (на примере Краснодарского государственного института культуры) [Электронный ресурс] / Галимова Е. Я., Галимова М. М. // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета (Научный журнал КубГАУ) [Электронный ресурс]. — Краснодар: КубГАУ, 2016. — №06(120). — URL: http://ej.kubagro.ru/2016/06/pdf/21.pdf
9. Дидыч А. А. Изучение информационных потребностей педагогов как фактор повышения качества образования [Электронный ресурс] / А. А. Дидыч // Культура и время перемен. — 2016. — № 2(13). — URL: timekguki.esrae.ru/29-183 (дата обращения: 19.06.2017).
10. Новак Е. В. Вопросы изучения мотивации студентов-documentsедов в Краснодарском государственном институте культуры [Электронный ресурс] / Е. В. Новак // Культура и время перемен. — 2016. — № 1(12). — URL: timekguki.esrae.ru/28-169 (дата обращения: 19.06.2017).
11. Новикова М. В. Проблемы обучения в сфере автострахования [Электронный ресурс] / М. В. Новикова // Научная палитра. — 2016. — № 4(14). — URL: culture.esrae.ru/40-284 (дата обращения: 19.06.2017).
12. Орлова Э. О. О визуализации учебного материала в контексте нового научного направления «Педагогический дизайн» [Электронный ресурс] / Э. О. Орлова // Научная палитра. — 2017. — № 1(15). — URL: culture.esrae.ru/41-310 (дата обращения: 19.06.2017).
13. Орлова Э. О. Об опыте проведения интерактивных форм учебных занятий по дисциплине «Управление персоналом» / Э. О. Орлова // Культура и время перемен. — 2016. — № 3(14). — URL: timekguki.esrae.ru/30-203 (дата обращения: 19.06.2017).
14. Рыжова О. В. Курс «Документационное обеспечение управления» в подготовке документоведов на разных уровнях профессионального образования [Электронный ресурс] / О. В. Рыжова // Культура и время перемен. — 2015. — № 4(11). — URL: timekguki.esrae.ru/27-148 (дата обращения: 19.06.2017).
15. Снитковская К. Н. Современные проблемы организации образовательной деятельности в России [Электронный ресурс] / К. Н. Снитковская // Научная палитра. — 2017. — № 2(16). — URL: culture.esrae.ru/42-358 (дата обращения: 19.06.2017).

The experience of organization of work with undergraduates at the Department of Document Management, Informatics and Project Activities of the Krasnodar State University of Culture and Arts. The importance of the educational discipline "Modeling of management activity" for the formation of professional competencies is considered. The results of the development of professional competencies of undergraduates in the direction of document management and archival studies are summarized.

Keywords: Educational discipline "Modeling of management activity", research work of students, Department of Documentation and Information Culture, Krasnodar State University of Culture and Arts, Education of students, Science in high school.

А. П. Кравченко

Формирование профессиональных умений будущего учителя предметной области «Искусство» средствами музейной педагогики

В данной статье автор анализирует состояние проблемы формирования профессиональных умений будущих учителей искусства. Представлены противоречия, которые на данный момент требуют разрешения в рамках художественно-педагогического образования, для построения эффективного процесса формирования профессиональных умений. Приводятся результаты опытно-экспериментальной работы, доказывающей эффективность музейной педагогики как средства формирования исследуемого феномена.

Ключевые слова: профессиональные умения учителя, предметная область «Искусство», музейная педагогика, методическая система.

В современных социально-экономических условиях на первый план в системе подготовки молодого специалиста в любой области деятельности, в том числе, в области образования, выходят профессиональные умения. Способность будущего учителя применить на практике весь арсенал методов и средств, которым вооружило его высшее педагогическое образование — это один из важнейших критериев, по которым он будет оцениваться как специалист и один из наиболее вероятных факторов его ценности на рынке труда.

Поиски путей совершенствования системы высшего образования формируют потребность оптимизации подготовки будущего учителя предметной области «Искусство» в школе.

Учитель искусства — это педагог, профессионализм которого определяется не только специфическими худо-

жественно-творческими, но и широким спектром чисто педагогических умений. Однако проблема заключается в том, что, зачастую, не происходит должной междисциплинарной связи, в которой формируется не просто художник, а именно педагог-прикладник.

Художественно-графические факультеты, которые занимаются подготовкой специалистов в этой области, стремятся к осуществлению такой модели подготовки педагога, которая позволяла бы целостно взглянуть на образовательный процесс, насытить профессиональным контекстом дисциплины базового и вариативного цикла ООП и т. д. Мы считаем, что для формирования подобной модели необходим интегративный и контекстный подходы, через которые осуществлялась бы подготовка специалиста в русле его будущей профессиональной деятель-

ности и актуализировались бы его профессиональные умения.

В связи с этим возникает вопрос: что может быть предложено в качестве такого интегрирующего средства, способного в равной степени задействовать общепедагогические и специальные художественные профессиональные умения?

Анализ литературы по проблеме исследования показал, что на данный момент существует средство, потенциал которого в педагогике высшей школы практически не раскрыт — это музейная педагогика.

Образовательная функция музея берет начало со времен его становления как социокультурного института. Музей постепенно трансформировался из сокровищницы культурных ценностей (музейных предметов) в многофункциональный центр, который занимается не только сохранением и изучением памятников культуры и искусства, но и владеет огромным арсеналом инновационных методов и средств, направленных на просвещение различных слоев населения.

Принимая во внимание обширный опыт культурно-образовательной деятельности художественных музеев, мы отмечаем, что было бы неразумно не использовать его в процессе подготовки будущего учителя искусства к его профессиональной деятельности, в том числе, к формированию его профессиональных умений. При этом следует отметить, что методы и формы работы, выработанные музеями, могут быть использованы как вузами в образовательном процессе, так и самими будущими учителями в собственной профессиональной деятельности.

Включение музейной педагогики в систему формирования профессиональных умений и подготовки будущего учителя предметной области «Искусство» в целом, позволяет актуализировать его знания, полученные в различных дисциплинах базового и вариативного цикла ООП.

На базе музея в рамках факультативов, практик, семинаров, конференций

и т. д. мы можем формировать не только коммуникативные, организаторские, проективные и методические умения, но также насыщать педагогическим контекстом его художественно-творческие умения, умения анализа и интерпретации произведений искусства и т. д.

Изучение феномена «умение» и смежных с ним проблем в психологии и педагогике мы можем найти в работах О. А. Абдуллиной, Б. М. Бим-Бад, В. В. Давыдова, Н. А. Лошкаревой, Р. С. Немова, А. М. Новикова, К. К. Платонова, А. В. Усова, Д. Б. Эльконина и других.

Среди работ, посвященных проблеме формирования профессиональных умений, следует выделить труды М. Н. Ермоленко, Э. Ф. Зеера, Т. А. Ильиной, С. А. Козловой, Н. В. Кузьминой, Т. А. Куликовой, Р. А. Мижерикова, Е. А. Панько, И. П. Подласого, В. А. Слостенина, Н. Ф. Талызиной, В. Д. Шадрикова.

Изучение формирования профессиональных умений учителя предметной области «Искусство» во многом сопряжено с изучением профессиональной подготовки будущего учителя изобразительного искусства. В связи с этим, особый интерес представляют работы В. Н. Банникова, Н. А. Долгих, Н. Н. Долгих, М. И. Дьяченко, А. П. Козловой, Я. Л. Коломинского, В. А. Крутецкого, С. П. Ломова, М. Т. Ломоносовой, А. К. Марковой, С. И. Мокроусова, Е. А. Пановой, Ю. Т. Русакова, Н. К. Шабанова, О. П. Шабановой и других.

Значительную роль в данном исследовании играет анализ педагогических методов и форм профессионального обучения учителя изобразительного искусства в трудах Ю. П. Азарова, А. А. Жданова, В. И. Загвязинского, В. С. Кузина, М. М. Левиной, С. И. Назаровой, А. И. Пеленкова, И. П. Подласого, Н. Н. Ростовцева, В. С. Кузина и др.

Непосредственно вопросами подготовки будущего учителя предметной области «Искусство» занимаются В. Н. Банников, О. В. Давыдова, С. В. Камка,

В. В. Кузнецова, Г. А. Рошко, М. Ф. Рудзик и др.

Также необходимо провести ретроспективный анализ взаимодействия образовательных организаций с институтами культуры. В связи с этим мы обращались к работам В. Г. Воронцовой, В. П. Зинченко, Е. Б. Моргунова, И. П. Подласого, Г. К. Селевко, Б. А. Столярова и др.

Изучением образовательной функции музея занимались такие представители науки как Е. Г. Ванслова, Л. М. Ванюшкина, Н. Ф. Ломова, Б. А. Столяров, С. Л. Троянская, Л. М. Шляхтина, М. Ю. Юхневич, М. Г. Хугаева и др.

В контексте данного исследования интересны отдельные положения концепций художественного воспитания и образования средствами музея в исследованиях А. В. Бакушинского, М. Б. Гнедовского, Н. Гудмена, А. У. Левая, А. Лихтварка, Г. Кершенштайнера, Н. Г. Макаровой, Р. Мюльбергера, Г. Осборна, Э. Эйснера.

Несмотря на достаточно широкий охват исследуемой нами проблемы в научной литературе, мы отмечаем, что формирование профессиональных умений учителя предметной области «Искусство» до сих пор скудно представлено в исследованиях отечественных ученых и методистов. Отчасти, это связано с тем, что проблеме умений в целом в современных исследованиях уделяется мало внимания, и они рассматриваются лишь в контексте формирования профессиональной компетентности, а также с тем, что «Искусство» — это молодая предметная область и количество научных исследований по ней весьма незначительно в общем объеме.

Все вышеуказанное позволяет нам выделить ряд противоречий между

— необходимостью формирования профессиональных умений будущего учителя предметной области «Искусство» и не разработанностью данной проблемы в психолого-педагогической литературе;

— потенциалом музейной педагогики в формировании профессиональных

умений будущего учителя искусства и недостаточным исследованием данного феномена;

— значимостью профессиональных умений, как одного из важнейших образований в структуре личности будущего учителя предметной области «Искусство», и отсутствием диагностики уровня их сформированности;

— возможностью сформировать профессиональные умения будущих учителей предметной области «Искусство» средствами музейной педагогики и отсутствием соответствующей методической системы, где она выступает формирующим средством.

Комплекс противоречий приводит нас к утверждению актуальности проблемы данного исследования, разрешение которой станет значительным вкладом в теорию и методику профессионального художественно-педагогического образования.

Основной своей целью мы видим разработку методической системы, направленной на формирование профессиональных умений будущего учителя предметной области «Искусство» средствами музейной педагогики и доказательство ее эффективности.

Объектом исследования становится процесс формирования профессиональных умений будущего учителя предметной области «Искусство».

Предметом данного исследования является методическая система формирования профессиональных умений будущего учителя предметной области «Искусство» средствами музейной педагогики.

Мы предполагаем, что процесс формирования профессиональных умений будущего учителя предметной области «Искусство» будет проходить более эффективно, если:

— проанализировать научно-исследовательскую базу проблемы формирования профессиональных умений;

— определить группы профессиональных умений будущего учителя предметной области «Искусство» и уровни их сформированности;

— выявить потенциал музейной педагогики в формировании профессиональных умений будущего учителя предметной области «Искусство»;

— разработать и апробировать методическую систему формирования профессиональных умений будущего учителя предметной области «Искусство» средствами музейной педагогики;

— предложить методические рекомендации по формированию профессиональных умений будущего учителя предметной области «Искусство» средствами музейной педагогики.

В процессе изучения научной литературы по проблеме исследования, мы пришли к выводу, что профессиональные умения учителя предметной области «Искусство» могут быть определены как специфические интегрированные умения общепедагогической и художественно-творческой направленности, которые позволяют педагогу эффективно выполнять свои обязанности в различных видах профессиональной деятельности.

Структурно профессиональные умения будущего учителя предметной области «Искусство» можно представить как два крупных взаимосвязанных компонента — общепедагогические и специальные умения.

В самом определении кроется существенная характеристика феномена профессиональных умений будущего учителя искусства. В своем исследовании в качестве их компонентов мы выделяем две группы умений — общепедагогические и художественно-аналитические.

Общепедагогические умения — это группа умений, которая присуща любому педагогу вне зависимости от его предметной области. Основы этих умений закладываются в процессе обучения в вузе на курсах педагогики, психологии и методики преподавания. Общепедагогические умения — это инструментарий, которым должен обладать каждый учитель.

Вторая группа умений — художественно-аналитические — это специальные умения художественно-твор-

ческой направленности, которые определяют содержание подготовки учителя конкретной предметной области — «Искусство». Это умения, которыми будущий учитель овладевает в процессе изучения основ академической живописи и рисования, композиции, истории искусств, региональной художественной культуры и т. д.

Мы предполагаем, что подготовка будущего учителя предметной области «Искусство» в вузе должна опираться на предположение о том, что и общепедагогические, и специальные (художественно-аналитические) умения должны развиваться в тесной взаимосвязи друг с другом. В этом случае подготовка педагога ведется целенаправленно и затрагивает различные аспекты его будущей профессиональной деятельности — методический, проектный, организационный, художественно-творческий и т. д.

В связи с недостаточной разработанностью теоретического и методического обоснования процесса формирования профессиональных умений будущего учителя предметной области «Искусство» перед высшей школой возникает проблема поиска новых эффективных средств, которые позволят оптимизировать процесс подготовки учителя в рамках обучения на художественно-графических факультетах.

Изучая практику преподавания различных дисциплин на художественно-графическом факультете Курского государственного университета, мы пришли к выводу: в процессе формирования профессиональных умений будущих учителей искусства необходимо привлечение учреждений культуры, в том числе — художественных музеев, чей богатый опыт обобщен в музейной педагогике.

Музейная педагогика рассматривается, в целом, как область научного знания и как инновационная педагогическая технология (Л. М. Кетова [1], Г. В. Ридченко, Т. В. Шушара [2] и др.). Как область научного знания, она входит в структуру общей педагогики, и, в то же время, является интегративной областью, имеющей точки соприкосновения с музееведени-

ем, культурологией, искусствоведением, историей, психологией и т. д.

Как инновационная технология, музейная педагогика предлагает качественно новый уровень освоения культуры и искусства на основе музейного собрания [1, с. 76].

Приведем аргументы в пользу музейной педагогики как средства формирования профессиональных умений будущего учителя предметной области «Искусство»:

- во-первых, сегодня на государственном уровне складывается система организации взаимодействия образовательных организаций и учреждений культуры (сетевое взаимодействие), которая позволяет использовать обширный опыт деятельности музеев в процессе подготовки будущих учителей. В исследовании Б. А. Столярова, Н. Ф. Ломовой, С. Л. Троянской, Л. М. Шляхтиной, М. Ю. Юхневич активно разрабатываются методы и формы взаимодействия, проекты позволяющие раскрыть потенциал музейной педагогики в системе профессиональной подготовки учителя;

- во-вторых, художественный музей мы рассматриваем с позиции образовательно-развивающей среды, которая обладает не только широким потенциалом приобщения будущих учителей искусства к культурным ценностям через обращение к подлинникам и музейной экспозиции, музейную коммуникацию, но и выступает как многофакторная площадка для формирования основных профессиональных умений и их реализации в рамках факультативов, круглых столов, музейной и педагогической практик и т. д.;

- в-третьих, средствами музейной педагогики мы можем сформировать у будущих учителей целостное представление о будущей профессии, представить значимость взаимосвязи общепедагогических и специальных художественных умений в контексте работы в школе и т. д.

В художественно-педагогическом образовании давно сформировались предпосылки к использованию музейной педагогики в процессе подготовки

будущего учителя к его профессиональной деятельности, однако, на данный момент художественно-графические факультеты не используют в полной мере столь эффективное средство.

Работа с музеем зачастую ограничивается посещением выставок и вернисажей. Более того, будущие учителя, посещая музей, не рассматривают его в контексте своей профессиональной деятельности. Музей и музейная педагогика могут предложить значительно больше методов и форм работы, чем на данный момент используется системой высшего образования.

Мы считаем, что для решения проблемы формирования профессиональных умений будущих учителей искусства, необходимо создание такой методической системы, где ведущим средством будет выступать музейная педагогика. Фактически, существование такой системы позволяет расширить функционал использования музея, а также средств музейной педагогики — музейного предмета, экспозиции и музейной коммуникации (общения).

Научная новизна данного исследования заключается в том, что автором лично были получены следующие результаты:

— выдвинута концептуальная идея исследования, которая строится на предположении, что музейная педагогика может выступать эффективным средством формирования профессиональных умений будущего учителя предметной области «Искусство»;

— проведен ретроспективный анализ образовательной деятельности музеев с целью выделения наиболее эффективных методов и средств музейной педагогики в контексте формирования профессиональных умений учителя искусства;

— предложены критериально-уровневая характеристика и диагностический инструментарий исследуемого феномена, который позволяет отслеживать образовательные результаты студентов художественно-графического факультета направления подготовки «Педагогическое образование»;

— предложена оригинальная авторская методическая система формирования профессиональных умений будущего учителя «Искусства» средствами музейной педагогики, эффективность которой была доказана в ходе педагогического эксперимента;

— предложены методические рекомендации по формированию профессиональных умений будущих учителей предметной области «Искусство» средствами музейной педагогики;

— разработана стратегия организации взаимодействия художественно-графического факультета и художественного музея в процессе формирования профессиональных умений будущих учителей предметной области «Искусство».

Подводя итог, следует отметить, что главный ресурс нашего государства — это человек, и в современных условиях мы должны активно искать пути раскрытия его потенциала. Музейная педагогика, к которой мы обращаемся в своем ис-

следовании, может быть задействована не только в формировании профессиональных умений, но и в целом профессиональной компетентности будущих учителей предметной области «Искусство». На данный момент в Курском государственном университете совместно с Курской картинной галереей им. А. А. Дейнеки реализуются сразу несколько проектов, направленных на формирование личности будущего специалиста в своей профессиональной области. Так, мы особо выделяем проект «Отражение: право в искусстве», который курирует юридический факультет.

В дальнейшем настоящее исследование может послужить основой для формирования сетевого взаимодействия образовательных организаций и учреждений культуры в Курске и Курской области, которое будет положительно влиять на формирование профессиональной готовности специалистов в самых разных отраслях научного знания.

1. Кетова Л. М. Музейная педагогика как инновационная педагогическая технология [Текст] / Л. М. Кетова // Человек в мире культуры. — 2012. — №4. — С. 76-81

2. Шушара Т. В., Ридченко Г. В. Музейная педагогика как современная инновационная педагогическая технология [Текст] / Шушара Т. В., Ридченко Г. В. // Гуманитарные науки. — 2016. — № 3 (35). — С. 35-39

In this article, the author analyzes the state of the problem of forming professional skills of future teachers of art. Contradictions are presented, which at the moment require permission in the framework of artistic and pedagogical education, to build an effective process of forming professional skills. The results of experimental work that prove the effectiveness of museum pedagogy as a means of forming the phenomenon under study are presented.

Keywords: professional skills of teacher, subject area "Art", museum pedagogy, methodical system.

УДК 37.025:159.9:78+37.04-053:378.978:159.95

Е. В. Новицкая

Возрастные аспекты овладения навыками игры на фортепиано: психолого-педагогический анализ проблемы

В статье рассматриваются особенности овладения навыками игры на фортепиано в разные возрастные периоды. На основании проведенного анализа факторов, детерминирующих процесс организации пианистического аппарата и формирования структурных компонентов музыкальности обучающихся, автор предлагает пересмотреть существующие методы преподавания предмета «Фортепиано» в высших музыкальных учебных заведениях и разработать комплексную модель обучения игре на инструменте с учетом закономерностей развития двигательной, мнемической, аттенциональной и мотивационной сфер взрослого человека.

Ключевые слова: обучение, мотивация, психические процессы, психомоторика, сензитивный возраст, взрослый возраст, овладение навыками игры на фортепиано, пианистический аппарат.

Необходимость пересмотра существующих методов обучения игре на музыкальных инструментах обусловлена глобальными преобразованиями в социокультурной жизни общества. В рамках телевизионных шоу-программ происходит популяризация профессии музыканта-исполнителя среди широких слоев населения. Несмотря на все позитивные стороны данного процесса, следует обратить внимание на появление негативных последствий. Так, среди вокалистов-любителей и солистов различных самодеятельных вокально-инструментальных ансамблей формируется ошибочное мнение о возможности формирования и развития узкопрофессиональных навыков во взрослом возрасте. Несвоевременность проведения начального этапа обучения приводит резкому снижению показателей профессиональной компетентности сту-

дентов и будущих выпускников высших музыкальных учебных заведений.

Выделяют два основных этапа становления музыканта-исполнителя: начальный этап обучения в сензитивном возрасте и период совершенствования профессионального мастерства. Педагоги-практики пришли к единогласному мнению, что именно в детском возрасте наиболее успешно формируется двигательная сфера, развиваются музыкальные способности и общий музыкальный кругозор. На данный момент разработаны и внедрены в учебный процесс комплексные методики организации пианистического аппарата в старшем дошкольном и младшем школьном возрасте. Детально проработаны методы постепенного развития структурных компонентов музыкальности на всех этапах обучения музыканта.

Результаты исследований психофизиологов, в свою очередь, доказали перспективность формирования мелкой моторики, в том числе и организации пианистического аппарата, во взрослом возрасте. Как следствие, респонденты данной возрастной категории были исключены из большинства экспериментов, проводимых учеными в высших музыкальных и музыкально-педагогических учебных заведениях.

Таким образом, отсутствие адаптированных методик обучения взрослых игре на фортепиано обусловило необходимость изучения данного вопроса, выявления возрастных закономерностей формирования пианистических навыков с целью создания комплексной модели преподавания дисциплины «Фортепиано».

Объект изучения — процесс обучения игре на фортепиано.

Предмет изучения — возрастные аспекты овладения навыками игры на фортепиано.

Исходя из объекта и предмета исследования, нами были поставлены *следующие задачи*:

— провести анализ особенностей развития психических процессов и двигательной сферы на разных этапах онтогенетического развития человека;

— выявить основные факторы, влияющие на успешность процесса обучения взрослых игре на фортепиано;

— выявить факторы, детерминирующие процесс обучения взрослых игре на фортепиано;

— наметить основные элементы комплексной модели обучения игре на фортепиано во взрослом возрасте.

За многие десятилетия в системе музыкального образования накоплено достаточное количество разнообразных методик преподавания специальных дисциплин на разных этапах профессионализации обучающихся. Из общего числа работ нами были выделены психолого-педагогические модели, опирающиеся как на авторитарно-схоластические принципы работы с музыкантами (Л. Демпе, Р. Брейтгаупт, Ф. Штейн-

гаузен, Ф. Калькбреннер, П. Кёллер, Е. Бах, А. Алмазова), так и на концепции с четко прослеживающейся эвристической направленностью (Л. А. Баренбойм, М. М. Берляничик, А. Б. Гольденвейзер, С. Г. Корлякова, И. П. Назаров, Г. Г. Нейгауз, В. П. Сраджев, Б. М. Талалай, О. Ф. Шульпяков и др.). В последней группе методик постулируется важность установления расширенного диалога между двумя ветвями учебного процесса (студент — педагог), который сопряжен с постоянным поиском новых граней совместной музыкально-исполнительской и творческой деятельности.

В ходе проведенного анализа исследований прослежена необходимость комплексного формирования художественно-эстетической сферы обучающихся, их игрового аппарата и музыкальности именно в сензитивном возрасте (И. С. Аврамкова, Ф. Д. Брянская, И. Э. Бычков, Е. В. Волювач, А. Б. Давидчик, Ю. В. Талаланова, Т. Б. Юдовина-Гальперина и т. д.). Процесс же обучения в высших учебных заведениях сопряжен с развитием индивидуального исполнительского стиля, полифонического мышления, туше студентов (Я. Я. Бризкопс, А. В. Вицинский, А. Б. Гольденвейзер, Н. А. Горлинская, И. В. Казунина, Г. Г. Нейгауз, Г. М. Салдаева, Б. И. Талалай, Г. С. Тарасов, Ю. Г. Тарчинская, Ю. А. Цагарелли, О. Ф. Шульпяков и т. д.).

Некоторые особенности организации начального этапа обучения игре на фортепиано в высшем учебном заведении раскрыты в исследованиях Ж. Ж. Исаковой, Ю. Г. Тарчинской, А. Н. Чертовского, Е. С. Чиркиной и т. д. Подтверждено, что низкий уровень развития пианистического аппарата и структурных компонентов музыкальности студентов-первокурсников детерминирует процесс их дальнейшей профессионализации. Однако ученые несколько дополнили существующую палитру взглядов педагогов-практиков на процесс обучения взрослых. Так, обозначен ряд факторов, являющихся последствиями пропущенного этапа

музыкального развития в сензитивном возрасте и снижающих качественные показатели освоения студентами предмета «Фортепиано»: отсутствие навыков самостоятельной работы с партитурами; неспособность разбираться в стилевых особенностях исполняемой музыки; ограниченность музыкального кругозора.

В результате нарушения преемственности стадий психического развития, необходимой для любого профессионального роста и развития, исследователями не были представлены комплексные методики работы с данным контингентом студентов.

Для разработки модели обучения взрослых игре на фортепиано было решено учитывать основные физиологические и психологические закономерности развития человека.

Этапы периодизации психофизиологического развития индивида выделены в исследованиях Б. Г. Ананьева, Дж. Биррена, Л. С. Выготского и его последователей, Ж. Пиаже, З. Фрейда, А. Фрейд, Э. Эриксона и др. Выявлено, что процесс развития психики человека детерминирован социально-биологическими факторами и представляет собой «закономерное изменение психических процессов во времени, выраженное в их количественных, качественных и структурных преобразованиях» [1, с. 36]. Л. С. Выготский считал, что обучение неправомерно отождествлять с простым развитием человека. Оно является движущей силой его психического становления, способной перестраивать всю систему сознания последнего [2]. Но только в определенные периоды жизни индивида обучение дает качественный скачок в его развитии, не обременяя последнего чрезмерной сложностью и недоступностью. Основным же критерием успешности прохождения процесса обучения является точное выявление и разумное использование «периодов повышенной восприимчивости психических функций к внешним воздействиям, особенно к воздействию обучения и воспитания» [1, с. 48]. Однако эти периоды ограничены во времени. В рамках каждо-

го возрастного периода нецелесообразно как форсировать сроки обучения, так и запаздывать с ними [3]. Так, для начала образовательного процесса наиболее подходящим является период, начиная с 6-7 лет. В этом возрасте происходит постепенное овладение базисными знаниями и умениями. Организм ребенка легко поддается различным воздействиям извне (будь то общее физическое или умственное развитие). Соотносительно с проблемой, поставленной в данной статье, — это «познавательный период», связанный с общим музыкальным развитием, организацией пианистического и кинестетического аппарата учащегося.

Исследования последних лет показывают, что психомоторная сфера исполнителя (техника в узком смысле слова) усиленно формируется именно в детском возрасте. В процессе дальнейшего обучения происходит целенаправленное совершенствование творческих исполнительских навыков субъектов.

Человек, начинающий познавать азы искусства игры на фортепиано во взрослом возрасте, формально является учеником начальных классов музыкальной школы. Однако переносить методы работы, адаптированные к процессу обучения детей, на взрослых — бессмысленно. Особенно это касается вопросов организации пианистического аппарата и развития мотивационной сферы последних.

Подтверждением сказанному выше является и мнение Б. Г. Ананьева. Доказано, что психомоторика играет роль внутреннего канала, который связывает между собой работу практически всех анализаторных систем и детерминирует поведение человека, его деятельность и успешность прохождения двигательных процессов в определенном возрасте [5; 6].

Принимая во внимание выявленную гетерохронность развития двигательной сферы человека в 18-35 лет, ученые проследили тенденцию к снижению силовых и скоростных показателей двигательной активности с незначительным повышением их точности. Качественные же показатели связи между слуховыми, зрительными и тактильными ощущения-

ми полностью детерминированы возрастом. Именно на основании выявленных фактов ученые признали бесперспективность всего процесса обучения взрослых игре на фортепиано (П. В. Гайдай, Ж. Ж. Исакова, Г. М. Салдаева, А. М. Чертовской). На сегодняшний день ситуация в высших музыкальных учебных заведениях складывается таким образом, что многие первокурсники, поступив без соответствующей базовой подготовки, вынуждены овладевать навыками игры на фортепиано по методикам, которые совершенно не адаптированы под их возрастные, психофизиологические и личностные особенности. Всё это приводит, в итоге, к педагогической «запущенности» [4, с. 16], препятствует раскрытию задатков и способностей, заложенных природой. В силу постоянно возрастающих требований к студенту со стороны преподавателей, у обучающегося пропадает уверенность в собственных силах, исчезает стремление к изучению данной дисциплины. Процесс сложного поиска своего «Я» (личности музыканта) заходит в тупик.

Создание комплексной модели обучения взрослых игре на фортепиано предполагало выявление:

— основных особенностей психофизиологического и психологического развития индивидов, оказывающих непосредственное влияние на качественные показатели освоения студентами дисциплины «Фортепиано»;

— действенных механизмов формирования музыкальности обучающихся, способных компенсировать возрастные особенности развития двигательной и психомоторной сферы взрослых.

Для этого был проведен анализ психолого-педагогических особенностей обучения игре на фортепиано на интересующем нас этапе онтогенетического развития.

Нами были выявлены позитивные и негативные факторы, оказывающие непосредственное влияние на динамику процесса организации пианистического аппарата и развития структурных компонентов музыкальности.

К факторам, обеспечивающим успешность прохождения начального этапа обучения взрослых игре на фортепиано (на примере освоения студентами предмета «Фортепиано»), были отнесены:

1) произвольный характер прохождения психических процессов;

2) сформированность умственных операций, достаточный уровень развития навыков владения письменной и устной речью, развернутая внутренняя речь;

3) избирательность, абстрактность, диалектичность и креативность мышления;

4) выносливость, работоспособность нервной системы;

5) возможность осознанной регуляции эмоционального состояния;

6) сформированные мотивационные регуляторы жизнедеятельности;

7) постепенное понижения общего уровня динамичности процессов возбуждения, которое приводит к появлению у человека способности управлять собой в стрессовых ситуациях;

8) постепенное повышение уровня общей обучаемости в случае приобщения субъекта взрослого возраста к процессу целенаправленного обучения.

Таким образом, взрослый возраст является собой самую активную фазу интеллектуальной, социальной, двигательной и творческой активности.

В проекции на процесс овладения навыками игры на фортепиано нами были выделены следующие частные факторы:

— осведомленность студентов о целях получения образования;

— сформированность общей пространственно-временной организации;

— способность целенаправленно управлять психическими процессами: распределение и переключение внимание в процессе овладения навыками игры на фортепиано (организация пианистического аппарата, чтение с листа нотного текста, самостоятельная работа с нотным текстом и т. д.), запоминание, сохранение и воспроизведение информации (нотный материал, аппликатура, штрихи и т. д.);

— способность адекватно оценивать требования, предъявляемые к субъекту в процессе овладения навыками (задачи

теоретического и практического характера), и моделировать ответные реакции в зависимости от ситуации;

— наличие определённого уровня притязаний;

— развитое ассоциативное мышление.

К факторам, детерминирующим процесс обучения взрослых игре на фортепиано, отнесены:

1) оптимум и постепенная инволюция развития психических процессов;

2) незначительная инертность интеллектуальных реакций;

3) негативная динамика сенсомоторной реакции, инволюция точности движений вплоть до полной остановки развития двигательных функций;

4) скованность пианистического аппарата, его дискоординированность.

Решающую роль в поддержании оптимумов развития психических процессов человека играет возможность быть привлеченным к процессу обучения, самообучения, саморазвития, самовоспитания. В случае внедрения в учебный процесс методов, соответствующих возрастным особенностям обучающихся, происходит одновременное становление личностных и профессиональных качеств. Однако несвоевременный учет психофизиологических и возрастных особенностей студентов провоцирует появление:

— нарушений в развитии самооценки;

— деформационных изменений в формировании мотивационной сферы, провоцирующих дальнейшее снижение показателей развития attentionально-мнемической и волевой сфер;

— дисбаланса в развитии структурных компонентов музыкальности и музыкальных способностей.

Также заметим, что необдуманное сокращение сроков формирования и развития отдельных умений и навыков, практически полное отсутствие времени для закрепления материала влекут за собой как возникновение необратимых изменений в процессе развития профессиональной компетенции обучающихся, так и появление внутренних конфликтов, особенно среди лиц со слабой, чувствительной нервной системой.

Приведем несколько примеров. Во-первых, несформированность в сензитивном возрасте пианистического аппарата, навыков чтения с листа и умения самостоятельно анализировать нотный текст оказывают негативное влияние на развитие общего музыкального кругозора музыканта, препятствуют осознанию интерпретационных особенностей исполнения произведений, что, в свою очередь, сказывается на динамике формирования мотивационной составляющей процесса овладения навыками. Во-вторых, безверие преподавателей в возможность успешного овладения взрослыми навыками игры на фортепиано сказывается на процессе профессионализации студентов, в результате чего возникают инволюционные процессы в развитии мотивационной и волевой сферы. В-третьих, зачастую неосознанная ответная реакция студентов (агрессивность, непосещение занятий, жалость к себе) на безразличие или авторитаризм со стороны преподавателей делает процесс обучения безрезультатным. В-четвертых, недостаточные качественные показатели освоения теоретического и практического материала, минимальное количество учебного времени, отведенного на развитие музыкальности взрослых, их attentionальной и мнемической сфер, провоцируют возникновение у студентов состояния неуверенности на эстраде, страха публичных выступлений. Так, начинающий музыкант-исполнитель в процессе сдачи контрольных мероприятий теряет практически весь «запас прочности»: возникают сбои в работе когнитивной и психомоторной сфер (потери в нотном тексте, «грязная» педализация, «слипание» пальцев в пассажах, неоправданная поспешность в процессе исполнения и т. д.).

Суммируя все перечисленные выше факты, приходим к выводу, что дети младшего школьного возраста впитывают учебную информацию на эмоционально-образном уровне, где интерес к новому играет решающую роль. Студенты, пропустив все предыдущие этапы психомоторного и музыкально-эмоционального развития, прежде все-

го, стараются осознать логику формирования двигательной схемы. На наш взгляд, ведущую роль в процессе обучения взрослых играют качественные показатели сформированности мотивационно-волевой сферы и высокий уровень развития сферы художественно-эстетических потребностей.

На основании выявленных фактов сделан вывод о необходимости пересмотра существующих методов преподавания предмета «Фортепиано». Для активизации процесса обучения взрослых игре на музыкальном инструменте необходимо:

1) разработать инновационную комплексную модель обучения с учетом психофизиологических и психологических особенностей обучающихся (низкий уровень мотивации, скованный двигательный аппарат, учет личностных особенностей субъектов и генетической предрасположенности музыкантов к данному виду деятельности);

2) провести процедуру предварительного диагностирования студентов на предмет выяснения показателей развития психомоторной сферы, структурных элементов музыкальности, мотивации к обучению в высших учебных

заведениях и художественно-эстетических потребностей;

3) внедрить в учебный процесс урок с новой содержательной и хронометрической структурой (позапажность формирования навыков, использование стратегий аналогизирования, систематизации, комбинирования в процессе решения проблемных ситуаций в сфере обще-музыкального становления, психомоторного развития и формирования структурных компонентов музыкальности);

4) с учетом психофизиологических особенностей развития мелкой и крупной моторики пальцев рук человека разработать комплекс упражнений, направленный на формирование творческой самоактивности студентов в процессе решения исполнительских задач;

5) создать условия для повышения уровня общего музыкального развития студентов;

6) выявить роль компенсаторных механизмов как в сфере развития структурных компонентов музыкальности, личностных качеств, так и переноса знаний, умений и навыков на междисциплинарном уровне.

1. Аверин В. А. Психология детей и подростков. 2-е изд-е. — СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 1998. — 380 с.

2. Выготский Л. С. Педология школьного возраста [Текст]: / Л. С. Выготский [сост. и авт. предисл. А. Л. Леонтьев]. — Москва: Издательский Дом Шалвы Амонашвили, 1996. — 222 с. — (Антология гуманной педагогики). — Список осн. печатных работ Л. С. Выготского: с. 220-221.

3. Выготский Л. С. Обучение и развитие в дошкольном возрасте [Текст] / Л. С. Выготский. — М.: Издательский дом Шалвы Амонашвили, 1996. — 126 с.

4. Науменко С. І. Основи вікової музичної психології / С. І. Науменко. — К.: Логос, 1995. — 103 с.

5. Ананьев Б. Г. Избранные психологические труды: В 2-х т. // Под ред. А. А. Бодалёва, Б. Ф. Ломова, Н. В. Кузьминой. — М.: Педагогика, 1980. — Т. 1. — 230 с.

6. Ананьев Б. Г. К психофизиологии студенческого возраста / Б. Г. Ананьев // Современные психолого-педагогические проблемы высшей школы. — Л.: 1974. — С. 3-15

The article discusses the features of mastering the skills of playing piano in different age periods. We studied the factors that determine the process of organizing pianistic apparatus and the formation of structural components of musicianship of the students. Based on this the author proposes to revise the existing methods of teaching Piano at music schools and to develop a comprehensive model of learning to play the piano with the laws of the development of motor, memory, intentionally and motivational spheres in adulthood.

Keywords: training, motivation, mental processes, psychomotor, sensitive age, adult age, mastering the skills of playing the piano, the pianistic apparatus.

УДК 378.1

А. А. Смирная

Образовательный сайт по курсу «Основы профориентационной и профконсультационной деятельности» как средство организации самостоятельной работы обучающихся

В статье представлен общий вид образовательного сайта с целью организации самостоятельной работы обучающихся: основные характеристики образовательных сайтов, этапы создания и дидактические требования с учетом концепции личностно-ориентированного образования.

Ключевые слова: образовательный сайт, профориентационная и профконсультационная деятельность, самостоятельная работа обучающихся, компетентностный подход.

На этапе построения современной системы образования в РФ актуализируется проблема активизации самостоятельной работы обучающихся, которая становится ведущим звеном в образовательном процессе вуза. Однако данное звено и является самым проблемным. Устоявшиеся способы и формы проектирования и осуществления самостоятельной работы обучающихся требуют осмысления, коррекции и новых педагогических решений. Это обусловлено, прежде всего, расширением поля самостоятельной деятельности обучающихся в условиях развития информационных, мультимедийных, интерактивных компьютерных технологий, формирующих навыки самообучения, саморефлексии, самоактуализации. Необходимым условием успешной оптимизации самостоятельной работы обучающихся является разработанное учебно-мето-

дическое обеспечение процесса самостоятельной работы с использованием информационно-коммуникативных технологий.

Опираясь на психологические и педагогические источники литературы, можно отметить, что рассмотрению вопросов организации самостоятельной деятельности уделяли внимание многие ученые: Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, П. И. Пидкасистый, С. Л. Рубинштейн, М. Н. Скаткин и другие. В. В. Давыдов, И. А. Зимняя, В. Ф. Тадиян, Д. Б. Эльконин обращались к вопросам формирования личности через активизацию самостоятельной деятельности.

Информационные технологии в сфере образования являются одним из важнейших векторов продвижения современной образовательной парадигмы. В настоящее время специалист-профессионал любой сферы деятельности,

особенно будущий учитель и преподаватель, должен соответствовать предъявляемым к нему педагогическим требованиям. Одним из условий данных требований является информационно-коммуникационная компетентность (ИКТ-компетентность) педагога. Информационная компетентность является одной из главных составляющих общекультурных и общепрофессиональных компетентностей конкурентоспособного человека и проявляется, прежде всего, в практической деятельности при решении разнопрофильных задач и разноплановых ситуаций с использованием персонального компьютера и способов компьютерной обработки информации. Вследствие этого актуализируется применение компьютерных технологий в мобилизации профессионально значимых умений обучающихся [4].

Проблема оснащения информационными ресурсами современного образовательного пространства описана в трудах отечественных исследователей (Н. П. Безрукова, С. А. Бешенков, А. П. Ершов, А. О. Кривошеев, В. М. Монахов и др.). Основы проектной деятельности и использование информационных ресурсов и технологий в профессиональном обучении отображаются в работах А. И. Архиповой, И. Г. Захаровой, В. П. Кулагина, А. Ю. Уварова и других.

Актуальность проблемы овладения обучающимися средствами и методами самостоятельной когнитивной деятельности обусловлена тем, что за период обучения в вузе определяются ценностные ориентиры, закладываются профессиональные компетенции, формируются умения и навыки самостоятельной деятельности. В связи с этим, важным моментом является овладение не только теоретическими знаниями, но способами их добытия, систематизации и анализа. Обучающийся должен осознавать, что самостоятельная дальнейшая деятельность будет являться завершением других теоретических и практических навыков учебной работы.

В контексте вышеизложенного целью данного исследования является повышение эффективности организации самостоятельной работы обучающихся посредством образовательного сайта по курсу «Основы профориентационной и профконсультационной деятельности».

В соответствии с проблемой и целью исследования нами поставлены следующие задачи: на основе психолого-педагогической литературы выявить требования, предъявляемые к созданию образовательных сайтов; разработать структуру и ключевые компоненты образовательного сайта по курсу «Основы профориентационной и профконсультационной деятельности».

Комплекс методов исследования определился сообразно цели и задачам исследования: теоретико-методологический анализ источников информации; изучение и анализ педагогического опыта преподавания курса «Основы профориентационной и профконсультационной деятельности»; анализ опыта разработки и применения образовательных сайтов.

Одной из приоритетных задач в ФГОС третьего поколения отводится развитию дистанционного образования. Мобилизация информационно-коммуникативных технологий в образовательный процесс вузов позволит расширить практико-ориентированный блок в обучении студентов. Системно-деятельностный (компетентностный) подход нацелен на приобщение обучающихся к социально-педагогическим ценностям; мотивацию к обучению, креативное мышление, внутреннюю и внешнюю рефлексию; обучение основам правильного самоопределения и самореализации; общекультурное и личностное развитие обучающихся.

В связи с данным подходом, задачами преподавателя являются объяснение обучающимся наиболее трудных кластеров информации для их понимания; поддержка при интенсивном погружении обучаемых в образовательную сферу и познавательную деятельность; помощь в формировании умений и на-

выков самостоятельного познания и обеспечения интеллектуального роста; соучастие в решении нестандартных задач и проблемных ситуациях [2]. Главная цель преподавателя в процессе управления когнитивной деятельностью — формирование у обучающегося мотивации к самостоятельному творческому поиску, обработке и восприятию новой информации, использованию ее на практике. Следовательно через индивидуальный подход необходимо сконцентрировать внимание обучающегося на самостоятельном приобретении знаний, умений и навыков. Индивидуализация обучения с формированием самостоятельных навыков является стержневым аспектом образования, где самостоятельность включает самоуправление, самоконтроль, саморефлексию, самоорганизацию, самореализацию и самоактуализацию.

Обращаясь к проблеме нашего исследования применения образовательных сайтов для организации самостоятельной работы обучающихся, остановимся на понятии «образовательный сайт». Образовательный сайт — это целостная, концептуально обоснованная и структурно выстроенная система, объединяющая в себе взаимосвязанные между собой веб-страницы, содержание которых подчинено общей идее и выражено в конкретных целях и задачах каждой из них (А. В. Хуторской).

К основным элементам образовательных сайтов можно отнести: текстовые и графические элементы образовательной информации; дизайн; техническая оснащенность; программные продукты и технические средства.

Создание образовательного сайта включает следующие этапы: определение цели и задач веб-сайта, определение идейной концепции; структура и воспроизведение дизайна; обработка текстового и графического контента; верстка и размещение контента; проработка опций веб-сайта; сборка идейного проекта; размещение сайта на веб-сервере; диагностика работы, тестирование и доработка [1].

Одной из приоритетных групп требований образовательного ресурса в контексте личностно и практико-ориентированного образования являются дидактические требования: социально-педагогическая целесообразность применения информационного ресурса; предоставление научно достоверных источников информации и научных фактов; доступность учебного ресурса применительно к самостоятельной работе обучающихся; систематизация учебной информации; осуществление индивидуализации обучения с учетом психофизиологических и интеллектуальных особенностей обучающихся; согласование содержания и методов обучения; развитие коммуникативных и творческих способностей обучающихся.

При создании образовательного сайта в помощь учебному курсу «Основы профориентационной и профконсультационной деятельности» необходимо уделить внимание следующим факторам:

1. Контингент: форма обучения (очная, заочная), возрастная категория.
2. Обеспеченность курса соответствующей библиографической литературой с целью размещения на сайте недостающего материала.
3. Актуализация информации по темам курса.
4. Форма организации деятельности обучающихся (практические, лабораторные, лекционные занятия).
5. Уровень готовности обучающихся к применению сетевого ресурса: методические рекомендации для самостоятельной работы, печатные раздаточные материалы, обучающие интерактивные занятия.
6. Технические ресурсы доступа обучающихся к информационному ресурсу курса: он-лайн режим, офф-лайн режим, локально (на диске).
7. Организация своевременной обратной связи: объявления, комментарии, загрузка файлов выполненных и проверенных работ, обработка тестовых материалов [3].

В рамках нашего исследования мы концентрируемся в основном на ор-

ганизации самостоятельной учебной деятельности обучающихся, поскольку согласно современной парадигме высшего образования самостоятельная работа должна составлять большую часть учебного процесса. Чтобы самостоятельная работа была эффективной, необходимо выполнение следующих организационно-дидактических и педагогических условий: методологической базой должен являться компетентностный подход к профессиональной подготовке и концепции внедрения информационно-коммуникативных технологий в процесс обучения; структура содержания курса может корректироваться с целью уточнения проблемных вопросов или обновления источников информации, выносимых на самостоятельное изучение; методы обучения дополняются интерактивными образовательными и информационными методами; в кластере самостоятельной работы присутствуют разработанные вопросы для текущего и промежуточного контроля в форме тестирования, а также предусмотрена возможность непрерывного самоконтроля обучающихся.

Самостоятельная работа предполагает ориентацию на активные формы обучения, развитие креативности личности, способность к саморазвитию обучающихся, направленность на индивидуализацию в обучении с учетом потребностей и возможностей личности, овладение способами социально-психологической адаптации к профессиональной деятельности.

Самостоятельная работа обучающихся предусматривает домашнюю подготовку к лабораторным работам, оформление разработанных практических и тренинговых профориентационных занятий в виде презентаций, плакатов, методических разработок, выполнение индивидуальных творческих разработок, написание эссе, научных статей. По каждой теме предполагается самостоятельное изучение основных вопросов и углубление лекционного материала. Также представлены вопросы для самоконтроля и рекомендуемая

литература, которая не ограничивает самостоятельный информационный поиск студента и задает направление изучения конкретной темы.

Для создания образовательного сайта по курсу «Основы профориентационной и профконсультационной деятельности» нами была использована программа конструктора сайтов в сети интернет E-Publish 4. 3. 82 [5]. Создание сайта с помощью «конструктора сайта» реализуется автоматически сразу на сетевом ресурсе университета. При создании первой страницы появляются возможности использования сетевых ресурсов. Данный конструктор предполагает множество вариантов дизайна сайта, изменения структуры и внутренних вкладок, подключение дополнительных необходимых приложений (гаджетов и виджетов) для удобства и целесообразности его использования. Для разработки представленного конструктора сайта с помощью компьютера достаточно обычных навыков работы с компьютером и в сети интернет.

Нами разработана структура образовательного сайта по курсу «Основы профориентационной и профконсультационной деятельности», включающего в себя следующие компоненты: введение, содержание теоретического курса дисциплин (Модуль 1, Модуль 2, Модуль 3), законы по профориентационной деятельности, словарь, материалы к самостоятельной работе студентов, тесты, дополнительные задания по курсу (Рис. 1).

Обучающиеся, пропустившие занятие или не усвоившие материал, могут зайти в структуру сайта, выбрать те темы, которые были пропущены, и прочитать, или посмотреть презентацию. На страницах сайта представленного курса выкладываются вопросы для подготовки к проверочным работам и контрольным работам, а также и пробные демонстрационные тестовые материалы; предлагаются интересные современные материалы, касающиеся профориентационной и профконсультационной работы, и психологические диагностики для проверки своих склонностей и способностей.

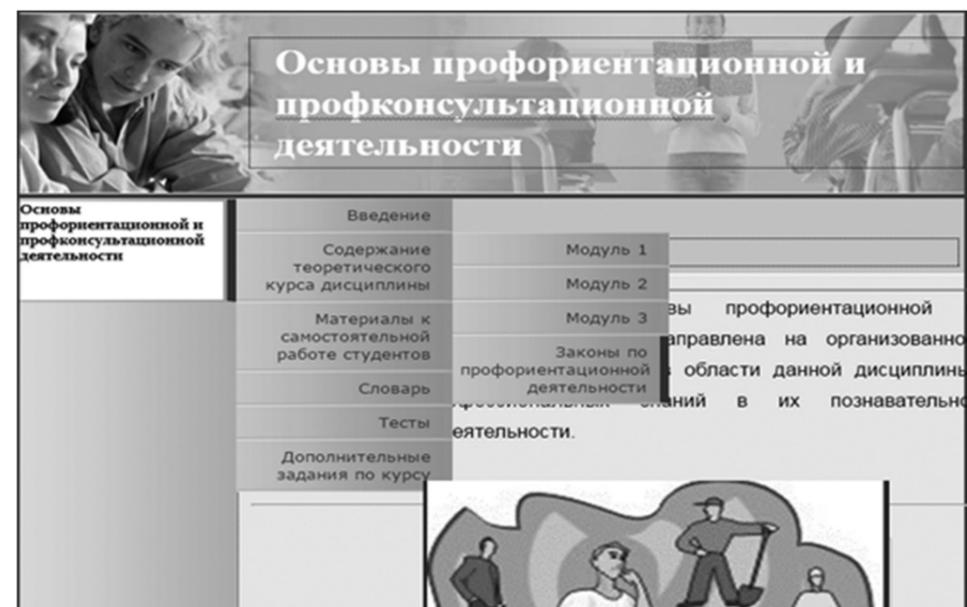

Рис. 1 Структура образовательного сайта по курсу «Основы профориентационной и профконсультационной деятельности»

Вкладка «Введение» включает в себя цели, задачи курса и требования к освоению дисциплины. Вкладка «Содержание теоретического курса» сделана через тип страницы «универсальная» и содержит лекции к модулю 1, модулю 2, модулю 3 и законы по профориентационной деятельности. Темы лекций и законы открываются через гиперссылку в формате pdf (Рис. 2).

Вкладка «Материалы к самостоятельной работе студентов» сделана через тип страницы «универсальная» и включает в себя материал, предназначенный для осуществления самостоятельной работы студентов: Темы контрольных работ, Библиографический список, описание тем по изучению курса, основные блок-схемы по курсу, видео-материалы для написания кон-

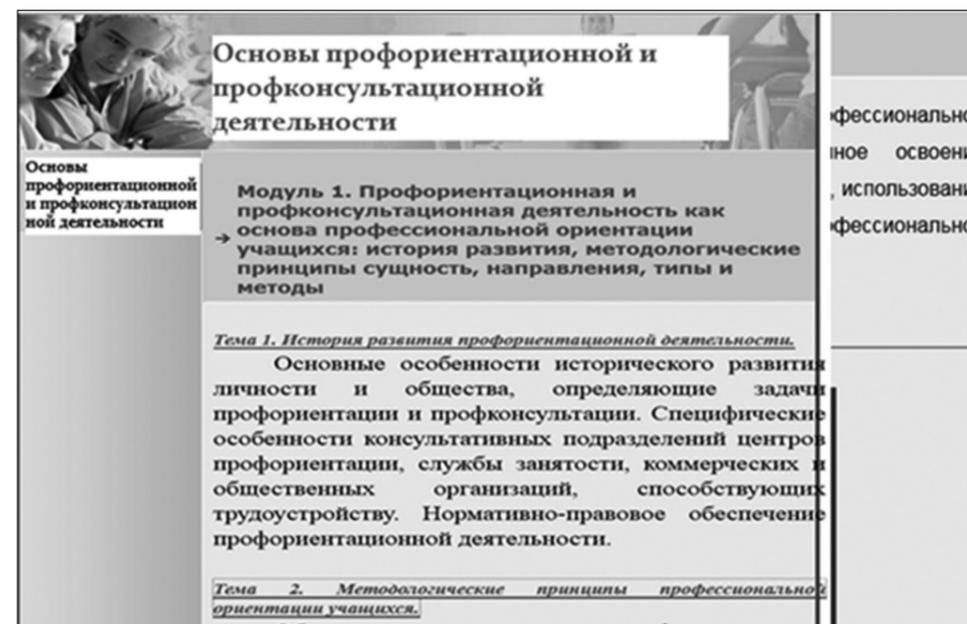

Рис. 2 Темы лекций модуля 1

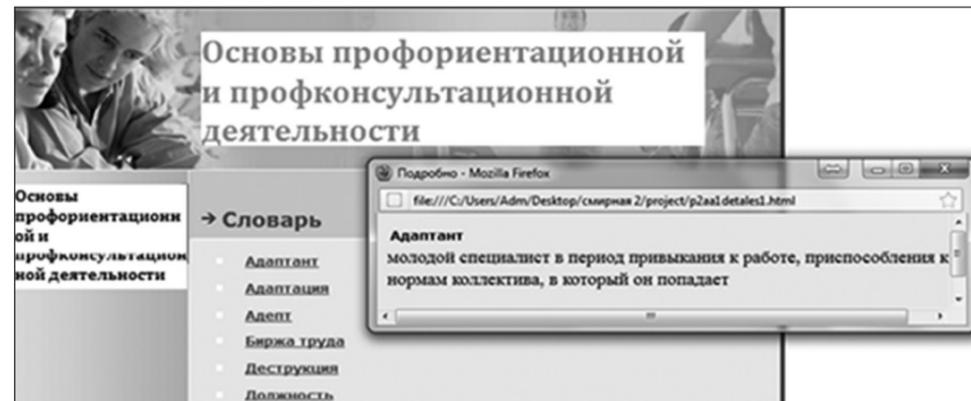

Рис. 3 Словарь

трольных работ и эссе. Данные компоненты студент может открыть через гиперссылку в формате pdf.

Во вкладке «Словарь» представлен набор терминов, которые необходимо знать студенту, изучающему курс (Рис. 3). Словарь сделан через тип страницы «словарь», свойство которого заключается в том, что при наведении мышкой на какое-либо понятие высвечивается его содержание.

Вкладка «Тесты» сделана на основе пункта меню «тесты» и включает все тесты по данному курсу. Представленные тесты состоят как из одного, так и из нескольких вариантов ответов. Тесты предназначены для осуществления заключительного контроля знаний студентов.

Вкладка «Дополнительные задания по курсу» сделана на основе пункта меню «универсальная» и содержит дополнительные задания для студента в качестве повышения его оценки, а также может использоваться для проверки промежуточных знаний по определенным темам. Задания представлены в виде кроссвордов и тестов и открываются в формате pdf. В дальнейшем при улучшении сайта предполагается воспитательная форма работы с обучающимися (добавление видеороликов и видеофильмов воспитательного и обучающего характера), создание чата для ответов на вопросы обучаю-

щихся в режиме on-line; наполнение сайта необходимой информацией для преподавателей с целью обмена педагогическим опытом.

При организации самостоятельной работы обучающихся по данному курсу через использование разработанного образовательного сайта материал усваивается быстрее, возрастает мотивация изучения курса за счёт повышения уровня усвоения материала, активизируется познавательная деятельность и повышается качество выполнения самостоятельной работы обучающихся при её гибком распределении в течение учебных семестров.

На основе анализа различных источников, литературы и обобщения теоретических и практических данных можно выделить дидактические возможности создания образовательного сайта в организации самостоятельной деятельности обучающихся: гибкость учебного процесса за счет варьирования содержания и методов преподавания и учения; активизация учебно-познавательной деятельности обучающихся за счет усиления интерактивной стороны обучения; мотивирование обучающихся за счет эффекта новизны, возможности индивидуализации обучения. Основы представленного образовательного сайта возможно использовать практически при ведении любого учебного курса.

1. Дубова Н. Web 2. 0: перелом в парадигме обучения [Текст] / Н. Дубова // Открытые системы. — № 9. — 2008. — С. 49-53

2. Подгребельная Н. И. Педагогические условия активизации познавательной деятельности студентов в системе дистанционного обучения [Текст] / Н. И. Подгребельная: автореф. канд. дис. — Ставрополь, 2001. — 23 с.

3. Преждо Л. Н. Дистанционные технологии в структуре представления знаний [Текст] / Л. Н. Преждо // Новый коллегіум. — 2002. — № 45. — С. 17-18

4. Смирная А. А. Повышение эффективности организации самостоятельной работы студентов посредством создания образовательного сайта по курсу теория и методика профессиональной ориентации учащихся [Текст] / А. А. Смирная // Культурно-образовательное пространство: новые задачи — новые решения Материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции: ФГБОУ ВПО "Красноярская государственная академия музыки и театра". — 2014. — С. 86-91

5. Moodle в электронном обучении: компоненты, возможности, инструменты Веб 2.0 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.slideshare.net/PROelearning/moodle-20> (дата обращения: 17.06.2017)

The article presents a general view of an educational site with the purpose of organizing the students' independent training: the main characteristics of educational sites, the stages of creation and didactic requirements in terms of the personal-oriented education conception.

Keywords: educational site, vocational guidance and professional advisory activities, the students' independent training, competence approach.

С. В. Тумасян

Проблемы содержания обучения народному искусству в системе профессиональной подготовки бакалавров

В статье рассмотрены некоторые актуальные проблемы в содержании и преподавании национально-регионального компонента в профессиональной системе подготовки бакалавров направления подготовки «Народная художественная культура»

Ключевые слова: бакалавр, народное искусство, обучение, воспитание, профессиональное обучение, методы обучения.

В настоящее время традиционная культура Кубани, в том числе народное декоративно-прикладное искусство, научно достаточно изучена. Об этом свидетельствуют труды по традиционной культуре Кубани ученых по многим направлениям (Н. И. Бондарь, О. В. Матвеев, В. Г. Захарченко, Е. Г. Вакуленко, Н. А. Гангур, С. А. Жиганова, Ю. Г. Щербина и др.). Выявлены его функции, виды и формы бытования, локальные особенности.

На современном этапе в различных типах учебных заведениях, в том числе и в вузах, назрела потребность в изучении традиционной культуры. В этой связи возникает ряд проблем. Одной из них является содержание учебных программ, не учитывающих национально-региональный компонент.

Как свидетельствуют материалы всероссийских и международных научно-практических конференций, вопрос о методах обучения народной традиции, народному искусству, является главной

проблемой в современной педагогике, а именно, подбор содержания (чему учить) и методов обучения (как учить) предметам национально-регионального компонента, которые входят в программы по истории, изобразительной деятельности, кубановедению и др.

Эти вопросы за последние два десятилетия несколько раз дискутировались на краевых и международных конференциях. Подводя итоги дискуссий по проблемам исследований традиционной культуры Кубани, сделаем некоторые важные, на наш взгляд, выводы.

Наследие традиционной отечественной культуры, в том числе и Кубани, в содержательном отношении достаточно собрано, но ни во второй половине XIX — начале XX века, ни в годы советской власти оно не получило достаточного теоретического осмысления. В современных исследованиях имеется несколько направлений, что затрудняет выбор содержания национально-регионального компонента [2, с. 68].

В некоторых исследованиях сохраняется методологическая основа, сложившаяся в советской науке на фоне господствовавшей в тот период идеологии. В течение почти целого столетия с традиционной культурой боролись как с патриархальным, дореволюционным прошлым России [1, с. 15].

Многие виды и жанры традиционной культуры рассматривались (и сегодня часто рассматриваются) как художественная самодеятельность трудящихся масс. Данный термин многие исследователи не считают научным. В условиях языка традиционной культуры выделялся формализм и мистицизм, традиция объявлялась тормозом в развитии. Традиционная культура, народное искусство как фундаментальная часть духовной культуры России так и не была принята. Чаще всего изучалось языческое ее содержание (гадания, заговоры, пантеон богов и др.), и это зачастую используется в содержании программ национально-регионального компонента. Созидательные, светлые духовные образы почти не отражены. Тем не менее, названными качествами во многом наделено отечественное народное искусство, и этим оно вносит свой вклад в мировую культуру. Важно понимать, что отечественная традиционная культура имеет уникальное самобытное содержание, что признают многие зарубежные и российские ученые.

Некоторые исследователи традиционной культуры России используют в исследованиях отечественной традиционной культуры зарубежные технологии и предлагают заимствованные зарубежные модели, которые подменяют исторически сложившиеся в России формы бытования отечественной традиционной культуры. Такое заимствование не свойственных культурных основ других стран, как показали уроки истории, приводит к подмене ценностей и не способствует сохранению и развитию традиционной культуры, а ведет к ее разрушению.

Сегодня мы наблюдаем проектирование программ обучения в системе образования и воспитания, в содержании которых во многом отсутству-

ет опыт отечественной традиционной культуры, ее созидательные и светлые образы, духовное содержание. Это, как правило, связано с тем, что не решены вопросы понятий, параметров, по которым она определяется, а также с отсутствием научного знания предмета отечественной культуры. За всем этим стоит подмена понятий и ценностей, превращающих ее в развлекательное шоу сомнительного вкуса, демонстрирующих откровенную ее профанацию.

Что касается проблем методов обучения и воспитания при изучении предметов традиционной культуры.

Рассмотрим проблемы содержания обучения народному искусству в системе профессиональной подготовки бакалавров на примере видов декоративно-прикладного искусства Кубани.

Учебный план подготовки бакалавров направления подготовки 51.03.02 «Народная художественная культура» профиля «Руководство студией декоративно-прикладного творчества» в ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры» на факультете народной культуры включает следующие дисциплины профессионального цикла, на которых преподаватели кафедры раскрывают виды декоративно-прикладного творчества: теория и история декоративно-прикладного творчества, художественная обработка дерева, художественная керамика, художественный текстиль, художественные лаки, народный костюм, народная игрушка, народная вышивка, плетение.

Содержание дисциплин профессионального цикла раскрываются в дисциплинах:

Теория и история декоративно-прикладного творчества:

1. Художественная обработка дерева — резьба по дереву, роспись по дереву, художественная обработка бересты.
2. Художественная обработка кости.
3. Художественная обработка камня — архитектурный декор, мелкая каменная пластика.
4. Художественная керамика — гончарное ремесло, изразцы, глиняная игрушка.

5. Художественная обработка металлов — обработка цветного и черного металлов, ювелирное искусство, художественные доспехи и оружие

6. Художественная обработка тканей — ткачество, вышивка, кружевоплетение, набойка, ковроделие.

7. Лаковая живопись — лаковая миниатюра, роспись по металлу.

Художественная обработка дерева

Целью освоения дисциплины «Художественная обработка дерева» является формирование у студентов знаний и умений в области художественной обработки дерева, о его историческом развитии и месте народного декоративно-прикладного творчества в современной культуре.

— Традиционные центры резьбы по дереву. — Основные виды резьбы по дереву и их особенности.

— Эскизы предметов крестьянского быта.

— Материал, инструмент, приспособления, шлифовальные материалы для работы в технике плоско-выемчатой и плоскорельефной резьбы по дереву.

— Приемы заточки и шлифовки резцов. — Плосковыемчатая резьба [3, с. 317].

— Графика азбуки и мотивов геометрической резьбы. — Принципы построения композиций. — Разработка композиций геометрического орнамента (в квадрате, прямоугольнике, круге). — Плоскорельефная резьба. — Растительные, зооморфные, орнитоморфные и антропоморфные образы орнамента. — Приемы разметки на плоскости. — Выбор темы технологического проекта.

— Разработка эскиза формы изделия и композиции орнамента. — Декоративная резьба на изделии по технологическому проекту. — Прорезная резьба.

— Разновидности прорезной резьбы, эскизирование домовой резьбы. — Скульптурная резьба. — Богородский промысел.

Художественная керамика. Целью освоения дисциплины «Художественная керамика» является формирование у студентов знаний и умений в области

художественной керамики: истории, технологий изготовления изделий из глины, с традициями народной керамики и ее локальными промыслами.

— Художественная керамика как часть мировой художественной культуры. — Русская художественная керамика. — Технология изготовления художественных керамических изделий.

Художественный текстиль. Целью освоения дисциплины являются: изучение художественного текстиля как вида декоративно-прикладного искусства; осмысление современных государственных и общенародных проблем защиты народных мастеров, художественных промыслов, природной исторической среды.

— Художественные особенности текстильного орнамента. — Орнаментальное искусство как вид художественного творчества. — Выразительные средства и композиционные приемы текстильного орнамента. — Основные виды художественного оформления текстильных изделий. — Традиционные способы обработки текстильного сырья. — Узорноеткачество. — Художественная роспись тканей. — Русская народная вышивка. Русское народное кружево. Ковроделие. Лоскутное шитье и аппликация. Народное узорное вязание.

Художественные лаки. Целью освоения дисциплины является изучение лаковой живописи как вида декоративно-прикладного искусства.

Лаковая живопись как вид русского народного декоративно-прикладного искусства. Художественные традиции народных промыслов русской лаковой живописи. Лаковая живопись Федоскино. Лаковая миниатюра Палеха. Художественные лаки Мстёры. Лаковая миниатюра Холуя. Художественная роспись уральских подносов. Роспись по металлу Жостово.

Народный костюм. Целью освоения дисциплины являются: изучение народного костюма в системе народной художественной культуры, изучение народного костюма как вида декоративно-прикладного искусства.

История возникновения и развития костюма в древних культурах. История возникновения и развития русского костюма. Традиционный костюм славянских народов. Традиционный костюм народов Северного Кавказа. Традиционный костюм в обрядах календарного цикла восточных славян. Традиционный костюм в обрядах жизненного цикла восточных славян. Традиционный костюм казачества России. Структурная семиотика народного костюма.

Народная игрушка. Целью освоения дисциплины являются: освоение и трансляция накопленного в искусстве народной игрушки важного этнокультурного опыта, осознание народной игрушки как живого, многофункционального, необходимого каждому народу и всему человечеству феномена, обладающего огромным социокультурным, и, в частности, художественно-педагогическим потенциалом; активизация национального культурного самосознания подрастающего поколения, воспитание в нем уважения к родной культуре и к культуре других народов; осмысление современных государственных и общенародных проблем защиты народных мастеров, художественных промыслов, природной исторической среды.

Народная игрушка как социокультурный и художественный феномен. Происхождение игрушки и ее эволюция в культурах народов Древнего мира и Средневековья. Традиционная игрушка народов Западной Европы. Традиционная игрушка народов Зарубежной Азии. Русская народная игрушка. Традиционная игрушка народов России, стран СНГ и Балтии. Традиционная игрушка народов Америки. Традиционная игрушка народов Африки.

Народная вышивка. Целью освоения дисциплины является изучить опыт народных мастеров и на основе изучения их опыта дать практические рекомендации по изучению народного декоративно-прикладного искусства России и Кубани.

Вышивка как вид народного декоративно-прикладного искусства. Счетная

вышивка. Изучение традиций вышивки мужской и женской рубахи на Кубани. Крестецкая строчка. Строчевые швы. Нижгородские гипюры. Филейно-гипюрная вышивка. Цветная перевить. Стяги. Тамбурная вышивка. Художественная гладь. Александровская гладь. Русская гладь. Белая гладь. Золотое шитье.

Плетение. Целью освоения дисциплины являются: освоение и трансляция накопленного в искусстве плетения важного этнокультурного опыта, активизация национального культурного самосознания подрастающего поколения, воспитание в нем уважения к родной культуре и к культуре других народов; осмысление современных государственных и общенародных проблем защиты народных мастеров, художественных промыслов, природной исторической среды [1, с. 23].

Плетение как один из видов древних ремесел. Виды плетёных изделий. Искусство соломоплетения на Кубани. Экскурсия в музей народного декоративно-прикладного искусства, к мастеру — плетельщику. Практическая работа из соломки. Подготовка материала к плетению. Виды плетения из соломки. Прямое плетение «шахматка», объёмное плетение «жгутик». Изготовление изделия из соломки «шкатулка». Прямое плетение из соломки. Лента «зубатка». Выполнение изделия из соломки. Шляпа «брыль». Плетение из листьев початков кукурузы. Народные мастера Кубани. Инструменты для плетения из листьев початков кукурузы. Основные способы плетения из листьев початков кукурузы. Практическая работа из листьев початков кукурузы. Из истории развития лозоплетения на Кубани. Технология изготовления плетёных изделий из лозы. Экскурсия к мастеру плетения из лозы. Изготовление изделия из лозы. Корзина бытовая.

Многие рабочие программы дисциплин профессионального цикла подготовки бакалавров направления подготовки 51.03.02 «Народная художественная культура» профиля «Руководство студией декоративно-прикладного творчества» составлены на

основе ранее разработанных профессором, доктором педагогических наук Е. Г. Вакуленко учебно-методических комплексов для подготовки специалистов специальности «Народное художественное творчество», основанных на региональных исследованиях в области народного декоративно-прикладного искусства, которые в последние десятилетия приобрели особую значимость, в связи с острой потребностью в выработке новых подходов к изучению проблем, связанных с определением стратегии в профессиональном образовании нашей страны.

Использование в системе профессиональной подготовки бакалавров методов обучения, сложившихся в академической педагогике (в основном, западноевропейской), на наш взгляд, противоречит отечественной методике преподавания традиционной культуры. Отсюда и происходят научные направления в современной педагогической науке, не имеющие ничего общего с российским и национально-региональным опытом.

Предлагаемые исторически сложившиеся методы обучения и воспитания в нашей стране позволяют не уводить от основ традиции своего Отечества, в том числе региона, а приводить к этому, выверенному временем, драгоценному опыту, а также сформировать традиционное сознание, характерное для носителей народной традиции. Этот опыт освещался в трудах лучших представителей государства Российского в философии, истории, педагогике.

Это лишь некоторые актуальные проблемы в содержании и преподавании национально-регионального компонента в профессиональной системе подготовки бакалавров. Но и другие вопросы будут решены по иному, если мы будем рассматривать их в рамках обозначенного нами направления в содержании и преподавании, которое связано с духовным обогащением общества, восстановлением народных отечественных традиций, уклада жизни, форм национального опыта.

Итак, обозначим следующие задачи дальнейшей работы:

— необходимо определить значение отечественной традиционной культуры, в том числе и национально-региональной, и признать ее фундаментальной частью духовной культуры России, способной формировать нравственные основы личности;

— следует активно продолжать научные исследования традиций отечественной и региональной педагогики, развивая сложившиеся в ней методики;

— необходимо разработать учебно-методические пособия, базирующиеся на отечественной традиции, уровень теоретических знаний о ней должен опираться на опыт практического освоения данной традиции;

— в выборе содержания материалов для предметов традиционной культуры необходимо руководствоваться знанием определений предмета, понятий, параметров, по которым она определяется в науке.

ИСКУССТВОЗНАНИЕ

1. Вакуленко Е. Г. Изучение и сохранение народного искусства Кубани: к юбилею кафедры народного декоративно-прикладного искусства: моногр. [Текст] / Е. Г. Вакуленко. — Краснодар. — 2013. — 200 с.

2. Вакуленко Е. Г. Народное декоративно-прикладное искусство Кубани: традиции и современность: моногр. [Текст] / Е. Г. Вакуленко. — Краснодар. — 2002. — 164 с.

3. Вакуленко Е. Г. Народное декоративно-прикладное творчество: теория, история, практика [Текст] / Е. Г. Вакуленко. — Ростов н/Д: Феникс, 2007. — 380 с.

In a scientific article examined some actual problems in the content and teaching of the national-regional component in the professional system of bachelor's training arts and crafts.

Keywords: *bachelor, folk art, training, upbringing, professional education, methods of teaching.*

П. С. Беленикин

Саксофон в академическом и джазовом музыкальном исполнительстве

Статья посвящена сравнению особенностей игры на саксофоне в классике и джазе. Рассматриваются конструктивно-технические и стилевые возможности саксофона в академической и джазовой сфере музыкального исполнительства. Акцентируется внимание на проблемах терминологического и методического порядка.

Ключевые слова: саксофон, стиль, исполнительство, академическая манера игры, джазовая манера игры, мультистилевое исполнительство, комплексный подход, интегрированный подход.

Современная школа игры на саксофоне развивается в двух направлениях: академическом и джазовом. В свою очередь, они существуют как две параллельные ветви исполнительского искусства. Однако в последние десятилетия всё чаще встаёт вопрос об интеграции этих двух направлений, причём как в исполнительской, так и в педагогической практиках.

Актуальность данной проблемы подчеркнута многочисленными исследованиями ведущих зарубежных саксофонистов, в том числе Э. Бишопы, Ф. Гайса Э. Далке, Б. Марсалиса, К. Кревистона, Д. Синты, Т. Уолша, П. Хаары, У. Й. Эрикссона и других. «Дихотомия джаза/классики создает уникальную проблему для университетского преподавания саксофона, но в то же время она предоставляет и огромные возможности, — утверждает Стив Дюк. — Педагоги-саксофонисты и их студенты находятся в центре этой проблематики, которая получила значительную полемику в образовательном сообществе» [4, с. 1].

В настоящее время доминирует пост-модернистская культурная ситуация с присущей ей полистилистикой, теснее сближаются жанры академической и массовой музыки, и практикующие исполнители всё чаще востребованы как в классике, так и в джазе. Всё это актуализирует исследование вопроса о соотношении академического и джазового исполнительства на саксофоне в отечественной музыкальной культуре. В самом общем виде данная проблема может быть обозначена как выбор приоритетов в процессе обучения игре на саксофоне и в реальной музыкальной практике: должен ли саксофонист специализироваться только в академической или джазовой манере игры — либо стремиться к охвату обоих стилей? Однако в процессе изучения она порождает целый ряд сопутствующих вопросов — терминологического порядка, образовательного и методического плана, технического оснащения и арсенала выразительных приёмов, которые также требуют решения.

Цель статьи — сравнить выразительные возможности, конструктивно-технические и стилевые особенности игры на саксофоне в академическом и джазовом музыкальном исполнительстве.

Объект исследования — исполнительство на саксофоне в классике и джазе. Предмет данной статьи — основные направления работы для успешного освоения обоих стилей.

Саксофон как сольный и ансамблевый инструмент занимает уникальное положение в музыкальной культуре — практически равноправное в классике и джазе. В академической музыке он начал пользоваться популярностью в XX веке. Сегодня композиторы часто обращаются в своих произведениях как к саксофону соло, так и к всевозможным ансамблям с ним в составе, раскрывая всё новые динамические, тембровые, технические и выразительные возможности инструмента. Саксофон стал полноправным участником партитур современных композиторов. При этом без него не может обойтись ни один джаз-оркестр, его охотно включают в небольшие джазовые коллективы, солисты успешно экспериментируют в сочетаниях его звучания с абсолютно не родственными ему инструментами. Таким образом, саксофон занимает важное место в современной музыкальной культуре, как в академической, так и в массовой.

Однако в отечественной практике сложилась традиция «узкой» специализации саксофонистов: если исполнитель «специализируется» на классике — то он хорошо разбирается в стилевых и репертуарных особенностях академической музыки для саксофона, и, скорее всего, получил консерваторское образование на факультете духовых инструментов. Если саксофонист играет в джазовой манере — то он владеет преимущественно джазовым арсеналом исполнительских средств, а обучался, скорее всего, на эстрадно-джазовых факультетах, в вузах культуры и искусств. К сожалению, практика

показывает, что попытки академического саксофониста играть джаз, также как и попытки джазового саксофониста исполнять классику, вызывают бурную критику аудитории. Дело в том, что в этих направлениях используются практически противоположные стороны выразительных возможностей саксофона. Это и тембровые краски, и динамические оттенки, и вибрато, и атака, и главное — совершенно разное качество самого звука.

Сформировавшемуся музыканту достаточно сложно осваивать другой, «нетипичный», для себя стиль. Целесообразнее изначально изучать параллельно оба направления, однако такая образовательная традиция практически отсутствует в отечественной практике, уступая место «узкой» специализации. Кроме того, подобные эксперименты часто воспринимаются как попытки «усидеть на двух стульях» и негативно оцениваются профессионалами. Хорошо, если начинающий саксофонист уверен в своём выборе специализации, но даже в этом случае нет гарантий, что со временем он не захочет исполнять произведения другого музыкального направления, не говоря о том, что сегодня всё чаще наблюдается синтез классической музыки и джаза. Объединение академической и джазовой школ в процессе обучения игре на саксофоне предоставляет уникальную возможность освоить оба музыкальных направления, воспитать всесторонне развитых исполнителей, которые в дальнейшем сами определяют своё музыкальное будущее. Это также расширит границы в сфере трудоустройства молодых специалистов, учитывая, что вакансий для них сегодня не так уж много.

Среди зарубежных исследователей сложились принципиально различные позиции по данному вопросу. Впервые эта проблема была озвучена профессором Стивом Дюком [4], который считает, что владеющий разными исполнительскими стилями саксофонист более гибок, имеет больше возможностей для реализации и способен лучше ра-

ботать конкретной музыкальной ситуации. Эту позицию поддерживают Эндрю Бишоп, Дональд Синта и Джеймс Риггс, считая, что параллельное освоение классики и джаза должно происходить по желанию студента. Стив Дюк, Гуннар Моссблад, Том Бержерон настаивают на изучении обоих стилей независимо от интересов ученика. Брэнфорд Марсалис, напротив, выступает за специализацию, так как считает освоение колоссального репертуара двух стилей крайне проблематичным. Во многом его мнение разделяет Эндрю Далке, который, хотя и поощряет студентов изучать оба направления, но признаёт, что для некоторых студентов специализация — единственный вариант: «Если вы разделите своё время между стилями, вы в какой-то степени пожертвуете качеством» [цит. по 5, с. 27]. Эндрю Бишоп считает, что успешное освоение обоих направлений возможно, просто на сегодняшний момент ещё не сформирована продуктивная методика обучения: по мере совершенствования педагогики в ближайшие годы это станет реальным.

Анализируя научную литературу по данному вопросу, можно также выделить проблему терминологического порядка: исследователи по-разному пытаются охарактеризовать ситуацию с параллельным освоением академического и джазового исполнительства. Для характеристики разных направлений игры на саксофоне часто используются понятия «стиль», «метод», «подход»; Дж. Анджели пишет о различных «способах игры» (ways of playing) [3]. С. Дюк, который одним из первых коснулся этой методики, называет её «комплексным» или «интегрированным подходом» (integrated approach) [4]. Наибольшее распространение в зарубежных источниках получили термины У. Й. Эрикссона: «многогранный подход» (multi-faceted approach) и «мультистилевое» (multi-style) исполнительство [5]. В отечественном музыкальном искусстве пока не закрепились определённые понятия, свя-

занные с различными стилевыми установками игры на саксофоне, что даёт перспективу для дальнейшего исследования и обоснования соответствующей терминологии.

Большинство зарубежных саксофонистов, посвятивших свои работы данной проблеме, пытаются сравнить приёмы игры на саксофоне в академической и джазовой традиции, касаясь конструктивно-технических и исполнительских аспектов. Попробуем расширить и структурировать это сравнение. Так, в наиболее широком смысле различия заключаются в стилевых установках, обусловленных исторической эволюцией классики и джаза. Изучая параллельно академическую и джазовую музыку, важно чётко понимать особенности каждого из направлений, поскольку отличия между ними значительны.

Благодаря своей богатой многовековой истории академическая музыка успела сформировать незыблемые исполнительские традиции, учитывающие стилевые особенности разных эпох. Музыка Нового времени присущи строгость и точность исполнения, минимальное использование агогических приемов и вибрато, не слишком большой динамический диапазон, стремление к точной фиксации звукового образа в нотах. Со сменой эпох музыкант получает всё большую свободу исполнения: возможность использовать более широкий динамический диапазон инструмента, новые штрихи и исполнительские приёмы; агогика произведения становится свободнее, вибрато выразительнее. В XXI веке создаются произведения, нотная запись которых существенно отличается от всего написанного ранее. Композиторы полагаются на музыкальное мышление самого исполнителя, поэтому зачастую не указывают такты, размер, тональность. Эти произведения практически граничат с импровизацией. На современном этапе развития искусства происходит синтез академической и джазовой музыки: в академическую музыку про-

никают тематические, гармонические и импровизационные элементы джаза, а джазовые композиции приобретают завершенность классических форм, новые технические возможности и элементы выразительности.

Отличительной особенностью джазовой музыки от академической является её более узкая содержательно-тематическая направленность. Если обратиться к символическому воплощению архетипа Человека, раскрытому в классическом сонатно-симфоническом цикле (согласно концепции Марка Арановского [1]), то наиболее выразительно джаз отображает «человека играющего» (homo ludens), тогда так академическая музыка способна гораздо полнее отразить разные грани человеческой природы и его взаимодействия с окружающим миром. Большинство джазовых композиций (особенно на этапе становления джаза как музыкального направления) — это альтернатива классике, активная развлекательная салонно-ресторанная музыка. Безусловно, это не означает, что джазу недоступны серьёзные темы — однако они ему не свойственны. Сложные гармонии и ритмы, полиритмия и полиметрия, развёрнутая импровизация и особая внутренняя свобода дают возможность современному джазу найти применение и в философской лирике и глубине чувств, но глобальные темы ему по-прежнему чужды.

Относительно точности нотной фиксации отметим, что это принципиальное отличие джаза от классики. Джазовая музыка родилась от сугубо личных переживаний композитора/исполнителя, часто выражающихся посредством импровизации. В тему закладывается лишь зерно идеи, а её интерпретация, дальнейшее развитие и оформление, как правило, зависят от аранжировщика и солистов, их навыков, умений, художественного вкуса и миропонимания. Аранжировка джазовой темы наполняет её теми средствами музыкальной выразительности, которые необходимы для придания ей

цельности и завершенности. Ключевую роль в джазовой музыке играет импровизация. На солистов возлагается большая ответственность наполнить произведение глубиной художественного смысла в реальном времени, используя все возможные средства музыкальной выразительности: динамику, агогику, штрихи, ритм, тембр и главное — фразировку. Однако импровизация традиционно не фиксируется в нотном тексте.

Существует ошибочное мнение, что импровизация — это всего лишь правильное обыгрывание гармонии джазовых тем и ничего более. Но импровизация, не обладающая содержанием, не отражающая мировоззрений исполнителя, не имеющая формы (развития, кульминации, динамического плана и т. п.) превращается в простое упражнение. Этому может научить классическая музыка, прививая художественный вкус и чувство музыкально-прекрасного. Потому очень важно музыкантам, в частности саксофонистам, параллельно джазовой музыке исполнять музыку разных стилей и эпох, углубляясь в её изучение и анализ.

Следующий уровень отличий между академическим и джазовым исполнительством касается более «прикладных» аспектов — технических приёмов и выразительных средств, используемых при игре на саксофоне. Этот вопрос довольно тщательно проработан в зарубежных исследованиях. Так, Дж. П. Вандерхейден пишет об амбушюре, артикуляции, вибрато и интонации [6, с. 4]. Дж. Анджели выделяет технические аспекты (мундштук, амбушюр, инструмент), звуковые эффекты (вибрато, субтон, акценты, аппликатура и т. д.), и различные приёмы ежедневной практики [3, с. 1]. С. Дюк отдельно указывает на те трудности, которые возникают у классического саксофониста, стремящегося освоить джазовую стилистику (например, резкие смены регистров, неравномерность тембра, несоответствие артикуляции, мягкое и свободное вибрато, преры-

вистость воздушного потока, наличие субтона, призвуков и шумов между звуками, подача воздуха до атаки звука), и те, с которыми сталкивается джазовый саксофонист, пытающийся играть классику (быстрое вибрато, отсутствие субтона, детальная фразировка, обязательное смягчение и закругление окончаний фраз и т. д.) [4, с. 3].

В таких условиях одной из главных проблем для «мультистилевого» саксофониста становится владение выразительным арсеналом инструмента и умение переключаться с одного стиля на другой. В академической манере игры на саксофоне нужно добиться красивого мягкого и ровного звука, быстрой артикуляции, выразительного вибрато. Для достижения качественного классического звука амбушюр должен быть как можно более «монокристаллическим» во всех регистрах. В нижнем регистре допускается минимальное движение нижней челюсти вниз, для большей свободы трости, что обеспечивает красивое благородное звучание низких нот. Движения челюсти вперед или назад не допускаются во избежание тембровых искажений звука. Голова должна находиться в естественном прямом положении, а натяжение ремешка (гайтана) нужно отрегулировать так, чтобы саксофон как бы упирался мундштуком в верхние зубы музыканта.

Формирование качественного джазового звучания — это процесс более индивидуальный, поскольку среди джазовых саксофонистов существуют множество различий и особенностей звука каждого музыканта. Кроме того, среди учёных, исследующих проблемы «мультистилевого» исполнительства, существует расхождение мнений, касающееся постановки амбушюра. Так, например, Э. Далке и Э. Бишоп утверждают, что постановка амбушюра должна быть только академической, вне зависимости от исполняемой музыки. Различия, по мнению Э. Далке, состоят лишь в меньшем давлении нижней челюсти на трость, а также в контроле воздуха. Однако Д. Синга,

С. Дюк и Т. Уолш считают, что необходимо освоить две различных постановки амбушюра для исполнения академической и джазовой музыки. Д. Синга подчеркивает необходимость освоения двух постановок уже на начальном этапе обучения. Также все исследователи акцентируют внимание на правильном исполнительском дыхании и грамотном использовании воздуха.

В джазовом стиле нижняя челюсть играет важную роль в поиске индивидуального звука. Чем сильнее челюсть выдвинута вперед, тем более ярким и открытым становится звук саксофона. В свою очередь, чем сильнее челюсть задвинута назад, тем больше появляется мягкости. Также, используя движения нижней челюсти вперед и назад, можно добиться разной громкости звучания, но при этом с изменением нюанса появится и новое тембровое наполнение звука инструмента. Не менее важным аспектом в формировании индивидуального звука является правильная подстройка ремешка (гайтана), которая необходима для регулировки высоты положения саксофона. От этого зависит удобство игры на инструменте. Если саксофон поднять слишком высоко, то положение верхних зубов на мундштуке будет глубже, что усложнит движение нижней челюсти. Добиться мягкого матового звучания за счет движения нижней челюсти назад будет трудно или невозможно. Опускать саксофон слишком низко тоже не желательно, так как это спровоцирует напряжённую постановку и «вытягивание» шеи к мундштуку. Это может привести к зажатости музыканта, что не лучшим образом отразится на качестве звука.

Артикуляция в джазовой манере игры на саксофоне также существенно отличается от академической. В импровизации исполнитель волен пользоваться любыми штрихами, которые помогают воплотить его музыкальную мысль. Так, например, при исполнении акцентов нижнюю челюсть можно немного опускать в момент атаки,

что придаст им больше внезапности и резкости. При этом нужно следить, чтобы не было тембровых искажений и понижения интонации акцентированных звуков.

Значительно от классического отличается и применение вибрато. Если в академической музыке вибрато имеет определенные частоту колебаний и амплитуду, то в джазовой музыке исполнитель пользуется вибрато по своему вкусу. Частота колебаний может изменяться, а амплитуда — быть широкой или узкой. Кроме того, музыкант может их менять во время исполнения одной продолжительной ноты. Дж. Анджели указывает, что «в классической музыке исполнители стремятся к контролируемому и непрерывному вибрато, похожему на звучание струнных инструментов или вокал, тогда как в джазовой музыке, как правило, вибрато усиливается ближе к концу звука. В современном репертуаре вибрато может быть предельно различным по интенсивности, темпу и амплитуде» [3, с. 15].

Наконец, к технической стороне проблемы качественного исполнения академической или джазовой музыки можно отнести подбор правильного оборудования (инструмента, мундштука, лигатуры и тростей). Если проанализировать инструменты современных академических саксофонистов, то можно выявить, что большинство из них используют новейшие профессиональные модели саксофонов, предназначенные для исполнения академической музыки (некоторые компании, такие как Selmer и Yanagisawa, выпускают разные модели саксофонов для академической музыки и для джазовой). Джазовые исполнители часто выбирают саксофоны, произведенные во второй половине прошлого века. Если саксофонист является «мультистилевым», то ему необходимы либо несколько инструментов, либо один, но прекрасно сбалансированный, позволяющий исполнять любые музыкальные произведения разных направле-

ний. В этом есть свои положительные и отрицательные моменты.

С одной стороны, музыканту, играющему на нескольких саксофонах, не нужно прилагать много усилий к достижению необходимых тембровых особенностей в произведениях каждого музыкального направления. В то же время, исполняя академическую и джазовую музыку в течение одного концерта и используя несколько инструментов, необходимо уметь «переключаться» с одного саксофона на другой, учитывая все особенности и возможности каждого инструмента и быстро «подстраиваться» под них.

С другой стороны, саксофонисту, использующему один инструмент, нужно уметь быстро и радикально менять его тембр и звучание в соответствии с исполняемой музыкой, но при этом необходимо досконально знать особенности и возможности только одного инструмента. В этом случае разница тембра достигается заменой мундштука и тростей, сменой постановки и изменением давления нижней губы на трость.

Не менее важным для саксофониста, исполняющего академическую и джазовую музыку, является правильный выбор мундштука или нескольких мундштуков. Как показывает практика, чаще приходится останавливать выбор на нескольких мундштуках, так как «мультистилевым» мундштуков очень мало. Отличия классических и джазовых мундштуков весьма значительны: это и размер пасти, и наличие или отсутствие моста, и материал, из которого изготовлен мундштук и пр. Для академической музыки, как правило, используют эбонитовые мундштуки с небольшой пастью, обеспечивающие мягкость и ровность тембра инструмента во всех регистрах. С помощью таких мундштуков можно добиться красивого академического звучания саксофона, быстрой и четкой артикуляции, лёгкости и подвижности в регистре альтиссимо. Кроме того, использование мундшту-

ков с маленькой пастью практически полностью исключает появление неприемлемого в академическом исполнении субтона (своеобразного призвука к определенному звуку, когда он «становится менее ясным, непрозрачным, нечётким, тёплым, с придыханием воздуха» [3, с. 15]).

Для джазовой музыки саксофонисту предоставляется широкий выбор мундштуков. В зависимости от звуковых предпочтений музыкант может использовать мостовой или безмостовой мундштук, эбонитовый или металлический, выбрать нужный размер и форму камеры, толщину рельсов, фейсинг и т. п. Особое внимание нужно уделить выбору подходящего размера пасти. Мундштуки с большой пастью звучат более ярко и даже резко за счёт большей амплитуды колебаний трости. С помощью таких мундштуков гораздо легче использовать субтон, но из-за большей свободы трости нужно предельно внимательно контролировать точность интонации.

Мундштуки с небольшой пастью лишены такой яркости и резкости звучания. Использование субтона затруднительно, особенно в нижнем регистре, зато удобнее играть «чисто» и интонационно точно. Мостовые мундштуки обеспечивают ещё более яркое и громкое звучание саксофона. Недостатками большинства металлических мундштуков являются недолговечность (изготовленные из мягкого сплава, они через несколько лет деформируются и становятся непригодными для использования) и «капризность» при подборе тростей.

Немаловажным аспектом в достижении индивидуального звука является лигатура. В современной индустрии производства оборудования для саксофона существует большое разнообразие лигатур (кожаные, металлические, комбинированные, со специальным покрытием и т. п.), и каждая из них по-своему влияет на тембр звука инструмента, делая его ярким и свободным или глубоким и приглушенным, меняя качество вибрато.

Завершающим этапом в техническом оснащении саксофона является выбор тростей для разных музыкальных направлений и для разных мундштуков. На сегодняшний день существует множество производителей, изготавливающих трости по собственным технологиям; практически у каждого есть широкий ассортимент тростей, которые дают возможность исполнителю добиться с их помощью желаемого тембра, артикуляции, атаки звука и динамики, более приемлемых для классического или джазового стиля.

Таким образом, главными задачами саксофониста, желающего стать «мультистилевым», будет погружение в стилиевые особенности академической и джазовой музыки путём теоретического и практического её изучения и пополнения слухового багажа; выбор, подготовка и освоение музыкального оборудования — начиная от самого инструмента (инструментов) и заканчивая тростями, мундштуками, лигатурами и т. д.; овладение техническими и выразительными приёмами для игры на саксофоне в разных стилях (качество звука, дыхание, амбушюр, атака, артикуляция, динамика, субтон, вибрато и т. д.). Последнее — самая сложная и труднодостижимая задача, особенно для начинающего саксофониста. Однако это не означает, что одновременно осваивать разные стили игры на саксофоне невозможно. Как указывает У. Й. Эрикссон, мультистилевое исполнительство — перспективная сфера деятельности и обучения саксофонистов: «Многогранные саксофонисты существовали на протяжении всей истории саксофона, но только недавно музыкальная педагогика начала изучать эффективность существующих методов обучения» [5, с. 8]. Нам представляется, что работа в классе саксофона должна быть выстроена таким образом, чтобы учащиеся в равной мере изучали и академическую, и джазовую манеры игры. Учитывая их отличительные особенности, студентам необходимо не только овладеть техни-

ческим и выразительным потенциалом обоих исполнительских направлений, но и в полной мере ощутить и осознать их эстетико-стилевую разницу. Овладение техническими приёмами игры на саксофоне, анализ музыки различных эпох и направлений, активное попол-

нение слухового опыта студента — всё это взаимообогащает навыки академического и джазового исполнительства, позволяя успешно освоить оба стиля и реализоваться как разностороннему и поликомпетентному музыканту.

1. Арановский М. Г. Симфонические искания: проблема жанра симфонии в советской музыке 1960-1975 годов [Текст] / М. Г. Арановский // Исследовательские очерки. — Л.: Советский композитор, 1979. — 285 с.

2. Ривчун А. Б. Школа игры на саксофоне [Текст] / А. Б. Ривчун. — М.: Музыка, 2001. — 145 с.

3. Angeli G. Classical & Jazz Saxophone — Two Faces of the Same Instrument [Text] / G. Angeli. — Helsinki : Helsinki Metropolia University of Applied Sciences. — 35 p.

4. Duke S. An Integrated Approach to Playing the Saxophone / S. Duke. — 1987. — 6 p. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://steveduke.net/pdf/integrated-approach-saxophone.pdf>

5. Eriksson U. J. Finding Pedagogical Strategies for Combined Classical and Jazz Saxophone Applied Studies at the College Level [Text] / U. J. Eriksson. — Greeley : University of Northern Colorado, 2012. — 372 p.

6. Vanderheyden J. P. Approaching the classical style: a Resource for Jazz Saxophonists / J. P. Vanderheyden. — Iowa City : University of Iowa, 2010. — 138 p.

In the article we compare some features of playing saxophone in classical music and jazz. Some structural, technical and stylistic possibilities of the saxophone in jazz and the academic field of music performance are discussed. The article focuses on the problems of terminological and methodological order.

Keywords: saxophone, style, performance, academic style of play, the jazz style of play, multistyle performance, complex approach, integrated approach.

И. А. Дурнева

Образно-смысловой аспект фактуры пьесы К. Шимановского «Остров сирен» в контексте взаимодействия различных видов искусства

В публикации исследованы художественные возможности фактуры в развёртывании образно-смысловых процессов пьесы «Остров сирен» из фортепианного цикла К. Шимановского «Метопы» ор. 29. Обозначены и проанализированы сложные и многообразные взаимоотношения фактуры с динамикой, формой, гармонией, тембром; конкретизирована сопряжённость выделенных параметров с фактурной вертикалью, горизонталью, глубиной.

Ключевые слова: музыкальная фактура, смежные виды искусства, музыкальный образ, тембр, форма, гармония, динамика.

Творчество К. Шимановского, уходящее корнями в польские национальные традиции, и связанное с различными европейскими школами, представляет собой интересное художественное явление. Долгое время произведения композитора находились «в тени» его великого предшественника Ф. Шопена и считались эклектичными. Подобное отношение к творчеству К. Шимановского обнаруживает полное непонимание сложного, вобравшего в себя черты стилового разнообразия и различных тенденций искусства творчества великого польского музыканта. Уникальная сила творческой личности К. Шимановского конкретизирована синтезом признаков различных стиливых направлений в его творчестве, а именно: позднеромантического, импрессионистского, неоклассического, неофольклорного. Напряженная экспрессия, идущая от романтизма, поиск расширения возможностей

фактуры, связанный с новыми импрессионистскими характеристиками, в сочетании с уже ставшими традиционными формами изложения — вот некоторые особенности творческого почерка К. Шимановского. Не являясь апологетом «импрессионизма», этот удивительный музыкант стал ярким представителем искусства модернизма, конкретизированного инновационными тенденциями в различных видах искусства.

Как свидетельствуют исследователи, творческие устремления К. Шимановского связаны с поиском красоты и утонченности стиля. Его музыка несет в себе черты универсальности, сочетая свойства, относящиеся к архитектуре, литературе и живописи. Изучая произведения искусства, различающиеся по способам выражения художественного образа, К. Шимановский приходит к мысли о некой универсальности ис-

кусства и божественной целостности на уровне замысла-истока [9]. Как отмечал А. Швейцер, «...материал, которым пользуется художник — нечто второстепенное. Он не только живописец или поэт, или музыкант, но все они вместе взятые» [8, с. 323]. К. Шимановский понимал это и средствами музыкальной выразительности добивался поистине живописных эффектов звучания и «сюжетности» в его развитии.

Акцентируем внимание на том, что с конкретным воплощением художественных идей К. Шимановского связана фактура его произведений. Именно фактура становится носителем художественной, временной, а также пространственной информации сочинений польского мастера. Именно фактура выступает одной из важнейших материальных основ реализации образно-смыслового процесса в сочинениях этого удивительного композитора, пианиста, педагога, музыкального критика.

Основой для формирования методологического подхода к изучению заявленной темы стали труды, рассматривающие проблемы фактуры (М. С. Скребковой-Филатовой [2], Ю. Н. Тюлина [5], В. Н. Холоповой [7]), а также исследования, посвященные творчеству, интерпретации и исполнению произведений К. Шимановского, среди которых следует выделить диссертационное исследование О. В. Собакиной [3].

Объектом исследования выступает фортепианное творчество К. Шимановского в контексте смежных видов искусства.

Предмет исследования конкретизирован образно-смысловым аспектом фактуры фортепианных сочинений К. Шимановского (на примере фортепианной поэмы «Остров сирен» из цикла «Метопы» ор. 29).

Цель исследования: изучив фортепианное наследие К. Шимановского, проанализировать образно-смысловой аспект фактуры польского композитора (на материале фортепианной поэмы «Остров сирен» из цикла «Метопы» ор. 29).

Задачи исследования:

— проанализировать степень изученности проблемы исследования;

— исследовать фортепианный цикл К. Шимановского «Метопы» ор. 29;

— рассмотреть образно-смысловой аспект фактуры в фортепианных произведениях польского мастера (на материале фортепианной поэмы «Остров сирен» из цикла «Метопы» ор. 29).

Акцентируем внимание на том, что такие параметры фактуры поэмы «Остров сирен» как плотность, «многоярусность», полифоничность, которые создают трудность для понимания, и вытекающие из этого исполнительские проблемы ставят данное произведение в ряд редко исполняемых. Стремление исправить подобную ситуацию обусловило актуальность данного исследования, в котором автор, опирается на уже имеющийся в данном вопросе опыт и собственные практические выводы.

Одной из основных задач музыканта является постижение технологий процесса создания музыки и особенностей их преломления в исполнительской трактовке. Исследователь О. В. Собакина называет некоторые черты стиля К. Шимановского, в числе которых «...проникновенная лиричность, а также естественность и красота звучания инструмента, нашедшие своё выражение в совершенной, разнообразной фортепианной фактуре. Полимелодизм, как главное формирующее начало мелодически развитой гомофонии, стал основой развития фортепианной фактуры» [3, с. 2]. Важная стилевая особенность гармонического языка К. Шимановского — редкое использование принятых в классической и романтической музыке аккордов терцовой структуры (композитор предпочитает сложные альтерированные аккорды). При этом происходит ослабление функциональных связей. Традиционные виды фактуры, такие как: аккордовая, октавное дублирование, мелодическая и гармоническая фигурации приобретают новое выражение в рамках стиля К. Шимановского. Аккордовая фактура усложняется за

счёт сочетания по вертикали различных ритмов и мелодических линий, каждая из которых образует самостоятельный пласт. Подобный синтез создает эффект полимелодизма — основы фортепианной фактуры К. Шимановского.

Мелодические и гармонические фигуры, в основе которых нестандартный интервальный состав, образуют изысканные хроматические ходы (тт. 6, 11, 19, 35). Основные темы часто звучат в «ореоле» мелодических фигураций в верхнем и нижнем регистрах. Таким образом, оказывается декорированным все пространство вокруг темы. Это — излюбленный приём К. Шимановского. Еще одна особенность фактуры польского композитора — «многоярусность», смягчение грани между мелодией и сопровождением, при этом мелодические линии не согласуются по направлению и ритму. Нотная запись своей насыщенностью напоминает переложение оркестровой партитуры — она не «укладывается» в обычную двухстрочную форму — К. Шимановский часто использует трёхстрочную. Это ярко иллюстрирует фактура «Острова сирен».

Наиболее полное понимание содержания музыки К. Шимановского лежит в такой плоскости восприятия, где зрительные, музыкально-слуховые впечатления взаимодействуют с ассоциациями, связанными с немusикальными явлениями. Живописность звукового процесса, разворачивающегося во времени и пространстве, рельеф, создаваемый средствами тематизма, динамики и темпа образуют художественное целое. Считаю целесообразным обратиться к названию цикла, дающему направление сюжету. Метопы (греч. *Μετοπε*) — прямоугольные, почти квадратные плиты, образующие фриз дорического ордера. Вспоминая увиденные на Сицилии барельефы, К. Шимановский соединил их с образами гомеровских героев, создав естественный сплав литературных, музыкальных, живописных и архитектурных средств выражения.

Первая пьеса цикла «Остров сирен» — рассказ об Одиссее, корабль

которого плывет мимо острова, где живут сирены, увлекающие своим пением моряков. Исследователь О. В. Собакина отмечает симфоничность фортепианной музыки К. Шимановского: «Симфоничность композиторского мышления проявилась в тенденции к укрупнению композиции и цельности формы, в стремлении к выразительному тембровому колориту и фонической контрастности, к непрерывности процесса развития звуковой ткани» [4, с. 135]. Это качество проявляется в способе взаимодействия элементов фактуры с развитием музыкального материала. Сюжетность и живописность «картины», информация о художественном образе передается во многом с помощью фактурных средств, которые изменяются и реагируют тончайшим образом на перипетии сюжета средствами фонических характеристик, артикуляционных, динамических, гармонических, тембровых и др. В. Н. Холопова отмечает, что «в русле живописно-плернерной тенденции, близкой к импрессионизму, появилось намеренное контрастирование оркестровых групп в одновременности, выделение переднего и дальнего плана звучности» [7, с. 103].

Рассмотрим связь фактуры с динамикой, формой, гармонией, тембром, а также сопряжённость этих параметров с фактурной вертикалью, горизонталью, глубиной. Следует отметить, что выделенные нами средства музыкальной выразительности являются достаточно значимыми, поскольку оказывают непосредственное воздействие на интеллектуальный и эмоциональный аспекты восприятия исследуемого сочинения.

1. Фактура и динамика. Динамика помогает определить местонахождение в пространстве (близко — далеко), благодаря чему создаётся фактурный рельеф, выражающийся в степени отдаленности (дальний и ближний план), в эффекте приближения и удаления и связанными с ним процессами угасания и нарастания. Степень густоты или разреженности фактуры создают эффекты

фактурного *crescendo* или *diminuendo* (термин В. Н. Холоповой). Динамические рамки пьесы раздвинуты до огромного звукового масштаба: от *fff* до *ppp* и между ними множество промежуточных оттенков. Благодаря динамике формируется ощущение множественности пластов фактуры, определяется фактор глубины звучания и способы достижения стереофоничности. У К. Шимановского нет случайных фактурных решений. В тт. 1–2 тишайшее звучание *ppp* характеризует отдаленность, одновременно настраивая слух и завораживая.

Можно говорить о динамике как о средстве горизонтального развития, но есть ещё динамика, связанная с вертикалью (пример тт. 6–7). Она проявляется в соотношении звуков внутри аккорда, когда за счет усиления нужных исполнителю звуков меняется тембр. Это может быть «высветлением» определенных тонов, подчеркиванием «темноты» баса или любой другой динамической комбинацией. Любая игра динамики должна быть в поле исполнительских решений, связанных с моментом интонирования фактуры.

2. Фактура и краска (тембр). Краски музыки — ее тембры. Они образуют разные пласты пространства. Например, в первом такте суммарная звучность на педали собирает два аккорда в различных тесситурных и тембральных условиях: первый аккорд в басовом регистре — мягкий — это тёмный колорит ночи, второй в высоком регистре — интонация призыва. В данном случае исполнитель должен стать художником, выбирающим свои краски. Следует отметить, что К. Шимановский использует глубокие тёмные краски басового регистра для величественной темы (тт. 6 — 7). В другом случае — это тонкое флейтовое звучание, образующее в сочетании с глубоким басом очень красивый тембр (тт. 36 — 39). Для исполнителя очень важно представить краски, ассоциируя их с оркестровыми звучаниями. Дальше можно говорить лишь о сугубо исполнительской задаче — фактурном интонировании.

3. Фактура и декор (формы фактурного декора или изложения). Для создания образов моря, корабля, пения сирен и бури К. Шимановский использует исторически сложившиеся типы фактуры, преобразуя их в рамках собственного стиля. Богатый гармонический язык с использованием лейтгармонии нонаккорда, ундецимаккорда, увеличенных трезвучий и аккордов нетерцовой структуры в сочетании с изысканной хроматикой — важнейший музыкальный материал исследуемого сочинения. Фактурные элементы, изображающие всплески, взлеты, замирания — это различные виды гармонической и мелодической фигурации, тремоло, трели, октавное дублирование мелодии. Все детали фактуры органично участвуют в строительстве мелких и крупных синтаксических единиц формы. Можно проследить, как из интонации «вздоха» вырастают тематические образования (тт. 1–3, т. 7, т. 14), которые в сочетании со сложными мелодическими линиями образуют полифонические разветвления.

Композитор использует элементы изобразительного характера: мелодические и гармонические фигурации, создающие эффект водных брызг (тт. 9 — 15), тремоло, передающее дрожание (т. 20, 32, 33, 34), вниз или вверх идущие «лестницы пассажиров», изображающие причудливую игру воды. Данные элементы образуют определенные фигурные и звуковые «архетипы». Изображение воды — часть литературного сюжета поэмы, который, переходя в сюжет музыкальный, соединяется у Шимановского с эффектом «звуковой живописи», идущей от импрессионизма. Здесь можно говорить о чертах «программной изобразительности» по выражению В. Н. Холоповой [7, с. 95].

4. Фактура и форма. Фактура, помимо прочих выразительных средств, играет важную роль в процессе формообразования. Как отмечает Ю. Н. Тюлин, она становится «формой второго порядка» [5, с. 86]. Подобный эффект достигается тем, что музыкальная ар-

хитектоника поэмы вырастает из тишины и уходит в тишину, образуя некую симметрию начала и конца. Так, в репризе поэмы (тт. 73–83) вновь звучат основные темы, а последние такты напоминают вступление. В ходе развития фактура преобразуется, композитор использует новые подголоски, синкопированные ритмы, яркую динамику и темповые сдвиги, формируя таким образом две кульминации (тт. 14–31; 48–60). Обладающая большой подвижностью и текучестью, фактура меняет плотность, краски (тембры), активизируется в кульминационных участках за счет сгущения звукового материала в единицу времени — так называемое фактурное крещендо.

5. Фактура и время. Одним из значимых инструментов художественного воздействия фактуры является ее временной аспект. Время объективное и время художественное есть две различные категории. Художественное время — это реализация образно-выразительной стороны музыки, где закономерности объективной физической реальности отступают. Процесс художественного или так называемого музыкального времени, живущий особой художественной жизнью, накладывает на объективную ленту векторно-направленного времени. Звучание музыки может останавливаться в паузах, сжиматься, растягиваться в моменты ускорения или замедления движения.

Исследуя художественное время, мы получаем возможность постичь художественный замысел композитора, динамику или статику состояний его музыки. Фактурным выражением времени является ритм. Благодаря ему создается эффект сжатия и растягивания «временной пружины». В «Острове сирен» темп, а значит время, очень ситуативны, об этом свидетельствуют ремарка композитора *Lento, molto rubato ed improvisando*. Он просит исполнителя играть временем: останавливать его, прислушиваясь к тишине, «раскачивать» за счет интонаций и фактурных движений (тт. 2 — 7). В пьесе есть

места, где художественное время течет медленно, почти лениво, это определяется ритмом рассредоточенных длительностей, паузами, ферматами. Выставляя темпы и агогические отклонения, композитор создает ячейки-характеристики, укладывающиеся в более крупные синтаксические структуры: фразы, предложения, разделы формы. В данном случае очевидна связь фактуры, а точнее, её ритмической составляющей и временного фактора.

Целесообразно представить и примеры другой игры времени, конкретизированные устремленностью вперед, и, одновременно, сжатием времени. В связи с этим композитор использует приемы полиритмии, артикуляции *marcato* и острых акцентированных синкоп (тт. 48, 50, 54). Ещё один способ усиления экспрессии — борьба ритмов внутри фактуры. Такой приём, в сочетании с приёмом сжатия «временной пружины», настолько сильно воздействует на слушателя, что, безусловно, подчиняет его внимание. Происходит диффузное взаимодействие музыкального времени и субъективного времени слушателя. Красота внутренних ритмических рисунков фактуры, их естественные полиритмические сочетания образует полную подчиненность художественному образу.

6. Фактура и пространство. Есть ряд особенностей восприятия человеком пространства. Одна из них заключается в том, что пространство — есть нечто цельное, состоящее из видимых и невидимых частей. Как отмечает Е. В. Назайкинский, подобная практика перехода видимой части пространства в невидимую и наоборот даёт человеку определённый пространственный опыт [1]. Даже рассматривая одну точку пространства, можно представить его как целое. Отмеченная способность воображения видеть за деталью целое — важная предпосылка пространственного восприятия музыки. В данном случае носителем информации становится звук и пианист должен решать проблемы звука в пространстве

за счет умелого интонирования фактуры, опираясь на законы акустики. Ведущими в тематическом отношении в «Острове сирен» становятся, главным образом, средние голоса, их тембр К. Шимановский использует как определенную образную характеристику темы (тт. 14–22). Для глубоких, мрачных характеристик польский мастер часто прибегает к сочетанию тембров среднего голоса и баса (т. 7). Интересный пространственный эффект достигается сочетанием высокого и низкого регистра, при котором звуки нижнего регистра ассоциируются с темными красками, а звуки верхнего — со светлыми.

Композитор «играет» такими параметрами, как динамика, тембр, сочетание регистров, создавая уникальные комбинации, благодаря которым звучание оказывает большое художественное воздействие. Ассоциативно воспринимаемые, музыкальные комплексы вызывают в сознании определённую картину. Опираясь на сюжет известного мифа об Одиссее, К. Шимановский разворачивает музыку по литературному сюжету, изображая состояния созерцательности и тишины в начале и в конце поэмы и бурю — в середине. В результате мы не только слышим, но и видим картину, которая сродни живописным полотнам. Композитор использует необычные тембровые сочетания, что позволяет говорить о «живописной» стороне его музыки. Форма поэмы, состоящая из подъёмов и спадов, ассоциируется с выпуклыми очертаниями фриза, увиденного композитором. На связь с архитектурой, к тому же, указывает общее название цикла «Метопы».

Таким образом, исследовав образно-смысловой аспект фактуры пьесы К. Шимановского «Остров сирен» из фортепианного цикла «Метопы» ор. 29, мы пришли к заключению о том, что фактура музыкального произведения К. Шимановского является одним из ключевых средств музыкальной

выразительности, способствующих глубокому осознанию стиля польского композитора. Именно посредством фактуры в произведениях К. Шимановского практически визуализируются связи музыки со смежными видами искусства — литературой, живописью, архитектурой. Предпринятый анализ фактуры пьесы К. Шимановского «Остров сирен» подтверждает выдвинутую нами гипотезу о некоем едином истоке, порождающем, на первый взгляд, различные художественные явления, но при более пристальном рассмотрении, тонко связанные друг с другом. Вероятно, тенденция к дифференцированности видов искусства выявляет здесь и другую сторону — их стремление к всеобщей связи — универсальности, главное назначение которой есть служение Красоте. Совершенно не случайно К. Шимановский писал: «И вот из первичного невразумительного хаоса все более отчетливо вырисовывается волнующий образ Красоты, парящей над серыми буднями... Красота, приносящая с собой, наконец, эту тайную, необыкновенную радость освобождения творческого инстинкта, дремлющего в глубине души. И музыка здесь — уже не вечно бьющий источник чистой радости — выполняет свою благотворную роль как великая воспитательница. Она открывает человеку глаза на зачарованный, подлинно творческий мир сверхличной идеи, неразрывно связанной со всеми проявлениями Красоты» [9, с. 56].

Представленные в данной работе результаты не претендуют на полноту исследования проанализированной проблемы и требуют дальнейшего рассмотрения. Целесообразно изучить особенности фактуры фортепианных сочинений польского композитора на примере других его произведений, более детально исследовать влияние смежных видов искусства на многообразное творчество К. Шимановского.

1. Назайкинский Е. В. О психологии музыкального восприятия [Текст] / Е. В. Назайкинский. — М.: Музыка, 1969. — 383 с.
2. Скребкова-Филатова М. С. Фактура в музыке. Художественные возможности. Структура. Функции [Текст] / М. Скребкова-Филатова. — М.: Музыка, 1985. — 285 с.
3. Собакина О. В. Стилистика фортепианных произведений Кароля Шимановского [Текст] : дис. ... канд. искусствоведения : 17. 00. 02 : защищена 21. 12. 04 утв. 15.06.05 / Собакина Ольга Валерьевна. — М. . 2004. — 250 с.
4. Собакина О. В. Шимановский — «Метопы»: вопросы интерпретации [Текст] / О. В. Собакина // Фортепианное исполнительство : теория, практика : сб. тр. / РАМ им. Гнесиных. — М., 1998. — Вып. 139. — С. 123—146.
5. Тюлин Ю. Н. Учение о музыкальной фактуре и мелодической фигурации [Текст] / Ю. Н. Тюлин. — М.: Музыка, 1986. — 165 с.
6. Флоренский П. А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях [Текст] / П. А. Флоренский. — М.: Прогресс, 1993. — 342 с.
7. Холопова В. Н. Музыкальная фактура [Текст] / В. Н. Холопова. — М.: Музыка, 1989. — 103 с.
8. Швейцер А. Иоганн Себастьян Бах : пер. с нем [Текст] / А. Швейцер, послесл. М. С. Друскина. — М.: Музыка, 1965. — 725 с.
9. Шимановский К. Избранные статьи и письма [Текст] / К. Шимановский ; [пер., сост. и коммент. А. Фарбштейна]. — М.: Музгиз, 1963. — 253 с.

In the publication artistic potentialities of texture in development of describing—and—conceptual processes of a music piece «Island of the sirens» from a piano series «The Metopes» op. 29 by K. Shimanovsky are investigated. Complicated and varied cooperations of texture with dynamics, form, harmony, intonation; the aligning of accentuated parameters with textural vertical, horizontal structures, depth is concretized.

Keywords: musical texture, allied art forms, musical image, intonation, form, harmony, dynamics.

УДК 78+(82-1)

В. И. Карпусь

Музыка и музыкальность в поэзии Якова Полонского

Статья посвящена анализу поэтического наследия Якова Петровича Полонского с точки зрения музыкальности его стихотворений. Определены некоторые особенности творческого метода Полонского: поэт не только описывает музыку, музыкальные образы и впечатления, но и использует многие атрибуты музыкальности как особой характеристики поэтического текста. В качестве примера автор рассматривает произведения русских композиторов на стихи Я. Полонского.

Ключевые слова: русская музыка; поэзия; музыкальность стихотворений; романс.

Актуальность настоящей статьи обусловлена её междисциплинарным характером, востребованным на современном этапе развития искусствоведения, а также обращением к поэзии Я. Полонского, которая имеет очевидную взаимосвязь с музыкой, однако в данном контексте изучена поверхностно.

Яков Петрович Полонский (1819-1898) — выдающийся русский поэт и писатель, «последний яркий представитель века» (А. Блок), один из «главных поэтов послепушкинской эпохи» (В. Соловьёв), который по праву считается продолжателем классических традиций отечественной литературы. Наряду с А. Фетом, А. Майковым, Д. Григоровичем его творчество считали блестящим финалом Золотого века русской литературы, ярким закатом уходящего «века литературных гигантов» (Д. Святополк-Мирский). Однако не все аспекты его наследия исследованы должным образом: «Загадочная поэзия Полонского до сих пор не нашла себе полного истолкования в отече-

ственной критике, — утверждают современные искусствоведы. — <...> Мы не можем с уверенностью сказать, что творчество поэта полностью изучено и оценено» [4, с. 1].

В этом контексте представляется целесообразным изучить проблему поэтики Я. Полонского в её взаимосвязи с музыкой — как в плане тематики его стихотворений, так и в аспекте их музыкальности. Косвенно эта проблема затрагивалась в работах Г. Ганиной, А. Игнашова, А. Коковкина, Г. Лукиной, А. Потапова, Т. Федосеевой, которые указывают на важную роль музыкальных образов в творчестве Я. Полонского, подчёркивают особую музыкальность его стихотворений, сравнивают стилистику поэтических текстов с музыкальными, анализируют отдельные произведения, написанные на слова поэта. Помимо работ вышеназванных авторов, основой для настоящей статьи послужила диссертация Н. Мышьяковой «Литература и музыка в русской культуре

XIX века» [5] и представленное в ней обоснование понятия музыкальности.

Объектом изучения является взаимосвязь поэзии и музыки в творчестве Я. Полонского, предметом — формы взаимовлияния данных видов искусств в рамках его эстетико-стилевой парадигмы. В связи с этим в область исследования привлекаются и сочинения Я. Полонского, и музыкальные произведения, написанные на его стихи.

Цель статьи — выявить особенности взаимодействия поэзии и музыки в творчестве Я. Полонского, учитывая контекст развития русской культуры XIX столетия.

«Среди русских поэтов Яков Петрович Полонский занимает своё, только ему присущее место, — пишет И. Моклецова. — Ярко выраженный глубокий психологизм и лиризм не исчерпывают содержание его поэзии, есть в ней и нечто более значительное — постижение вечных законов бытия в привычной незамысловатости жизни, что придает ей скрытый драматизм» [2, с. 8]. Его стиль наследует классические традиции русской литературы, но при этом отличается своеобразной синтетичностью. При доминанте классической ясности и реализма, в творчестве поэта присутствуют и знаковые черты романтизма, и предвосхищение символизма. Исследователи отмечают «своеобразие творческой индивидуальности Я. П. Полонского, в художественном наследии которого переплелись присущий романтическому искусству глубокий психологизм и реалистическое проникновение в сущность жизненных явлений» [3, с. 17]. Романтики среди всех искусств особенно выделяли музыку, считая её «чистым» видом творчества, способным к непосредственному отражению эмоций. Я. Полонский, как истинный романтик, «любил музыку, называя её самым возвышенным видом искусства» [6, с. 225-226]. О символических тенденциях в творчестве поэта пишет А. Коковкин, отмечая, что для него характерен «образ музыки как

распредмечивания вещного мира, намёк на нечто, скрывающееся за видимой оболочкой» [1, с. 201].

Отношение Я. Полонского к музыке формировалось с детства. Как все образованные люди своей эпохи, он не был чужд музыкальному искусству и хорошо в нём разбирался, хотя и не был музыкантом даже в аматорском смысле этого слова. Ещё будучи гимназистом, он, по традиции того времени, посещал воскресный церковный хор. Согласно мемуарам поэта, в детстве он очень хотел научиться петь, но голос его был «очевидно никуда не годен». Кроме того, Я. Полонский вспоминает, что во время торжественных приёмов в гимназии любил «слушать роговую музыку» — посещать выступления роговых оркестров.

В дальнейшем, в годы учебы в Московском университете, будущий поэт с удовольствием слушал выступления выдающихся певцов и музыкантов, регулярно посещал концерты и салоны. Нужно отметить, что литературно-музыкальные салоны как культурный феномен XIX века играли большую роль в жизни Москвы и Петербурга, формируя творческую интеллигенцию. Я. Полонский бывал в салонах у Чаадаева, Хомякова, Киреевского, Аксакова, Герцена, позже — у Левитовой, Штакеншнейдеров. Воспоминания об этих встречах поэт пронесёт через всю жизнь и воплотит в собственном салоне в Петербурге, куда переедет в 1851 году.

Вдохновение, которое черпал Я. Полонский из жизненных ситуаций и пережитых чувств, переплавлялось под воздействием его рефлексивной мысли в отточенные формы стиха. Нередко обстоятельствами жизни была продиктована и музыкальная тематика его стихотворений и сборников. В 1844 году поэт издает лирический сборник под названием «Гамма» — это «музыкальное» название символизировало первые поэтические упражнения начинающего творца. В 1849 году, будучи на службе в Тифлисе, Я. Полонский издает сборник

«Сазандар», пронизанный музыкальными впечатлениями о Кавказе. Поэт отождествляет себя с народными певцом («сазандари» — то же, что ашуг, рапсод, народный певец), которых он немало видел в Грузии. Он с удовольствием слушал, как они «под звуки чианури и бубна поют стихи свои», и часто упоминал в стихотворениях чарующие звуки их пения, звучания зурны, рогов, бубнов, чианури. Один из последних сборников Я. Полонского, изданный в 1890 году и ставший символическим итогом всей его жизни, также имеет «музыкальное» название — «Вечерний звон».

Поселившись в Петербурге, поэт включается в культурную жизнь столицы, с удовольствием посещая театры и концертные залы. Будучи близким другом И. Тургенева, он лично познакомился с Полиной Виардо, восхищался её прекрасным голосом и драматическим талантом. Одной из точек соприкосновения Я. Полонского и русской музыкальной культуры XIX века является его общественная деятельность и организация литературно-музыкального салона, получившего название «Пятницы Полонского». В самой идее «Пятниц» воплотилась мечта поэта — во имя общего блага и развития культуры объединить ярчайших деятелей искусства и науки, независимо от их взглядов и убеждений. Здесь часто появлялись известные писатели и поэты И. Тургенев, Ф. Достоевский, А. Чехов, А. Майков, Д. Григорович, А. Плещеев, И. Гончаров, З. Гиппиус, Д. Мережковский, историки Н. Каразин и С. Шубинский, философы Н. Страхов и М. Безобразова, художники И. Айвазовский и И. Репин, скульпторы М. Микешин и М. Чижов, критики С. Венгеров и В. Стасов, а также брат последнего — директор Русского музыкального общества Д. Стасов.

Практически ни один вечер не обходился без музыки, которую так любил поэт. В доме Полонских был хороший рояль, который располагался у окна в гостиной, а в дальних комнатах находилось пианино. Даже если хозяин,

мало передвигающийся из-за проблем со здоровьем, находился в своём кабинете — он обязательно присоединялся к гостям, как только начинала звучать музыка. В «Пятницах Полонского» принимали участие знаменитые пианисты А. Рубинштейн, Ф. Blumenфельд, В. Сипягина-Лилиенфельд, певица Д. Леонова, фольклорист А. Рубец, молодая пианистка А. Ньюкутовская и многие другие. Дочь поэта Наталья Яковлевна, прекрасно игравшая на фортепиано, также участвовала в музыкальном оформлении встреч.

«Пятницы Полонского» были своеобразным видом литературно-музыкального досуга: обсуждались философские концепции современности, литературные и музыкальные новинки, театральные премьеры и многое другое, что было принято в культурных кругах. И. Ясинский писал о встречах в доме Я. Полонского: «По пятницам у него собиралось много народу, всё больше литераторы и музыканты; часто бывал Рубинштейн. Концерты Полонского были всегда изысканными, самыми последними музыкальными новостями можно было познакомиться прежде всего у него. Певцы, пианисты и пианистки исполняли лучшие отрывки из Вагнера, Сен-Санса и Грига, тогда только что пробивавших себе дорогу в русском обществе, причем Вагнер трактовался иными критиками как варвар. За большим столом пили чай, а в промежутках между музыкальными номерами беседовали о литературных явлениях дня» [8, с. 278].

В отличие от большинства салонов, здесь не танцевали и не поощрялись карточные игры, в отношении которых исключение делалось только для А. Рубинштейна — заядлого картёжника, отрывавшегося от карточного стола только ради рояля. Многие посетители приходили к Я. Полонскому, чтобы послушать знаменитого пианиста и познакомиться с его уникальным стилем — «грандиозным, но бесконечно изящным» (В. Стасов). Планируя написать оперу на сюжет поэмы

М. Лермонтова «Демон», А. Рубинштейн обратился к Я. Полонскому с просьбой написать либретто, но этому тандему не суждено было реализоваться. Тем не менее, поэт посвятил А. Рубинштейну стихотворение «Привет тебе, привет, наш брат, наш друг!», на текст которого в 1889 году П. Чайковский написал торжественную кантату.

С П. Чайковским поэта объединяло прочное творческое содружество, хотя композитор и не был посетителем «Пятниц». Они познакомились в 1870-е годы, некоторое время состояли в переписке, высоко ценили творчество друг друга. Я. Полонский подарил композитору сборники своих стихов — сначала «Сноп», позже «Озимь», а через некоторое время посвятил ему одно из самых знаменитых стихотворений — «Музыка» («И плывут, и растут эти чудные звуки!»). В свою очередь, П. Чайковский создал на его слова множество романсов и оперу «Черевички», на премьере которой присутствовал и сам Я. Полонский. Интонации его поэтических текстов «по-особому чутко» (Г. Ганина) воспринимал С. Танеев, ему импонировала особая философская глубина и рефлексивность некоторых его текстов. Высоко ценил поэзию Я. Полонского как основу для музыки Ц. Кюи.

В целом, среди музыкантов того времени бытовало мнение об особой певучести и музыкальности поэзии Я. Полонского, поэтому они охотно сочиняли музыку на его стихи. Семейный архив поэта насчитывает 128 произведений, созданных 67-ю композиторами (согласно спискам А. Я. Полонского и А. А. Полонского). Однако на самом деле этот перечень гораздо шире и на сегодняшний день насчитывает около трёхсот произведений, включая сочинения современных композиторов. Перечислим некоторых из них: Н. Александров, А. Алябьев, А. Андреев, А. Аренский, Д. Ашкенази, В. Биберган, С. Василенко, И. Витоль, И. Гинзбург, В. Голиков, А. Дерфельдт,

Э. Длусский, Е. Дога, А. Дюбюк, Е. Евтушевская, С. Екимов, В. Ельховский, М. Еремин, К. Журавец, М. Иванов, А. Ильин, Н. Казанли, Л. Кашперова, Н. Кленовский, Н. Кочетов, А. Кремлёв, Б. Леви, Ю. Макеев, А. Матюхин, Н. Метнер, А. Ребиков, Е. Романов, С. Савенков, В. Светлов, Н. Соловьёв, А. Спендиаров, С. Танеев, А. Флярковский, П. Чайковский, Н. Черепнин, Э. Шау, И. Шварц, А. Шефер, Ю. Эдельштейн, С. Юрченко.

Большинство музыкальных произведений вышеперечисленных авторов относятся к жанру романса или авторской песни, встречаются также хоровые жанры. Некоторые тексты поэта стали настолько популярными, что приобретали статус народных песен: например, распространившиеся среди революционеров-народников «Узница» и «Затворница», а также знаменитая «Песнь цыганки» («Мой костёр в тумане светит»). Последнее стихотворение имеет рекордное количество музыкальных воплощений — в вокальных миниатюрах П. Чайковского, Н. Метнера, С. Булатова, Я. Пригожего, Г. Лишина, Ф. Садовского, А. Бейзер и др. Огромную популярность приобрёл «Цыганский романс» Я. Пригожего, написанный на основе мелодии вальса Э. Вальдтейфеля «Студентина». Второй, не менее известный вариант «Цыганской песни» С. Булатова до наших дней издаётся с указанием «народная песня». В числе наиболее известных произведений, за которыми не закрепились фамилия композитора, а лишь авторство Я. Полонского — его сочинение «Вызов» («Под окном в тени...»). И. Ясинский вспоминает, как «...в доме у нас распевали, да и везде, деревенские барышни, за четырёхногим фортепьяно, романс его — „Под окном в тени мелькает русая головка“» [8, с. 278].

Такая популярность стихотворений Я. Полонского в композиторской среде во многом объясняется особым

эстетико-стилевым миром его поэзии и музыкальностью текстов. Одним из первых это качество отметил В. Соловьёв, называя «музыкальностью» и «живописностью» основными чертами стиля Я. Полонского. Он считал, что «...поэтическая индивидуальность» лирика происходит не от звукового характера стихов, а, напротив, этот специфический звуковой характер — следствие „духовной индивидуальности поэта“» [7, с. 533].

Понятие музыкальности в литературоведении рассматривается с нескольких позиций: от наиболее общего «метафорического» понимания данного термина — до его чётких дефиниций и структурированных функций. В самом широком смысле поэзия Я. Полонского — музыкальна, потому что основана на мелодичной, напевной, интонационно богатой лексике, гибкой стихотворной ритмике, выразительных рифмах. Нередко он подражает народно-песенному стилю, используя припевы, повторяющиеся строки, междометия. В этом контексте можно охарактеризовать творчество Я. Полонского словами Т. Морозовой: «Музыкальность поэтического слога стихотворений поэта — в их интонационной насыщенности» [3, с. 17].

В более узком значении музыкальность поэтического творчества подразумевает комплекс выразительных и стилистических приёмов, которые классифицируются определенным образом. Согласно концепции Н. Мышьяковой [5], разработавшей данное понятие, музыкальность литературных произведений проявляется на следующих уровнях:

1. Музыкальность слышимого звукового ряда, в том числе:

- мелодичность гласных, напоминающая протяжённость мелодии;
- фонетическая игра согласных.

2. Тематическая музыкальность, в том числе:

- сфера звука как такового (область слуховых ощущений, шорохи, биения, крики, скрипы);

— музыкальные реалии (терминология, инструменты, фамилии композиторов, названия произведений).

3. Музыкальность формы, скрытой в структуре текста.

4. Стилевая музыкальность — всеохватность стиля, стремление писателя абстрагироваться от текста и выйти в сферу «чистых» эмоций.

Музыкальность в творчестве Я. Полонского проявляется на всех этих уровнях. Особенно часто используется звукоподражательный эффект и фонетический колорит согласных — то есть различные виды аллитерации. Обилие шипящих создаёт звуковое ощущение шума и журчания воды в стихотворении «Зимний путь»:

*Там журчит ключ живой и ключ мёртвой воды —
И не веришь и веришь очам...*

Усиливает звуковой образ струны в стихотворении «Гипотеза»:

Певучей струной каждый луч их дрожит.

В стихотворении «Тени» певучие гласные подчёркнуты Я. Полонским не только за счёт повторения — ассонанса, но и за счёт ударений:

*По́ небу синему тучки плывут,
По́ лу́гу тени ширóко бегут.*

Очень широко представлена в творчестве Я. Полонского тематическая музыкальность — в разнообразных описаниях звуковых ощущений, как реальных («Вот и ночь...»):

*Или это — грёза ночи,
Шорох знойной тишины?
Или это — у забора
Ветерок шуршит листвою? ..
так и ирреальных («Слышу я...»):
... Чью-то душу слышу я,
В струнных звуках чьё-то сердце
Долетает до меня...*

Нередко поэт абсолютно чётко обрисовывает звуковую атмосферу происходящего («Грузинская ночь»):

*Не слышу ни лая собак, ни ослиного крику,
Ни дикого пенья под жалобный говор чингури...*

или усиливает её за счёт «звучащих» междометий («Солнце и месяц»):

*Стук-стук-стук! — отворят двери.
Солнце, встань — грачи летят,
Петухи давно пропели —
И к заутрене звонят.*

«Музыкальные реалии», выражающиеся в использовании специфической терминологии, в большом количестве встречаются в поэзии Я. Полонского. Он посвящает целые произведения музыкантам («Старый сазандар», «Кузнечик-музыкант»), называет сборники стихов музыкальными терминами («Сазандар», «Гаммы»), часто упоминает музыкальные инструменты — скрипки, флейты, рога, колокола, колокольчики и другие, например, в стихотворении «Вечерний звон»:

*И как ни громко пой ты, — лиру
Колокола перезвонят.*

Стихотворение «Концерт» вообще является своеобразной поэтической «рецензией» на музыку Г. Берлиоза, которую Я. Полонский иронично сравнивает с «инструментальным громом и звоном»:

*Трубят рога, гремит тимпан,
В колокола звонят над нами...
И над поющими струнами
Несётся звуков ураган.*

Относительно музыкальной формы в поэзии Я. Полонского можно отметить такие закономерности, которые, с одной стороны, являются традиционными поэтико-стилистическими приёмами, а с другой — уподобляются различным принципам музыкальной повторности. В простейшем виде повторение одинаковой фразы в начале строки — лексическая анафора — напоминает мотивное варьирование, как в стихотворении «Время новое...»:

*Время новое повеяло — смотри,
Время новое повеяло крылом.*

Строфическая анафора, при которой с одинаковой фразы начинаются различные куплеты формы (например, в стихотворении «Памяти Ф. Тютчева» все строфы начинаются со слов «Оттого ль...») — напоминает повторно-продолженную тематическую структуру периода в музыке.

Обратный приём — эпифора, когда совпадают окончания строф, — структурно сближается с музыкальной рондо-образностью, где повторяемая фраза напоминает рефрен. Так, в стихотворении «Качка в бурю» несколько строф окан-

чиваются фразой «Закачало — сплю», выполняющей функцию рефрена.

Один из основополагающих музыкально-формообразующих принципов — репризность (и её частный случай — обрамление) — также нашло отражение в творчестве Я. Полонского. Данный принцип воплощает собой симплекта — стилистический приём, когда начало и окончание поэтического произведения совпадают. Например, стихотворение «Вечер» начинается и заканчивается одинаковой строкой — «Зари догорающей пламя». В стихотворении «Лебедь» воссоздаётся принцип варьированной репризы, так как первые строки его таковы:

*Пел смычок — в садах горели
Огоньки — сновал народ...*

А заключительные — несколько изменены:

*...А кругом в садах горели
Огоньки и пел смычок.*

Стилевая музыкальность, трактуемая Н. Мышьяковой в самом широком смысле как выход в сферу эмоционального, беспредметного, символического, превосходит тенденции символизма в таких стихотворениях Я. Полонского, как «Царь-девица», «Лунный свет», «Тени и сны». Пример описания «чистой музыки» в его творчестве — стихотворение «Гипотеза»:

*Из вечности музыка вдруг раздалась,
И в бесконечность она полилась...*

Отдельные лексические обороты в его поэтических произведениях настолько тонки и живописны, что напоминают музыкальные импрессионистические зарисовки неуловимых моментов бытия. В подобных проявлениях стилевой музыкальности Я. Полонский сближается с самым известным русским «поэтом-музыкантом» А. Фетом.

Примечательно, что оригинальность некоторых «музыкальных» по своей тематике сочинений Я. Полонского породила и не менее оригинальную их трактовку в композиторском творчестве. Сказанное касается поэмы «Кузнечик-музыкант», в авторской аннотации к которой указано,

что это «шутка в виде поэмы». Я. Полонский избегал надменности и притворства великосветского общества и считал, что в большинстве случаев поэты не приняты им. Эти его убеждения отразились во взаимодействии аллегорических персонажей в поэме «Кузнечик-музыкант», в которой главный герой отождествляется с некой творческой личностью (хотя близкие друзья Я. Полонского считали, что это он сам, и даже за глаза называли его порой «кузнечиком»), а легкомысленные бабочки, жестокий соловей и прочие представители мира природы, насмехающиеся над кузнечиком и использующие его в своих мелких целях — ассоциируются с высшим обществом. Современник поэта, композитор М. Иванов создал музыку к этой поэме, уникальную по своему жанру — это вокально-инструментальная сюита в девяти частях, где чередуются хоры, сольные и фортепианные номера.

Таким образом, единство лирической искренности Я. Полонского, романтического и реалистического начал в его наследии, а также особая стилистика стихотворений характеризуют его поэтический мир. Оставаясь вдохновенным лириком, певцом человеческой души и тонким романтиком, он насыщает свои произведения музыкальной тематикой, интонационно богатой лексикой и теми характерными приёмами, комплекс которых порождает особое качество его поэзии — музыкальность. Современным исследователям ещё предстоит изучить всю глубину взаимовлияний творчества Я. Полонского и русской музыкальной культуры XIX столетия, и доказать, что благодаря деятельности этого яркого представителя Золотого века была заложена прочная основа для дальнейшего развития отечественной поэзии, литературы и культуры в целом.

1. Коковкин А. Ф. А. А. Фет и Я. П. Полонский: биографические и творческие связи : дис... канд. филол. наук : 10.01.01 / Коковкин Александр Федорович. — Тверь, 2010. — 211 с.
2. Моклецова И. В. О родине и о себе: молитвенные размышления Я. П. Полонского / И. В. Моклецова // Я. П. Полонский: творчество, судьба, эпоха (посвящается 195-летию со дня рождения поэта): сб. науч. ст. по материалам междунар. научн.-практ. конф., 27–29 мая 2015 года / сост. и науч. ред. Т. В. Федосеева. — Рязань : Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, 2015. — С. 8-17.
3. Морозова С. Н. Творческая индивидуальность Я. П. Полонского: взаимосвязь романтических и реалистических традиций : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Морозова Светлана Николаевна. — Саранск, 2010. — 19 с.
4. Морозова С. Н., Щерблякин И. П. Критики и писатели о творчестве Я. Полонского / С. Н. Морозова, И. П. Щерблякин // Вестник Чувашского университета. — №1. — 2010. — С. 291-296.
5. Мышьякова Н. М. Литература и музыка в русской культуре XIX века : автореф. дис... д-ра искусствоведения : 24.00.01 / Мышьякова Наталия Михайловна. — СПб, 2003. — 19 с.
6. Решетова А. А. Яков Полонский на рязанской земле / А. А. Решетова // Яков Петрович Полонский: личность и творчество в истории русской культуры / под ред. Л. В. Чекурина. — Рязань : ПервопечатникЪ, 2014. — С. 217-230
7. Соловьёв В. С. Философия искусства и литературная критика / В. С. Соловьёв. — М.: Искусство, 1991. — 701 с.
8. Ясинский И. И. Роман моей жизни: Книга воспоминаний / И. И. Ясинский. — М.—Л.: Государственное издательство, 1926. — 360 с.

The article analyzes the heritage of Jakov Polonsky in the context of his poems' musicality. The features of the Polonsky's method is determined: the poet describes musical images, impressions and uses many attributes of musicality. By way of example the author considers music of Russian composers on the poems of Polonsky.

Keywords: Russian music; poetry; musicality of poems; romance.

Ж. Р. Макеева

Некоторые особенности развития любительского хорового пения в России

В статье анализируются специфические черты самодеятельного хорового искусства. Автором рассматриваются особенности, вытекающие из организационных основ хорового любительского движения, открывающие широкие возможности участия в хоровом коллективе. В заключении делается вывод о том, что отличительной особенностью любительского пения является сочетание массовости и высокого уровня исполнительского мастерства хора и его участников. Подчеркивается, что некоторые отечественные коллективы показывают достаточно высокий, почти профессиональный уровень и ведут интенсивную концертную деятельность.

Ключевые слова: хоровое искусство, любительское пение, культура, коллективы, Россия.

Хоровое искусство называют искусством демократическим. Мощная тяга широких слоев населения к музыке, песнетворчеству, музыкальному исполнительству, сохранилась в народе и ныне. Живые родники хорового искусства открыли для непрофессионалов мир музыки, делаая доступным её понимание. Доступность и глубина эстетического воздействия хорового пения поставили его в один ряд с самыми распространенными видами художественной деятельности человека, поскольку в нем сокрыта основа всей музыкальной культуры любого народа. Осознание феномена любительского пения помогает увидеть перспективы развития хорового искусства вообще, и задачи хорового исполнительства, в частности.

Активный характер деятельности любительских хоров, участвующих в процессе исполнении, является огромной созидающей силой мирового самодеятельного движения. В его основе

лежит интерес человека к художественно-преобразовательной деятельности, которым определяется эстетическое чувство, включающее в себя всякое стремление человека к красоте.

Многие отечественные дирижеры-хормейстеры видели в хоровом искусстве высокую миссию преобразования общественного сознания. Чистая и возвышенная сила этой миссии заключается в пробуждении и развитии, посредством пения, чувства прекрасного, стремления к знаниям, творчеству, доброму созиданию, что и составляет духовную культуру личности и нации. Это высокая цель. С ней нельзя связывать никакие практические узко-материальные интересы и выгоды ни певцам, ни руководителю хора, её закон существования основывается на любви и энтузиазме.

История хоровой самодеятельности развивалась параллельно с профессиональным искусством. Обширная дея-

тельность любительских коллективов, состоящих из певцов-непрофессионалов, отмечена активными творческими исканиями. Хранителями глубоких национальных певческих традиций являлись церковные хоры. Изначально эти хоры привлекали к себе не только любителей пения, но и профессионалов, и назывались в обществе «вольными хорами». Таковых в нашей стране было немало.

Вся хоровая культура пения, демократические тенденции которой выходят за рамки специфики самого церковного жанра, развивалась в его недрах. Один из русских хормейстеров А. Соновский говорил следующее об эстетических достоинствах духовного пения: «Велико художественное значение церковного пения. В хоровом пении музыкальные задатки, которыми, в общем, богаты русские люди, получают развитие... Выгодная особенность искусства пения — общедоступность» [2, с. 10]. К XIX веку любительское пение в церкви существовало в профессиональных хорах, клиросном пении и монастырях. И постоянно возрастающий интерес общества к духовному хоровому пению сопровождался рождением новых певческих хоров и ансамблей, что сформировало особое почтенное отношение к хоровому искусству.

Стилистическое жанровое обновление русской хоровой музыки XVII столетия, сопровождающееся расширением её функций и направлений, создавало новые условия общественного бытования самодеятельного искусства. Новый стиль партесной музыки нес светскую направленность и технологизм, менял представление о качестве звука, выдвигая профессиональные требования к певцам. В среде любительского пения наметились популяризаторские тенденции общества, тяготеющего к концертности в публичных выступлениях. Таким образом, начинают возникать различные формы светского ансамблевого пения.

Особенно популярной в этот период становится разновидность камерно-

домашнего музицирования, связанная с распространением кантов и псалмов, в музыке которых синтезировались интонационные обороты польского, украинского, белорусского, русского музыкального языка. Канты и псалмы создавались на тексты Симеона Полоцкого, Кариона Истомина, Сильвестра Медведева, Андрея Белобоцкого. Народно-жанровый стиль положил начало хоровому пению в жанре русской городской бытовой песни, расширив палитру музыкально-выразительных средств хорового письма.

Домашнее музицирование дало толчок к развитию камерного хорового исполнительства. Особенно оно процветало в среде образованного дворянства. Устраивались домашние вечера с сольным и хоровым пением, в некоторых случаях даже с участием симфонического оркестра. Поначалу такие выступления носили эпизодический характер, затем они стали систематическими и регулярными. Начиная с 1820 года, в музыкальном быту звучат объединенные концертные выступления музыкантов-любителей, участников домашних капелл.

Репертуар исполняемых произведений был самый обширный и порой неожиданный. А. Глумова в статье "Музыкальный мир Пушкина" пишет: "В домах Фишер, фон-Вальгдейм и профессора Рейц, где собиралось избранное общество каждую неделю в назначенный день петь хором "Реквием" Моцарта, "Stabat mater" Перголези..." [6, с. 12].

К концу XVIII столетия музыкальная культура стала постепенно из столиц распространяться в провинциальные города. Крупное и среднепоместное дворянство, стремясь украсить свой быт, создавало в городских и пригородных усадьбах капеллы певчих и оркестры, открывало домашние театры с оперно-балетной труппой. Историческим фактом является существование таких хоров, как придворная капелла князя А. М. Черкасского, впоследствии перешедшая к елизаветинскому при-

дворному П. Б. Шереметьеву, капелла московского генерал-губернатора П. Еропкина, а также хоры князя Бибикова, князей Юсуповых, Воронцовых, Голицыных, Матвеевых, Романовых.

К XIX веку количество частных хоров возросло. Содержались они богатым купечеством. Лучшими из таких хоров в Москве были капелла С. П. Губонина, хор Васильева, хор рабочих табачного фабриканта В. Г. Жукова, хор больницы купца С. И. Колокольникова, хор чаоторговца С. В. Перлова, которым управлял хормейстер Ф. А. Иванов. В Петербурге большой известностью пользовался Почтамтский хор. Кроме столичных хоров Москвы и Петербурга, выделяются капелла Рукавишникова в Нижнем Новгороде, хор под управлением А. В. Касторского в Пензе.

Но самыми популярными среди частных хоров, судя по отзывам современников, являлись капелла графа Шереметьева под руководством Г. Я. Ломакина и хор его ученика — князя Ю. Н. Голицына. Они сосредотачивают усилия на обучении певчих музыкальной грамоте, воспитании слуховых и вокальных навыков. Сделать это было не просто, так как отечественных или переводных руководств по работе с певческими коллективами было недостаточно. Г. Я. Ломакин с большой ответственностью принимается за составление собственных методических разработок по вокально-слуховому воспитанию.

Заметную музыкально-просветительскую роль в XIX веке стали играть университеты, что было связано с изменением взглядов на искусство, которое становится в этот период не просто обычным развлечением, но аренной передовой мысли. Почин здесь принадлежал Благородному пансиону при Московском университете, в котором уже с 1783 года, наряду с инструментальными классами, существовал учебный хор; позже открылись классы музыки. Как указывает В. Ильин, музыкальные классы по предписанию уставов 1804-го и 1835 годов стали

обязательными для всех университетов [9, с. 72]. Публичные выступления хора Московского университета, приуроченные к торжественным ежегодным актам, были хорошо известны московской публике. Современник пишет о праздновавшемся в 1805 году пятидесятилетия учебного заведения: "Торжество великолепное, при многолюдном стечении знаменитостей московских, украшенное стройными хорами Данилы Кашина, кои превосходно пели университетские певчие..." [9, с. 73].

Известно участие университетского хора в массовом патриотическом празднестве 1814 года по случаю победы России в Отечественной войне, которое положило начало музыкальным торжествам с массовым участием хоров города, происходившим в Москве, Петербурге, Смоленске, Архангельске, Костроме, Калуге. Среди исполнителей были хоры профессионалов, домашние капеллы, хоры учебных заведений. Первоначальным репертуаром большого хора стала русская народная и патриотическая песня, в дальнейшем на подобных мероприятиях звучала и западная вокально-симфоническая музыка.

Об огромном любительском хоровом составе в 200, 450 человек свидетельствуют письма и документы современников. По поводу концертного исполнения музыкантами-любителями оперы Россини "Вильгельм Телль" В. Одоевский в 1837 году восторженно писал: "Никогда в целом свете не было соединено для знаменитой оперы "Вильгельм Телль" столь огромных средств исполнения в вокальном отношении, и, вероятно, сам Россини не подозревал поразительных эффектов, производимых его хорами, когда их исполняют 450 хороших певчих... Дело непостижимое! Из этих 450-ти человек поют все, поют верно, входят вовремя, наблюдают с величайшею отчетливостью все музыкальные оттенки, как-то: *crescendo*, *decrescendo* и проч. ... Почти невозможно растолковать себе, каким образом эта огромная свободная масса

сделалась в музыке, довольно сложной и затруднительной, легким, послушным инструментом..." [12, с. 187].

Значительную роль в общественно-бытовом музицировании стали выполнять дворянские учебные заведения. Так, в Воспитательном обществе благородных девиц (Смольный институт) было два хора с различным репертуаром; хоровые классы имелись и в пяти других женских институтах. Большой популярностью пользовались хоры многих военно-учебных заведений: старейшего Сухопутного кадетского корпуса (в нем существовало даже два отличных хора из воспитанников и служащих), Пажеского кадетского корпуса, Училища правоведения, Павловского кадетского корпуса.

Основной формой музыкального образования студентов-дворян являлось обучение игре на инструменте и сольному пению, что способствовало развитию высокого исполнительского уровня учебных хоров. Многие выдающиеся музыканты-профессионалы работали с этими коллективами. Известно, что Д. С. Бортнянский был руководителем хора Сухопутного кадетского корпуса, итальянский дирижер, вокалист К. А. Кавос, а затем и его сын Ж. К. Кавос работали в Смольном институте. Г. Я. Ломакин вел интенсивную педагогическую деятельность в Пажеском кадетском корпусе и Училище правоведения, а Д. Я. Кашин трудился в Московском университете.

Из многочисленных мемуаров известно о распространении в русском обществе XIX и XX столетия любительского музицирования. Люди самых разных профессий, мужчины и женщины, отцы и матери семейств постоянно музицировали у себя дома и в гостях, пели, играли, в том числе и весьма сложные ансамбли, порой даже импровизировали и сочиняли музыку.

Сильное демократическое влияние чувствовалось в различных областях культуры: в литературе, театре, живописи, музыке. Возникают такие музыкально-просветительские органи-

зации, как Русское Музыкальное Общество (1859), Музыкальные классы, преобразуемые впоследствии в Консерваторию. В 1862 году одновременно с Петербургской консерваторией, создается «Бесплатная музыкальная школа», руководимая М. А. Балакиревым и известным хоровым дирижером Г. Я. Ломакиным.

При непосредственном участии Русского хорового общества были организованы в Москве бесплатные хоровые классы. Они существовали с 1878 по 1917 год, их организаторами были К. К. Альбрехт и И. П. Попов. Целью создания классов стало распространение светского хорового пения, пропаганда произведений для хора а капелла отечественных композиторов. Первоначально хор был мужским, в 1887/88 годах введены женские голоса. Состав хора доходил до 150 человек и более. Наряду с самостоятельными концертами хор принимал участие в симфонических концертах Русского музыкального общества и Исторических концертах С. Н. Василенко. Дирижеры, работавшие в Русском хоровом обществе, были: Альбрехт, А. С. Аренский, М. М. Ипполитов-Иванов, В. И. Сафонов, П. Г. Чесноков. При РМО функционировала хоровая капелла (регенты — В. С. Орлов, Ф. А. Иванов).

На рубеже XIX — XX веков демократизация концертной жизни прослеживалась в появлении новых любительских коллективов, направленность которых отвечала требованиям времени. Большую работу в этом направлении проводила Бесплатная музыкальная школа, Русское хоровое общество Москвы и Петербурга, а также Бесплатного хорового класса И. А. Мельникова под управлением Ф. Ф. Беккера.

Возрастающий интерес общественности к русской и зарубежной классике, народной песне, к новой палитре хорового ансамбля сопровождался ростом качественного уровня не только профессиональных, но и самодеятельных коллективов. Среди любительских

хоров назовем следующие: хор Морозовской фабрики в Орехово-Зуево (руководитель А. Н. Гайгеров), хор рабочих города Москвы (руководитель Ф. А. Иванов), любительский хор города Щёлково Московской области (руководитель И. И. Юхов), хор Пречистинских рабочих курсов (руководитель В. А. Булычев), любительский хор рабочих Петербурга (руководитель В. В. Певцова), "Симфоническая капелла" любителей хорового пения (руководитель В. А. Булычев), "Крестыанский хор" московских рабочих (руководитель М. Е. Пятницкий).

Последние годы XIX столетия ознаменовались горячим стремлением к пропаганде национальных отечественных традиций. На концертных площадках зазвучали «великорусские» народные инструменты: гармонь, балалайка. Появились любительские коллективы, пропагандирующие крестьянскую певческую культуру.

Одним из таких коллективов был «крестьянский» (как его тогда называли) самодеятельный хор Митрофана Ефимовича Пятницкого. Он организовал его из певческих семейных коллективов, приглашенных из разных областей России для пропаганды подлинного (этнографического) фольклора. В интерпретации народных песен Пятницкий не опускал никаких деталей, стараясь раскрыть в каждой песне, наряду с её содержанием, колорит местной певческой традиции, особенности костюма и даже сценического поведения.

Народно-певческим коллективом, популярным в эти годы, был и хор Д. А. Агренева-Славянского, который главной своей целью поставил пропаганду русской народной песни. Его грандиозная по масштабам концертная деятельность носила ярко выраженную демократическую направленность, и, при всей противоречивости оценок современников, была полезна. За сорок лет существования хор дал пятнадцать тысяч концертов в Европе, Америке, Азии и Африке. В России его концер-

ты пользовались большим успехом в демократических кругах общества. Д. А. Агрнев-Славянский и его коллектив не пренебрегали любыми условиями, выступая не только в столичных концертных залах, но и на фабриках, заводах, в учебных заведениях. Одна из русских газет упрекала его в том, что он "не стесняется местами для своих концертов и дает их там, куда набивается и простонародье". Д. А. Агрнев отвечал письмом: «Народное пение в моих концертах обязывало и обязывает меня петь не только в одних, так сказать, привилегированных помещениях, но и для той части публики, от которой я взял и у которой научился петь её народные песни» [9, с. 69].

Состояние профессионального и любительского хорового искусства в дореволюционный период становится заботой прогрессивных музыкантов, педагогов, хоровых деятелей. Огромное влияние на развитие любительской культуры оказывали А. Д. Кастальский, А. А. Архангельский, П. Г. Чесноков, В. А. Булычев, Н. Д. Кашкин и многие другие. Важные вопросы любительского пения поднимались на Регентских съездах 1908, 1909, 1912 годов, съездах хоровых деятелей России и деятелей народного театра.

Отечественная любительская хоровая культура к началу XX столетия сложилась во множестве художественных направлений и традиций: детского и взрослого, духовного и светского, народного и классического творчества. Подчеркнем, что это творчество носило подлинно массовый и общедоступный характер. При этом, исполнительский и художественный уровень хоров был очень высоким, искусным в полном смысле слова.

После Октябрьской революции происходит переориентация в идейной направленности художественного народного творчества, что было связано с изменением политического строя, в идеологии которого делался упор на народность и массовость музыкального воспитания. В целом это расшири-

ло права любительского направления, заставило пересмотреть не только художественные идеалы, тематику, но и терминологию. "Тогда впервые термин "самодеятельность", — пишет Л. Шамина, — был употреблён как определение высшей формы развития самосознания масс. Таким образом, проявление сознательной творческой деятельности народа в сфере искусства, новое по своей сути пролетарское движение в искусстве, было определено как художественная самодеятельность" [16, с. 7].

С первых десятилетий самодеятельное музыкально-исполнительское искусство получило огромное распространение. Перед хоровым движением были поставлены конкретные задачи по воспитанию революционного духа трудящихся и пролетарского отношения к художественной культуре. В связи с этим хоровое искусство стало искать адекватные пути развития массовой культуры. Прежде всего, это выразилось в большой популярности массовых хоров, являющихся главным художественным средством для музыкально-слухового и зрительно-декоративного оформления празднеств. Объединение отдельных небольших хоров, певческих кружков в хоровые массивы придавало революционным праздникам необычайно пышный характер. На артистических площадках появились большие и малые самодеятельные хоры, оркестры, музыкально-театральные коллективы.

К концу 1930-х годов насчитывалось около 95 тысяч самодеятельных музыкальных коллективов, в которых участвовало свыше двух миллионов рабочих, служащих и даже крестьян. Наиболее популярной формой были коллективы фольклорно-ансамблевого направления, в исполнении которых зазвучала рабочая, революционная, массовая песни. Позже, в 40-50-х годах, возрождая традиции в различных областях России — на Урале, Волге, в Сибири, Воронеже, Оренбурге — создаются государственные народные

хоры, выросшие из самодеятельных коллективов. Их многие участники не имели профессионального образования и были лишь только любителями.

В 1936 году в Москве была проведена Первая Всесоюзная хоровая олимпиада, положившая начало систематическому проведению смотров и фестивалей самодеятельного хорового искусства. Их проведение служило стимулом к совершенствованию самих участников самодеятельности и их знакомству с достижениями массового самодеятельного движения. В связи с этим возникла необходимость создания методического центра, способного направлять деятельность миллионов любителей, оказывать им действенную творческую помощь в масштабах всей страны. Таким центром явилась организация Всесоюзного Дома народного творчества, координирующая и направляющая развитие музыкальной самодеятельности.

В военные годы особенно было популярным народное хоровое исполнительство. Однако зимой 1942-1943 года начинаются репетиции созданного А. В. Свешниковым хора русской песни, позже, Государственного академического русского хора. Его первыми исполнителями были люди, пришедшие из самодеятельности. Многие из них в прошлом были токарями, слесарями, железнодорожниками, служащими.

Подведем некоторые итоги советского хорового самодеятельного творчества, общие тенденции которого сложились в первые годы его существования. Так, при особом отношении общества к идее народности и демократии, в хоровом исполнительстве стала проследиваться "новая специфика" подхода к академическому вокалу. Допустимое отступление от академической манеры стало нормой, поскольку наблюдалось тяготение к народно-певческой манере звукообразования и вообще всякая «дозволенность». Все это соответственным образом повлияло на качество звучания хоров. При этом в 1920-1940-е годы академическое пение

становится средством межнационального общения. Массовое распространение получила самодеятельность в союзных и автономных республиках, где развивались смешанные хоры, многоголосное пение. Интересно, что во многих национальных культурах республик Советского Союза, где господствовало одноголосие (казахской, туркменской, узбекской, таджикской), с появления там певческой академической школы обновилась национальная традиция за счет расширения средств музыкальной выразительности благодаря исполнительским и композиторским возможностям.

Новации в академическом певческом стиле проявились в исполнительском универсализме, отражающем общественную эстетическую установку на массовое пение во время шествия демонстраций, политических собраний, митингов (где политические речи чередовались с пением революционных песен), во время военно-шефских концертов, строевых смотров (организованных хоровых массивов, число участников которых доходило до десятка тысяч человек).

В этот период создавались новые темы произведений, пропагандирующих художественные идеалы передового класса и идею национально-патриотического самосознания. Соответственно, в обществе сформировалась негативная позиция в отношении церковно-дворянского хорового искусства, в связи с чем из репертуара профессиональных и самодеятельных хоровых коллективов на долгое время исчезли произведения духовной русской классики.

В композиторской технике хоровых сочинений принципиальным стало изменение подхода к акапельным традициям хорового пения, которое вскоре заменили произведения с сопровождением. "В 1926 году, — пишет Л. Шамина, — состоялась Первая конференция по вопросам музыкально-просветительской работы. На ней впервые был поставлен вопрос о создании массовой музыки и массовой песни,

близкой народу. В репертуаре хоровой самодеятельности зазвучали новые произведения на современную тему. Это были хоры Д. Василя-Буглая в жанре "агитмузыки", хоровые песни А. Давиденко, Б. Шехтера, М. Коваля, А. Александрова, И. Дунаевского, братьев Д. и Дм. Покрасс, В. Захарова, А. Новикова, В. Соловьева-Седого" [16, с. 8].

Появилась новая форма художественной самодеятельности — хоровой кружок. В целях осуществления ленинского принципа "искусство в массы" кружки создавались на каждом предприятии и заводе, в каждом учебном заведении, во Дворцах культуры, и сельских клубах, создавались порой стихийно и на кратковременный срок к торжественному собранию, юбилейному празднеству и т. д.

Послевоенные годы в хоровом искусстве отмечены началом качественного роста профессионального хорового исполнительства. С этого момента, во-первых, начинают популяризоваться сокровищницы отечественной и зарубежной хоровой классики, во-вторых, хоровые коллективы возвращаются к основам русской академической школы пения, пению без сопровождения. В этом направлении были сделаны значительные успехи. Самодеятельное творчество, меняя ориентиры, также начинает делать шаги в сторону профессионализации искусства, осваивая методы работы, организационную структуру, творческие приемы выдающихся хормейстеров. Доказательством являются победы отечественных самодеятельных коллективов на международных фестивалях и конкурсах. Так, на Втором фестивале в Будапеште (1949) первое место среди лучших любительских хоров зарубежных стран занял коллектив Московского автомобильного завода им. И. А. Лихачева (руководитель А. Рыбнов). На Третьем — в Берлине (1951) — хорошо выступал хор рабочих Ленинграда (руководитель И. Полтавцев); на Четвертом фестивале в Бухаресте (1953) первое место завоевал хор Московских студентов (ру-

ководитель В. Соколов). На Шестом в Москве (1957) призовое место занял хор Одесской консерватории (руководитель К. Пигров); на Седьмом в Вене (1959) успешно выступил Уральский молодежный хор Свердловска (руководитель В. Серебровкий); на Восьмом в Хельсинки (1962) высокую оценку получили женский вокальный ансамбль "Лайне" из Эстонии и молодежный хор "Рига".

В 1972 году на Таллинском фестивале-конкурсе, куда съехались хоры из тринадцати советских республик и зарубежья (Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, Чехословакии, Финляндии), двенадцать из шестнадцати медалей завоевали советские участники песенного праздника. И в дальнейшем любительские коллективы академического направления продолжают участвовать и удостаиваться наград на международных конкурсах в Венгрии, Италии, Чехословакии, Англии. Среди лауреатов международного конкурса можно назвать Московский хор молодежи и студентов, хор студентов Ленинградского технологического института, камерные хоры Ленинградского Дома культуры пищевой промышленности, хорового общества Горьковской области.

Политические изменения в современном мире соответствующим образом повлияли и на хоровую культуру. На смену самодеятельным хоровым коллективам заводов и фабрик пришли церковные и монастырские любительские хоры. С каждым годом самодеятельных коллективов становилось больше и больше. Многотысячная плеяда хормейстеров, выпускников училищ, институтов, консерваторий шла работать с любителями хорового искусства. В этот период художественная самодеятельность получила действительно широкое массовое развитие.

Трудно выделить лучшие из них при такой масштабности и количестве коллективов. Назовём лишь общепризнанные и любимые в столице и сибирских городах.

Московский хор молодежи и студентов, организован в 1948 году по инициативе и непосредственном участии В. П. Мухина, объединивший студентов различных институтов города Москвы (отсюда первое название — Хор московских студентов). С 1953 года художественным руководителем его становится Б. Г. Тевлин. С 1961 года участниками хора стали молодые рабочие и старшеклассники, учителя и врачи.

Основной целью создания молодежного хора было привлечь к культуре широкие слои населения учащихся и рабочих города Москвы. Высокая певческая культура, тонкий художественный вкус, безукоризненная интонация, интересные программы отличают данный коллектив. В его репертуаре: русская и зарубежная классика, обработки народных песен и современные произведения. Важными страницами творческого пути хора явились победы на отечественных и Международных конкурсах: золотая медаль на конкурсе IV Всемирного фестиваля молодежи и студентов (Румыния, 1953); на XVIII конкурсе полифонических хоров имени Гвидо д. Арещо (Италия, 1970); на международном конкурсе «Таллин-72» (золотая медаль и Большой приз); золотая медаль на VIII Международном конкурсе в Варне (Болгария, 1975); на XXVIII Международном конкурсе в Корке (Ирландия, 1981) коллектив также завоевал золотую медаль и «Гран-при».

Студенческий хор высшего технического университета им. Баумана «Гаудеамус» (руководитель В. Л. Живов) создан в 1968 году на базе факультативных ансамблей. В 1972 году на Всесоюзном фестивале студенческих ансамблей в г. Саратов он занял I место. В 1977 году на Всесоюзном фестивале самодеятельного художественного творчества хор получил звание лауреата и был награжден Дипломом I степени, в том же году он удостоен звания «Народный коллектив». В 1981 году хор становится лауреатом Междуна-

родного фестиваля студенческих хоров в Будапеште, а в 1988 году — лауреатом международного хорового фестиваля в Братиславе (Словакия). За большие заслуги в развитии студенческого творчества среди молодежи коллектив в 1982 году удостоивается звания лауреата премии Ленинского комсомола. Фирма «Мелодия» выпустила первый диск-гигант коллектива в 1983 году. Жюри и пресса единодушно отмечают стабильно высокий исполнительский уровень и профессионально-конкурентную способность хора «Гаудеамус».

Студенческий хор Новосибирского электротехнического института (художественный руководитель и дирижер А. А. Париман).

В 1964 году Ю. А. Брагинский организовал лучший из любительских хоров города Новосибирска, носящего теперь его имя. В 1967 году хор стал лауреатом Всесоюзного фестиваля самодеятельного творчества. В 1975 году на IV Межреспубликанском конгрессе хоров коллектив получил звание лауреата. На зональном конкурсе хоров Урала и Сибири в городе Томске он удостоивается звания лауреата и Диплома I степени. В репертуаре хора сочинения сибирских композиторов, русских и зарубежных авторов разных эпох.

Хор Кемеровского университета (художественный руководитель и дирижер О. И. Шабалин). Выпускник Новосибирской консерватории Д. С. Шабалин (класс Ю. А. Брагинского), по примеру своего учителя, организовал любительский хор на базе университета Кузбасса в 1986 году. За короткое время коллектив приобрел известность в городе и области, постоянно выступая с концертами, принимая участие в фестивалях и конкурсах.

Постоянно действующие любительские хоры, объединяющие исполнителей в художественные коллективы для совместного творчества, существовали по всей России, в том числе и в Красноярске. Сегодня в Красноярском крае большое количество хоро-

вых, танцевальных, литературно-художественных коллективов. В связи с появлением фабрики музыкальных инструментов стала развиваться клубная самодеятельность. В Красноярске до революции было три клуба. Самым популярным слыл клуб железнодорожных мастерских им. К. Либкнехта. Открывались дома рабочей молодежи, в которых ставились спектакли, давались концерты.

Началом развития любительского хорового пения послужил приезд в 1897 году выпускника Придворной капеллы Павла Иосифовича Иванова-Радкевича. При поддержке творческой интеллигенции он пропагандировал музыкальное искусство, организуя хоры во всех учебных заведениях города (духовной, женской семинариях, ремесленном и железнодорожном училищах).

В послеоктябрьский период самодеятельное творчество было популярным и любимым среди населения города. В 1940 году в крае насчитывалось 1762 клубных учреждения всех ведомств. Статистические цифры указывают, что в художественной самодеятельности занималось 22,5 тысячи человек.

Много интересных хоровых коллективов родилось именно в этот период: народная хоровая капелла Красноярского ДОКа (художественный руководитель и дирижер П. К. Марченко), лауреат международных конкурсов Красноярский хор учителей (художественный руководитель и дирижер Г. А. Шахраманян), лауреат международных конкурсов детско-юношеский хор «София» (художественный руководитель и дирижер Ольга Карловна Русакова), молодежный ансамбль духовной музыки «Неувядаемый цвет» (руководитель К. Русяев). Из фольклорных коллективов назовем народный хор под руководством К. М. Скопцова, ансамбль песни и танца «Сибирские зори» (руководитель А. И. Хлопков), ансамбль песни и танца «Метелица» (руководитель

С. А. Савоськин), ансамбль «Енисеюшка» (руководитель Н. А. Шульпеков).

О женском хоре учителей Краевого Дома работников просвещения, лауреата двух международных конкурсов в Германии и Италии, написано немало. Этот хор — всеми признанный, любимый городской хор, радующий слушателей интересными программами, яркими красками исполнения. Коллектив создан в 1979 году выпускником Азербайджанской государственной консерватории г. Баку Г. А. Шахраманяном. В начале это был камерный хор, а с 1991 года он стал называться «Хор учителей при Красноярском Доме Просвещения». Сегодня в его составе около 50 певцов. В хоре поют учителя музыкальных и общеобразовательных школ. В программе хора русская и зарубежная, светская и духовная музыка.

Любительское хоровое искусство в общественно-музыкальную жизнь нашей страны вошло безоговорочно и прочно. Его исторический выбор определился в том смысле, что оно является вполне самостоятельным явлением в духовной жизни России и потребностью самовыражения человека. Представить себе хоровое искусство без сподвижников и энтузиастов хорового дела, без любительских капелл просто невозможно. Расцвет хорового исполнительства связан с прогрессивными мероприятиями в области хорового образования и воспитания народа. Это — организация всевозможных фестивалей и конкурсов, творческих союзов, праздников песни, создание новых интересных певческих коллективов и т. п. Но главным условием возрастания и ценности самодеятельности как искусства будет оставаться стремление к профессионализму, а также требовательность к делу и художественное совершенствование исполнения,

обращение к высокохудожественному репертуару.

Прошедший опыт показал, что невыполнение этих требований влечет за собой творческое бессилие коллектива. Многие хоровые дирижеры, современники "печального опыта", указывали на серьезные недостатки в деятельности некоторых руководителей хоров и методистов послеоктябрьского времени, которые, ратуя за "массовость" в хоровом искусстве, по сути, восставали против "академических" (то есть профессиональных) норм и выступали в защиту посредственных, иногда просто слабых, но зато многочисленных по составу хоров.

Подводя итог вышесказанному, хочется привести слова выдающегося дирижера-хормейстера М. Г. Климова, являющегося руководителем Петербургской академической капеллы им. М. И. Глинки: "Хоровое пение — искусство масс, как возможного вовлечения в него больших коллективов исполнителей, так и по доступности выражения его средствами преимущественно не индивидуальной, а коллективной психической жизни. Вытекающий (возникающий) из одухотворенного исполнения подъем, и пафос настроения исполнителей и слушателей может служить могучим фактором внедрения в сознание масс понятий и идей, наиболее ценных в социальном отношении" [18, с. 43]. Добавим, что сохранение традиций хорового любительского творчества, прошедшего гигантский путь своего развития, является главной задачей современной хормейстерской школы, и способствует не только укреплению национальных традиций, но и защиты общества от бездуховности и безысходности.

1. Свешников А. [Текст] / Александр Свешников // Гордость советской музыки. — М., 1987. — 544 с.
2. Апраксина О. А. Музыкальное воспитание в русской общеобразовательной школе [Текст] / О. А. Апраксина. — М. — Л., 1948. — 148 с.
3. Асафьев Б. О хоровом искусстве [Текст] / Б. Асафьев. — Л., 1980. — 216 с.
4. Асафьев Б. Русская музыка XIX и начала XX века [Текст] / Б. Асафьев. — Л., 1968. — 341 с.
5. Бобыкина И. Московский хор молодежи и студентов [Текст] / И. Бобыкина. — М., 1979. — 134 с.
6. Глумова А. Музыкальный мир Пушкина [Текст] / А. Глумова. — М. — Л., 1950. — 218 с.
7. Горяйнов Ю. Г. Я. Ломакин [Текст] / Ю. Горяйнов. — М., 1984. — 231 с.
8. Земной поклон [Текст]. — Красноярск, 1998. — 242 с.
9. Ильин В. Очерки истории русской хоровой культуры [Текст] / В. Ильин. — М., 1985. — 424 с.
10. Кеериг О. Хороведение: Учебное пособие [Текст] / О. Кеериг. — СПб.: СПбГУКИ, 2004. — 337 с.
11. Никольская-Береговская К. Развитие школы хорового пения в России [Текст] / К. Никольская-Береговская. — М., 1974. — 80 с.
12. Одоевский В. Музыкально-литературное наследие [Текст] / В. Одоевский. — М., 1956. — 526 с.
13. Птица К. Мастера хорового искусства в Московской консерватории [Текст] / К. Птица. — М., 1970. — 120 с.
14. Романовский Н. Из прошлого русской хоровой культуры [Текст] / Н. Романовский // Хоровое искусство. Вып. 2. — Л., 1971. — с. 53-66.
15. Становление и развитие национальных традиций в русском хоровом искусстве [Текст]. — Л., 1982. — 115 с.
16. Шамина Л. В. Работа с самодеятельным хоровым коллективом [Текст] / Л. В. Шамина. — М., 1983. — 174 с.
17. Шамина Л. В. Развитие хоровой самодеятельности в СССР (1978-1984 гг.) [Текст] / Л. В. Шамина // Обзорная информация. — М., 1985. — 176 с.
18. Шереметьева Н. М. Г. Климов — дирижер Ленинградской академической капеллы [Текст] / Н. Шереметьева. — Л.: Музыка, 1983. — 134 с.

The article analyzes the specific features of amateur choral art. The author examines the features arising from the organizational foundations of the choral amateur movement, which open wide opportunities for participation in the choir. In conclusion, it is concluded that the distinctive feature of amateur singing is the combination of mass character and high level of performing skills of the choir and its participants. It is emphasized that some domestic collectives show a fairly high, almost professional level and conduct intensive concert activity.

Keywords: choral art; amateur singing, culture, collectives, Russia

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Д. А. Мусеев

Особенности производства керамид в IX-X вв. в Крыму и его связи с черепичным делом Тамани, Грузии и Нижнего Дона

Статья посвящена развитию технологий производства одного из видов строительной керамики — керамид — в юго-западном Крыму, и связям производственной традиции этого региона с Таманью, Нижним Доном и Грузией. Для анализа технологии выбрана одна из подгрупп керамического теста гончарного центра Суаткан, которая производилась в конце VIII — начале IX в. и вышла из употребления не позднее конца IX — начала X в. Изучение следов производственного процесса, оставленных на керамидах штамповкой в деревянных матрицах, а также анализ элементов морфологии позволили уточнить хронологию материала и выявить наличие фундаментальных ремесленных связей Крыма с Таманью, Нижним Доном и Грузией.

Ключевые слова: строительная керамика, керамиды, производство, ремесло, Крым, Таманский полуостров, ремесленная метка.

Материальная культура производства средневековой строительной керамики в Крыму окончательно сформировалась ориентировочно к IX-X вв. Для неё характерно использование деревянных матриц и «тыльного способа» производства [7, с. 183-184, рис. 5, П]. Уверенно можно сказать, что это время, он ещё полностью не оформился, но заканчивал стадию становления (к примеру, ещё не до конца сложились верхние борты). Вместе с тем, благодаря «тыльному способу» можно уверенно говорить об аналогичности производственной традиции в IX-X вв. в Крыму, на Таманском полуострове, Нижнем Дону, в северо-восточном Причерноморье и Грузии.

Однако при изучении такой черепицы становится ясно, что только Крым и Тамань имеют достаточное сходство и

взаимные аналогии [11, с. 372]. Отметим, что проблема связей между строительной керамикой разных регионов Причерноморья является сложной и многоуровневой: так, к примеру, кроме связей с Крымом на Тамань оказала заметное влияние традиция производства черепиц Грузии [12, с. 287; 24, с. 275-276, ил. 25, 4]. В свою очередь, черепицелательное ремесло юго-западного Крыма сыграло определённую роль в возникновении производства строительной керамики на Нижнем Дону [21, с. 122-123, 126-127].

Специальных работ по истории технологий этого ремесла в средневековом Крыму нет [7, с. 182-185; 8, с. 172-176; 9, с. 285-287; 17; 19; 25, с. 117-153; 26, с. 156-163; 27, с. 25-28, 53-56, 94-104, 147-152]. Также на данный момент недостаточно изучены связи

Крыма с другими регионами — в большинстве случаев имеются формальные сравнения с Грузией, Болгарией или Таманью [1, с. 26-28; 2, с. 215-216; 17, с. 104]. При этом ситуация с другими регионами выглядит не лучше: во всех случаях материалы только начинают вводиться в научный оборот [4, с. 412, 422; 21, с. 101-104, 111-113, 119-139, 140-147; 22, с. 210-211; 23, с. 190-191; 24, с. 275-276]. Хотя грузинская черепица известна достаточно хорошо, но языковой барьер мешает использованию этих материалов в русскоязычной историографии [2, с. 215; 11, с. 372-373; 12, с. 276, 287, ил. 25, 4].

Методика настоящего исследования строится на систематизации морфологических признаков керамид, как наиболее распространённых и хорошо изданных находок. Работа включает анализ оформления верхних и нижних углов, фиксации следов брака матриц и ремесленных меток. Следы брака (поломки и ремонта) на матрицах позволяют, в известной мере, реконструировать сам производственный процесс, выявить его наиболее слабые и «бракоопасные» стороны и проследить пути решения проблем древними ремесленниками.

Источниковедческой базой исследования являются находки, из раскопок печей гончарного центра в балке р. Суаткан (юго-западный Крым), черепица из раскопок Таманского городища [22, с. 519, рис. 129, 1-2], Фанагории [4, с. 412, 422; 23, с. 189-190], ПЦГ, Грузии, Армении и Абхазии. При этом, центральное место занимает строительная керамика из раскопок гончарного центра Суаткан. Он располагался на водоразделе между Бельбекской, Ай-Тодорской, Байдарской и Адым-Чокракскими долинами в балке р. Суаткан. Здесь были открыты две гончарные печи для производства строительной керамики (рис. 1). Из слоев разрушения одной из них (№10) массово происходила черепица и плинфы, характерные для комплексов IX-X вв. [7, с. 179], и фрагменты амфор классов 24 и/или 36 по ХК-95 [18, с. 50-52, 60-61, 63-66].

Строительная керамика гончарного центра Суаткан в публикациях материала IX-X вв. определяется группой III [7, с. 177; 14, с. 325]. При изучении комплексов из раскопок гончарной печи группа была разбита на две технологических подгруппы. Несмотря на то, что подгруппы имеют, судя по всему, близкую хронологию в пределах IX-X вв., они заметно отличаются друг от друга керамическим тестом. Кроме разницы в виде и характеристиках формовочной массы, подгруппы имеют морфологические особенности. Ранняя не имеет верхних бортов, а её коленчатые изгибы плохо выражены с внутренней стороны. Керамиды поздней подгруппы имеют верхние борты и хорошо выраженные коленчатые изгибы.

Одной из важнейших особенностей ранних керамид является наличие т. н. «ложного верхнего борта» в виде специфического подреза верхнего края (рис. 2, 1-2, 4-5, 7-8, 13-14). В ряде случаев он может просматриваться как рельефный выступ (закраина) высотой 0,1-0,3 см. (рис. 3, 2-4, 6, 9-12, 14-15), в том числе, и треугольной формы (рис. 3, 9, сечение D).

Черепицы с «ЛВБ» занимают промежуточное положение между керамидами «без» и «с» верхним бортом. Аналогии, но с хорошо выраженным, без фиксируемых попыток его скрыть, «ЛВБ» можно обнаружить на черепице из раскопок комплекса мыса Виноградный, который датируется IX — X вв. (рис. 3, 1). Керамида, видимо, определяет переходное общекрымское состояние ремесла перед освоением процесса полного формирования верхнего борта прямоугольной формы, характерным для керамид из раскопок печи №10 поздней подгруппы (рис. 3, 2-3).

Аналогии «ЛВБ» происходят и с ПЦГ, где они известны на керамидах конца VIII — начала IX в. Это время необходимо принять за нижнюю дату появления верхних бортов на керамидах. Подобные аналогии известны также на территории Грузии (рис. 3, 4), что говорит об универсальности явле-

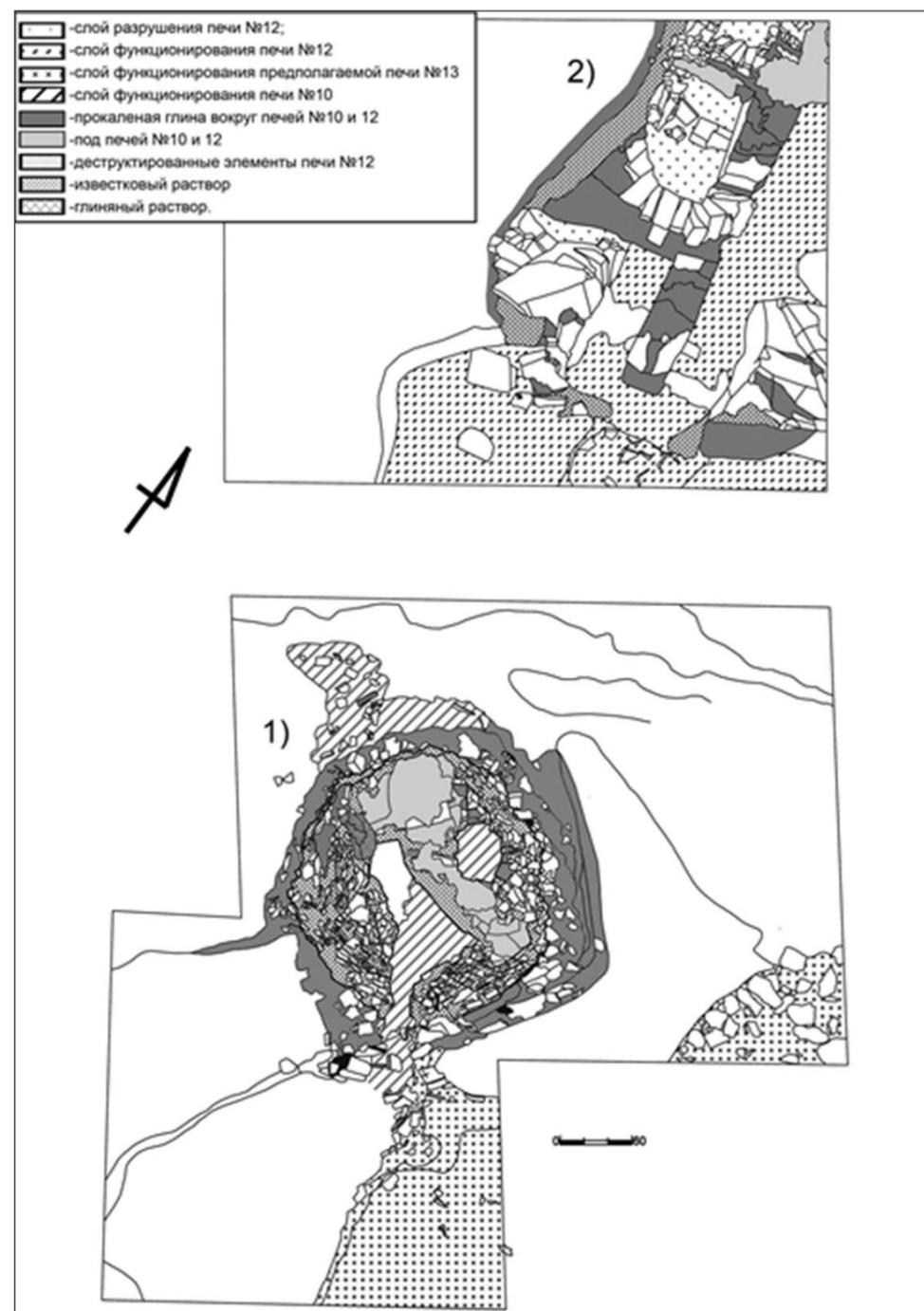

Рис. 1. Гончарный центр Суаткан. Печь №10 (1) и №12 (2)

ния развития черепичной индустрии. Процесс формирования верхних бортов в технологии производства черепицы заканчивается, видимо, к концу IX — началу X в., когда верхние борты фиксируются уже у всех керамид [7, с. 178, рис. 3, 32-36].

Другим важным морфологическим признаком, отражающим процессы становления и оформления «тыльного способа» в юго-западном Крыму, является шов между боковым бортом и полем керамиды и способы его скрыть. Такая особенность зафиксирована ис-

ключительно на керамидах поздней подгруппы (рис. 3, 5-10). На ранних черепицах этот шов не заметен, т. к. он скрывается т. н. «водо-сливным» желобком под основанием бокового борта. Исключение составляют несколько фрагментов, где шов в затёртом виде проглядывает из-под пальцевой промазки (рис. 3, 8, 10). Такие признаки наблюдаются и на грузинской черепице (рис. 4, 5). На керамидах более поздней подгруппы этот шов мастера уже не пытаются скрыть (рис. 3, 11-15). Это же фиксируется и на аналогиях из раскопок ПЦГ (рис. 4, 1-3) и из раскопок храма в урочище Еди-Евлер (рис. 4, 4).

Коленчатые изгибы, в отличие от швов и «ЛВБ», не являются случайными признаками или браком. На их отличие в материалах раннесредневекового времени и возможные хронологические особенности обра-

щали внимание многие исследователи [14, с. 325; 27, с. 27]. Керамиды из раскопок печи №10 имеют отличные по строению и форме коленчатые изгибы. На ранних tegulae они повсеместно не выражены с внутренней стороны (рис. 5; 6, 2) и представляют собой небольшой уступ под 1000-1350 с внешней стороны борта. Такие коленчатые изгибы известны также на керамидах Тамани, но в этом регионе они являются либо импортом из Южного Кавказа [11, с. 372-373], либо позднеримской-ранневизантийской «примесью снизу» [23, с. 191].

Кроме Суаткана, керамиды с плохо выраженным коленчатым изгибом с внутренней стороны известны из раскопок Мангупского городища (из Лагерной балки [7, с. 178-179, рис. 3, II, 32-36], Крестообразного хра-

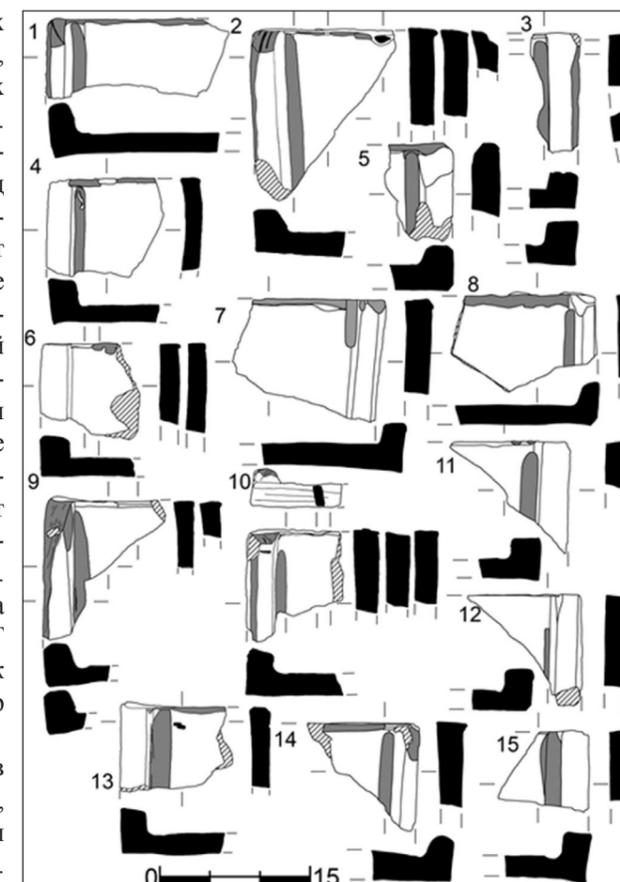

Рис. 2. Керамиды с «ЛВБ» из слоя разрушения печи №10 гончарного центра Суаткан, группа III, подгруппа 2.

ма [13, с. 229, рис. 5, 1-5]) и из раскопок Западного загородного храма Херсонесского городища [16, с. 244, рис. 7, 1].

Изготовление коленчатого изгиба с плохо выраженной внутренней частью получило распространение в юго-западном Крыму ещё в римское и ранневизантийское время. Собственно, эту традицию можно назвать римской. В ранний период такие коленчатые изгибы были хорошо известны на керамидах Херсонеса [5, с. 258, рис. 5, 1; 8, с. 168-169, 183, рис. 3, I], но впоследствии они были заменены другой, более сложной формой. Видимо, в Грузии вплоть до IX-X вв. они по каким-то причинам сохраняются в качестве рудиментов античных и позднеримских технологий. В это же время в Крыму они почти полностью утрачиваются, кроме гончарного центра Суаткан.

Наиболее сложным морфологическим элементом деревянной матрицы

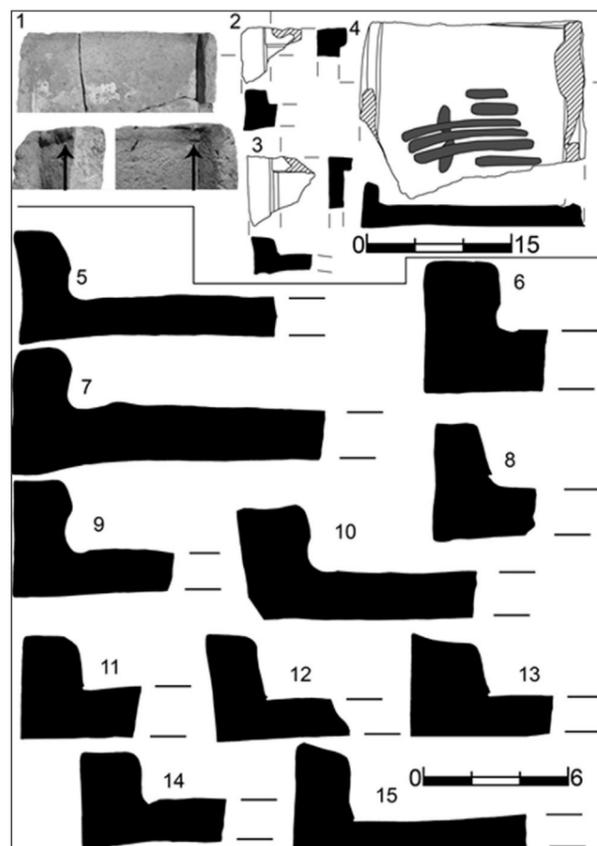

Рис. 3. Керамиды: 1 — керамида с «ЛВБ» из раскопок комплекса на м. Виноградный Т. Ю. Яшаевой; 2 — керамида с верхним бортом (Суаткан); 3 — керамида с «ЛВБ», коллекция П. Д. Барановского (Грузия), МГОМЗ кп16077/88-и/8806; 5-10 — сечения боковых бортов с пальцевой промазкой (Суаткан); 11-15 — сечения боковых бортов с швом между полем керамиды и боковым бортом (Суаткан).

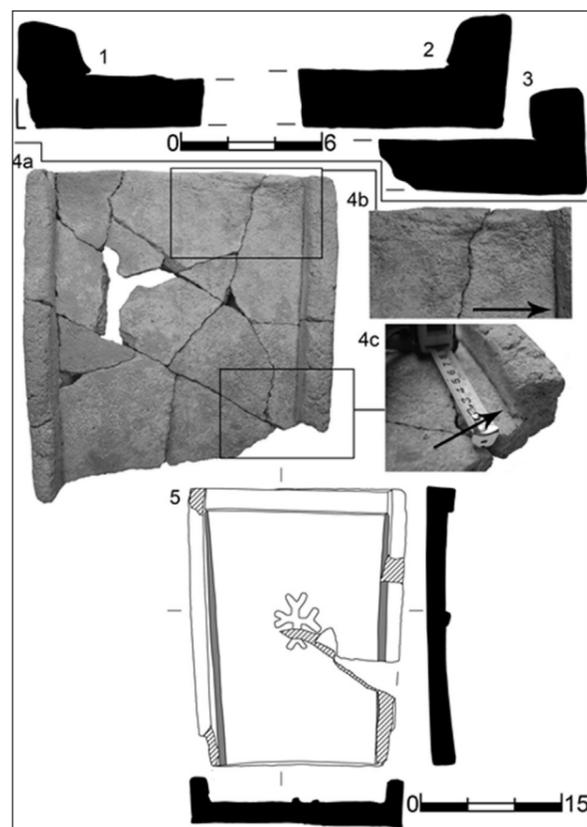

Рис. 4. Керамиды: 1-3 — сечения боковых бортов с швом между полем керамиды и боковым бортом на черепице (ПГЦ); 4 — керамида с швом между полем и боковым бортом из раскопок храма в урочище Еди-Евлер И. Б. Тесленко; 5 — керамида с верхним бортом и пальцевыми промазками под основанием бокового борта, коллекция П. Д. Барановского (Грузия), МГОМЗ кп16077/11-и/8729.

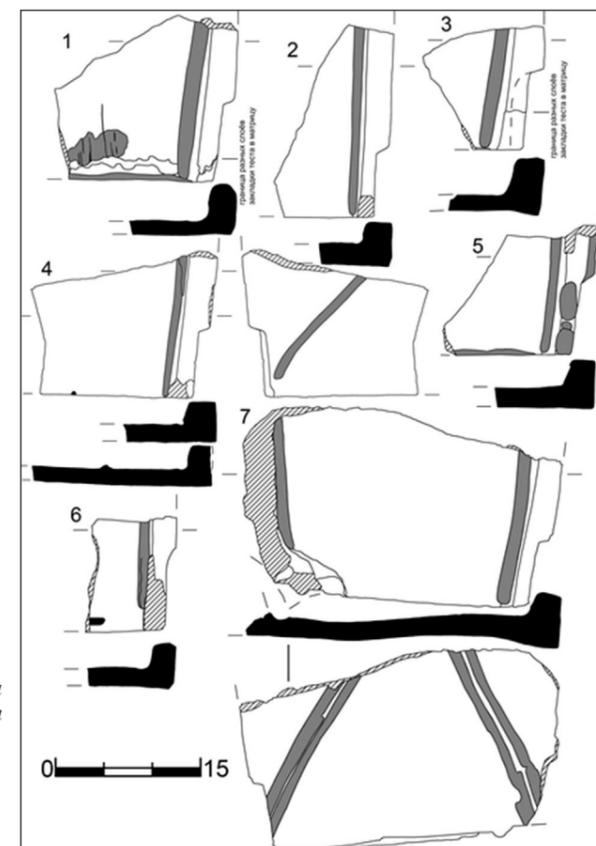

Рис. 5. Керамиды с плохо выраженными нижними углами.

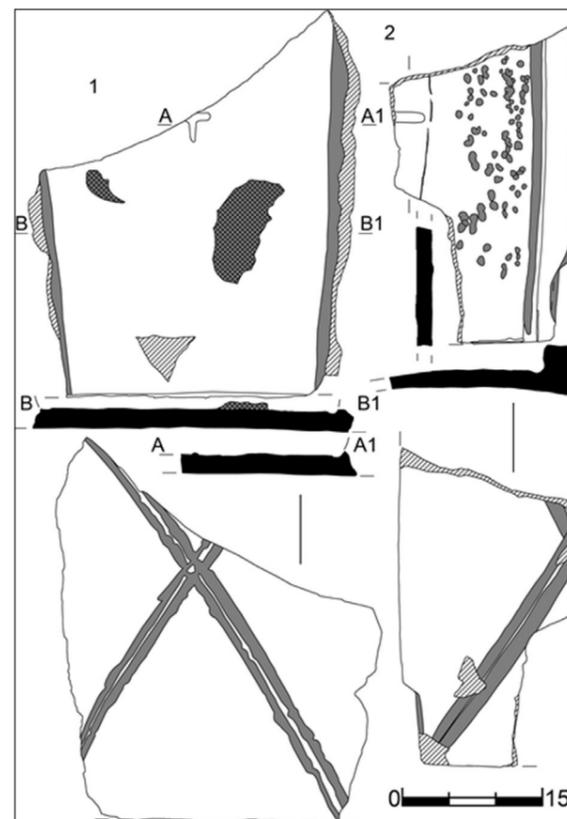

Рис. 6. Керамиды с плохо выраженными нижними углами.

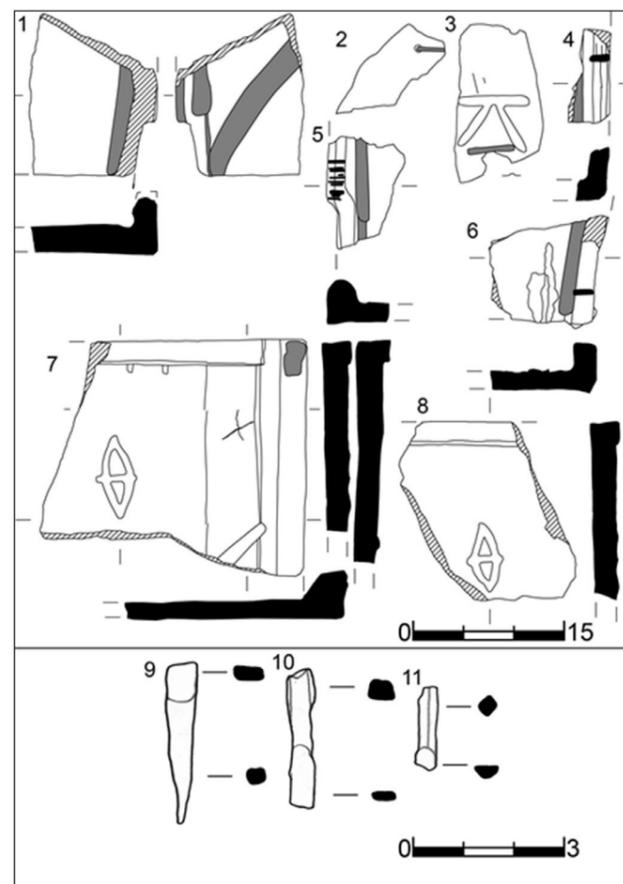

Рис. 7. Керамиды: 1 — керамида с плохо выраженным нижним углом, коллекция П.Д. Барановского (Грузия), МГОМЗ кп16077/118-и/8836; 2-6 — следы ремонта матриц на керамиде (Суаткан); 7-8 — керамида с ремесленной меткой «Ф» (Суаткан); 9-11 — неиспользованные скобы для ремонта матриц (Суаткан).

для анализа являются ремесленные метки. Материалы из раскопок гончарного центра Суаткан дают возможность рассмотреть три аспекта проблемы: устройство матриц, количество матриц в производстве и дополнительные метки-граффито.

К сожалению, изучение печи №10 не дало достаточного количества ремесленных меток. Но раскопки более поздней печи №12 выявили достаточно большой комплекс однотипных керамид с ремесленной меткой в виде буквы «Ф» (67,32% всех находок керамид) (рис. 7, 7-8; 8, 1). Хотя эта черепица датируется в пределах X-XIII вв., устройство её матрицы мало чем отличалась от более ранних аналогов. Для этих черепиц удалось собрать две археологически целые фор-

мы. Статистический анализ комплекса позволил предположить, что керамиды с меткой «Ф» обжигались в этой печи накануне её разрушения. Таким образом, древние мастера заложили на обжиг в печь однородную партию керамид, отмеченных одной ремесленной меткой и изготовленных из одного теста. Это говорит о том, что печь обслуживала одну мастерскую, с одной меткой на определённом промежутке времени. Эти данные делают несостоятельными выдвинутые несколько ранее интерпретации ремесленных меток: а) знак очередности использования матриц в производственном процессе [19, с. 95-96]; б) маркировка для закладки в печь для обжига [17, с. 103-110].

Для керамид с меткой «Ф» одноматричных tegulae найдено не было. У каждой находки этого типа есть небольшие отличия в расположении и форме меток и водосливных валиков. Верность описанного наблюдения подтверждают и другие примеры. Во-первых, керамиды с ремесленной меткой в виде надписи «ΘΕΟΔΟΡΑΚΗΝΟ» (изготовлена из группы II [7, с. 177; 14, с. 325]) из раскопок поселения около крепости Фуна [3, с. 323-324], поселения на плато Тепсень [1, с. 113; 6, с. 211; 27, с. 68, 71], Херсонеса [27, с. 68, 71] и Фанагории [23, с. 189-190; 4, 2010, с. 422, рис. 33, 8-9]. Ремесленная метка формы сложная, имеет свои небольшие отличия на каждой находке. Их невозможно объяснить иначе как изготовлением в похожих, но разных матрицах. Во-первых, обращает на себя внимание начертание буквы «Ф»: хорошо выраженный овал, разделённый в пропорции 1/3 переключиной, значительно [4, с. 422, рис. 33, 8-9; 23, с. 519, рис. 129, 2] или незначитель-

но выходящей за его границы [1, с. 113, рис. 38, 3; 6, с. 209, 4; 23, с. 519, рис. 129, 1; 27, с. 70, рис. 42, 36], либо плохо прорисованной буквой «Ф» без [27, с. 70, рис. 42, 37], либо со слабо выраженной переключиной [3, с. 350-351, рис. 13, 3 рис. 14, 1] или без неё [3, с. 350-351, рис. 13, 4 рис. 14, 2; 27, с. 70, рис. 42, 37]. Во-вторых, прорисовка буквы «Д» — от хорошо выраженной с нижней переключиной и зарубками на ней [23, с. 519, рис. 129, 1] до небрежной [3, с. 350-351, рис. 13, 3, рис. 14, 1; 27, с. 209, рис. 118, 4; 4, с. 422, рис. 33, 9] до её полного отсутствия [6, с. 209, 4; 25, с. 113, рис. 38, 3; 23, с. 519, рис. 129, 1; 27, с. 70, рис. 42, 36].

Несмотря на то, что tegulae из печи №12 производились в разных матрицах, они всё-таки показывают достаточно высокую стандартизацию. Кроме расположения меток и водосливных валиков в пользу этого говорит и расположение швов поля матриц (рис. 7, 3, 7; 8, 1). Дополняют такой вывод небольшие продольные валики длиной до 0,9 см и шириной до 0,5 см под верхним бортом (рис. 7, 7; 8, 1), которые могут находиться на оси шва и соединяться с ним (рис. 8, 1). Такие же следы брака обнаружены на других керамиде из раскопок печи №12 (рис. 8, 2) и на черепицах ранней подгруппы теста из пода печи №10 (рис. 6, 2) и из слоя разрушения печи №10 (рис. 7, 3). Видимо, такой брак является типичным для «тыльного способа» в целом. Скорее всего, он образовывался в результате износа соединений планок дна матрицы. Из-за этого часто образовывались швы, которые приходилось скреплять скобами, использование которых хорошо прослежено в материалах печи №10 (рис. 7, 2, 4-6). Отметим, что во время исследования печи

№10 были обнаружены несколько железных заостренных пластин, которые, видимо, необходимо интерпретировать как неиспользованные скобы для ремонта матриц (рис. 7, 9-11).

Другим важным признаком являются метки на тыльной стороне керамид ранней подгруппы (рис. 5, 4, 7; 6). Они представляют собой линии (далее — граффити «диагональный крест»), проведённые двумя пальцами и расчерчивающими тыльную сторону tegulae по диагонали, пересекаясь в центре изделия. Это своеобразное граффити имеет аналогии из раскопок крестообразного храма Мангупского городища [13, с. 229, рис. 5, 1]. Подобные аналогии известны и на территории Грузии (рис. 7, 1).

Наличие широкого круга аналогий даёт возможность реконструировать историю черепицелательного ремес-

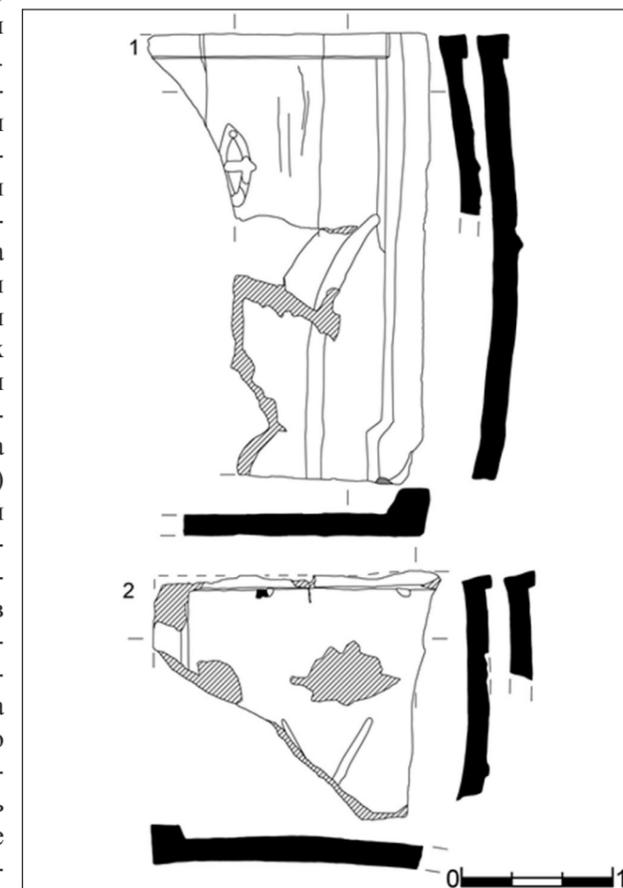

Рис. 8. Керамиды: 1 — с ремесленной меткой «Ф» (Суаткан); 2 — керамида со следами брака матрицы под верхним бортом (Суаткан).

ла в юго-западном Крыму и выделить наиболее универсальные черты общей для региона традиции производства строительной керамики. Кроме этого, аналогии доказывают наличие торговых связей на примере черепиц с рельефной меткой «ΘΕΟΔΟΡΑΚΗΝΟ» и, что наиболее важно, культурно-технологических взаимодействий черепичных традиций Крыма, Тамани, Нижнего Дона, северо-восточного Причерноморья и Грузии.

К IX-X вв. материальная культура строительной керамики юго-западного Крыма мало чем отличалась от Таманского полуострова. Единственной серьёзной особенностью Тамани в этом плане был её трансграничный характер: здесь, очевидно, существовало своё местное производство, но, вместе с тем,

были широко распространены керамиды из юго-западного Крыма, значительная доля приходилась на импорт из Грузии. В это время фиксируются значительные изменения в ремесле, начавшиеся не позднее конца VIII — начала IX в. и закончившиеся не позднее конца IX — начала X в. Результатом такого прогресса становится окончательное оформление керамид в классической форме: с верхним и боковыми бортиками, метками и водосливными валиками и хорошо выраженными коленчатыми изгибами. совершенствуется технология производства, повышается мастерство ремесленников и общее качество продукции. Очевидно, что регион в это время переживает экономический подъём.

1. Бабенчиков В. П. Средневековое поселение близ села Планерское (Раскопки 1949-1951 годов) [Текст] / В. П. Бабенчиков // КСИИМК. — Вып. — XLIX. — М.: Издательство Академии наук СССР, 1953. — С. 104-116

2. Завадская И. А. Проблемы интерпретации рельефных меток на средневековой черепице Крыма [Текст] / И. А. Завадская // МАИЭТ. — Симферополь: Издательство КФУ им. В. И. Вернадского, 2015. — Вып. XX. — С. 213-232

3. Кирилко В. П. «Новые» археологические памятники средневековой Фуны [Текст] / В. П. Кирилко // Археологический альманах. — № 33. — Киев: Видавель Олег Філюк, 2015. — С. 318-365

4. Кузнецов В. Д., Голофаст Л. А. Дома хазарского времени в Фанагории [Текст] / В. Д. Кузнецов, Л. А. Голофаст // Проблемы истории, филологии, культуры. — № 1 (27). — М.-Магнитогорск, Новосибирск: ООО «Аналитик», 2010. — С. 393-428

5. Кутайсов В. А., Труфанов А. А. Бассейн под четырёхкапсидным храмом в Херсонесе (раскопки 1977-1979 гг.) [Текст] / В. А. Кутайсов, А. А. Труфанов // История и археология Крыма. — Вып. I. — Сборник статей, посвященный 100-летию со дня рождения Олега Ивановича Домбровского. Симферополь: Бизнес-Информ, 2014. — С. 234-280

6. Майко В. В. Средневековое городище на плато Тепсень в юго-восточном Крыму [Текст] / В. В. Майко. — Киев: Академперіодика, 2004. — 316 с.

7. Моисеев Д. А. Археологический комплекс строительной керамики IX-X вв. из раскопок поселения в Лагерной Балке (Мангуп) [Текст] / Д. А. Моисеев // Древности. 2011. — Харьков: ООО «НТМТ», 2011. — Вып. 10. — С. 172-190

8. Моисеев Д. А. Ранневизантийская черепица из раскопок цистерны в центральном нефе базилики «Крузе» в Херсонесе [Текст] / Д. А. Моисеев // МАИЭТ. — Симферополь: Издательство ТНУ им. В. И. Вернадского, 2013. — Вып. XVIII. — С. 162-186

9. Моисеев Д. А. Керамиды «хазарского» и «фемного» времени из раскопок Илькинско-го производственного центра [Текст] / Д. А. Моисеев // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк: ДонНУ, 2014. — Т. 12: Хазарское время. — С. 277-318

10. Моисеев Д. А. Комплекс строительной керамики XIV в. из раскопок христианского храма в округе горы Илька [Текст] / Д. А. Моисеев // МАИЭТ. Симферополь-Керчь: Керченская городская типография, 2014. — Вып. XIII. — С. 278-310

11. Моисеев Д. А. Строительная керамика Крыма и Кавказа средневизантийского времени: сравнительный анализ морфологии изделий [Текст] / Д. А. Моисеев // Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Москва, 21-25 апреля 2014 г. — М.: ИА РАН, 2014. — С. 372-374

12. Моисеев Д. А. Приложение Описание средневековой черепицы из раскопок таманского городища в коллекции Института Археологии РАН [Текст] / Д. А. Моисеев

// Труды Государственного Эрмитажа. Спб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2017. — Т. 86.: Монументальное зодчество Древней Руси и Восточной Европы эпохи Средневековья. — С. 286-288.

13. Мыц В. Л. Крестообразный храм Мангупа [Текст] / В. Л. Мыц // СА. М.: Наука, 1990. — №1. — С. 224-242

14. Науменко В. Е. Раскопки раннесредневекового поселения у подножия Мангупа [Текст] / В. Е. Науменко // Бахчисарайский историко-археологический сборник. — Симферополь: Таврия, 1997. — Вып. 1. — С. 324-340

15. Паршина Е. А. Средневековая керамика Южной Таврики [Текст] / Е. А. Паршина // Феодальная Таврика. — К.: Наук. думка, 1974. — С. 56-94.

16. Романчук А. И. Западный загородный храм Херсонеса [Текст] / А. И. Романчук // ВВ. М.: РАН, 1990. — Т. 51. — С. 165-171

17. Романчук А. И. Строительные материалы византийского Херсона [Текст] / А. И. Романчук — Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2004. — 238 с.

18. Романчук А. И., Сазанов А. В., Седикова Л. В. Амфоры из комплексов византийского Херсона [Текст] / А. И. Романчук, А. В. Сазанов, Л. В. Седикова. — Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1995. — 170 с.

19. Сидоренко В. А. Метки — аббревиатуры и монограммы на черепице памятников средневекового Херсона [Текст] / В. А. Сидоренко // АДСВ. Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1985. — Вып. 22. — С. 93-101

20. Симонова Т. И. Метки на черепице кровли дома XIII-XIV вв. [Текст] / Т. И. Симонова // АДСВ. Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1980. — Вып. 17. — С. 104-120

21. Флёров В. С. Строительные материалы византийского происхождения в хазарских крепостях Нижнего Дона [Текст] / В. С. Флёров // Калинина Т. М., Флёров В. С., Петрухин В. Я. Хазария в кросскультурном пространстве. Историческая география. Крепостная архитектура. Выбор веры. — М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2014. — С. 101-158

22. Чхаидзе В. Н. Таматарха [Текст] / В. Н. Чхаидзе — М.: ТАУС, 2008. — 328 с.

23. Чхаидзе В. Н. Фанагория в VI — X вв. [Текст] / В. Н. Чхаидзе — М.: Триумф принт, 2012. — 590 с.

24. Чхаидзе В. Н., Виноградов А. Ю., Ёлшин Д. Д. Средневековый храм на Таманском городище и его архитектурный контекст [Текст] / В. Н. Чхаидзе, А. Ю. Виноградов, Д. Д. Ёлшин // Труды Государственного Эрмитажа. — Спб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2017. — Т. 86.: Монументальное зодчество Древней Руси и Восточной Европы эпохи Средневековья. — С. 257-285

25. Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес (XII-XIV вв.) [Текст] / А. Л. Якобсон // МИА. — М. — Л.: Наука, 1950. — Вып. 17. — С. 117-153

26. Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики [Текст] / А. Л. Якобсон // МИА. — Л.: Наука, 1970. — Вып. 168. — 224 с.

27. Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики [Текст] / А. Л. Якобсон. — М.: Наука, 1979. — 164 с.

The article is about production technology development of one kind of building ceramics — tegulae — in Southwestern Crimea and interactions of production traditions of this region with Taman, Lower Don and Georgia. One subgroup of ceramic mass used in production center Suatkan was chosen for the analysis. This mass was used in the end of VIII — beginning of IX centuries and passed out of use not later than the end of IX — beginning of X centuries. Examination of production process traces left on tegulae after presswork in wooden matrix and analysis of morphological features allowed to specify the chronology of the material and elicit the existence of foundational interactions of Crimean craft with Taman, Lower Don and Georgia.

Keywords: building ceramic, tegulae, producing, craft, Crimea, Taman peninsula, craft mark

В. Я. Лукаш

История общественной мысли в России в первой половине XIX века: славянофилы и западники о путях развития России

Статья посвящена исследованию дискуссий между западниками и славянофилами в контексте переосмысления истории России и истории русской философской мысли в начале XXI века. Поднимается проблема соединения европейских достижений в области науки, техники, культуры с самобытным развитием России, с её историческими и национальными традициями. Автор приходит к выводу о необходимости сохранения и укрепления восточнославянской цивилизации, имеющей богатейшую духовную культуру.

Ключевые слова: история России, XIX век, общество, славянофилы, западники.

«Я предпочитаю бичевать свою родину, предпочитаю огорчить её, предпочитаю унижать её, — только бы её не обманывать»

П. Чаадаев [7]

XIX вошёл в историю России как период зарождения общественно-политического движения и идейной борьбы в российском обществе. Первая половина XIX века характеризуется большинством исследователей как время «философского пробуждения» в развитии русской философии. Понятие «философское пробуждение» точно характеризует значение 30-40-х гг. XIX века для дальнейшего развития философской мысли в России. Оно подчёркивает особую духовно-культурную ситуацию эпохи, в которой философия, наряду с литературой и другими формами культуры, занимает значительное место. Философское пробуждение совпадает во времени с общим подъёмом русской

культуры и является одной из составных частей этого подъёма. Интенсификация философских поисков — такое же знамение времени, как и творчество А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, как и произведения родоначальника русской классической музыки М. И. Глинки, прежде всего его оперы «Иван Сусанин» и «Руслан и Людмила». Общий культурный подъём коснулся также и философии, стал стимулом её развития. Со временем философского пробуждения связаны имена таких видных мыслителей, как И. В. Киреевский, А. С. Хомяков, К. С. Аксаков, Ю. Ф. Самарин, П. Я. Чаадаев, Н. В. Станкевич, В. Г. Белинский, А. И. Герцен и др.

В чём сущность и каковы предпосылки философского пробуждения? Ближайшая из предпосылок связана с победой в войне с Наполеоном, а также с огромным значением, которое имело для всеобщего подъёма культуры творчество А. С. Пушкина.

«Два факта начала века предшествуют зарождению русской мысли и русского самосознания — Отечественная война (1812г.) и явление Пушкина, — отмечает Н. А. Бердяев. — Отечественная война была благодатным потрясением русского народа, в котором на мгновение русский культурный слой Петровской эпохи и слой народный почувствовали себя принадлежащими к одной нации. Русский народ в целом почувствовал себя способным к деянию, имеющему освободительное значение для всей Европы. Русская гвардия вернулась из Западной Европы с большим запасом впечатлений и новыми культурными горизонтами... Народ, в котором явился всеобъемлющий и чарующий гений Пушкина, мог осознать себя способным к великой культуре... русская культура стала наряду с великими культурами Запада» [1, с. 5].

Очевидно, что пробуждение в философии не могло осуществиться вне общекультурного подъёма, как и без всеобщего энтузиазма, вызванного победой над Наполеоном. Однако потребовалось некоторое время, чтобы энтузиазм вылился в формы философских размышлений. Кроме того, философия, конечно, не рождается в одно короткое по историческим меркам мгновение. Предпосылки философского пробуждения следует искать во всём предшествующем развитии отечественной культуры и общественной мысли. Эти предпосылки созревали медленно и во многом противоречиво, в силу, прежде всего, сложностей и трудностей исторического развития России. Однако без них невозможным было бы не только философское пробуждение, но и всё последующее развитие отечественной философии. Особую роль в этом развитии сыграл XVIII в. «XVIII век был, конечно, только «прологом»... философии России, — пишет В. Зеньковский. — Однако различные течения, наметившие уже в XVIII веке, <...> оказались не случайными, — все они проявились позже — уже в XIX веке — в более зрелой и отчётливой форме»

[5, с. 120]. XVIII столетие, прошедшее под знаком петровских преобразований, характеризуется, в первую очередь, проникновением в Россию учёный западного происхождения ранее не известных русскому читателю. Особенно популярными становятся Вольтер, Дидро и другие великие французские просветители. Активно развиваются контакты в области освоения естественно-научных и технических достижений западной Европы. В 1755 г. открывается первый в России университет; ещё раньше (1725 г.) — Академия наук. Академия и университет постепенно становятся центрами науки и просвещения, аналогично тому, как давно уже сложилось в западноевропейских странах. Ярким свидетельством плодотворного усвоения западных идей на российской почве является фигура М. Ломоносова, не только ставшего вровень с выдающимися европейскими учёными, но в ряде отношений превзошедшего их. Впрочем, начиная с эпохи Петра I, работа и самих европейских учёных с мировым именем в России отнюдь не редкость (Эйлер и др.). В большинстве случаев русские ходят пока в учениках у западноевропейцев, и это естественно: не пройдя стадии ученичества невозможно стать мастером. Ученичество, а, следовательно, подражательство особенно заметны в области философской и общественно-политической мысли. Усвоение достижений в этой сфере (в отличие, например, от сферы естественных и технических наук) всегда сопряжено с особыми трудностями. Поэтому неудивительно, что на первых порах философские и общественные идеи Запада усваиваются в большинстве случаев лишь поверхностно.

Несмотря на естественное поверхностное усвоение плодов западноевропейского просвещения и факт приобщённости к нему лишь небольшой части населения — ещё только формирующейся, по преимуществу, дворянской интеллигенции, — значение XVIII в. с точки зрения результатов интенсифи-

кации контактов с Западной Европой следует оценить положительно. Достижения России в этом отношении явились естественным результатом реформ Петра I. Петровские реформы позволили преодолеть культурную самоизоляцию России (которая, впрочем, никогда не была абсолютной) — «в Европу прорубить окно», приобщиться к общеевропейской культуре и цивилизации.

Вместе с тем, отдавая должное огромному значению петровских реформ, их исторической необходимости, нельзя в то же время не учитывать и трагических последствий ускоренной «европеизации» России. Последствия, о которых идёт речь, связаны прежде всего с подрывом основ традиционной культуры Руси, сложившихся под воздействием византийского наследия. Отнюдь, не всё в ней было плохо, отнюдь не всё нуждалось в разрушении. Более того, византийское наследие, особенно в части духовной, представляло собой неоценимое богатство. Оно легло в основу не только российской, но и западноевропейской цивилизации в присущей для каждой из них особенной форме.

Задача «в Европу прорубить окно», по точному выражению А. С. Пушкина, отнюдь не равнозначна задаче уподобить себя Европе, отказаться от всего, что присуще России в качестве особой цивилизации. «Открыть окно» значит наладить контакты и взаимобмен. Очевидно, что последний будет продуктивен тогда, когда партнёры не тождественны друг другу до неразличимости. Тогда они представляют интерес друг для друга, им есть о чём говорить. Однако Пётр I и его единомышленники нередко путали между собой данные две задачи, неоправданно разрушали духовный строй, нравственные и иные ценности предшествующей эпохи. Сегодня, по прошествии большого исторического времени, легко понять мотив петровской нелюбви к ценностям древнего московского уклада. Он, конечно, был связан с остротой и ожесточением борьбы, в которой обе стороны часто

вынуждены были прибегать к недозволенным приёмам с целью очернить и дискредитировать противника. Именно так можно объяснить глумление Петра I над православным духовенством, закрытие множества монастырей, традиционно игравших на Руси роль центров духовной культуры, ликвидацию патриаршества и полное подчинение церкви государству. Эти и иные подобного рода мероприятия диктовались временными задачами политической борьбы за реформы, если исключить эпизоды петровского самодурства, на которое толкало великого преобразователя своеобразие его натуры. Во всяком случае, задача преодоления самоизоляции в стратегической перспективе не предполагает уничтожение собственной самобытной культуры или принесение её в жертву культуре заимствований.

Другим трагическим следствием ускоренной «европеизации» России в XVIII в. стал предопределённый этим процессом характер культурно образованного слоя российского общества — русской интеллигенции. Как уже отмечалось, он формировался под воздействием поверхностно усвоенной и непонятой западной культуры. Усваивалось то, что лежало на поверхности, что было модно, о чём, как казалось, много говорили и писали в Западной Европе. Корни европейской культуры, глубоко лежащие в античности, в ценностях по преимуществу христианского происхождения, не осознавались и не учитывались. Поверхностное усвоение культуры Запада дополнялось полным незнакомством с отечественной культурной традицией. Для интеллигента послепетровской эпохи прошлое Отечества до времени Петровской эпохи как бы перестало существовать или представлялось непроглядной мглой, которую якобы рассеяли лишь Пётр I и просвещённый XVIII век. Отсюда возникало то ощущение существования в «безвоздушном пространстве», беспочвенности, о котором так много впоследствии писали

отечественные мыслители (Н. Бердяев, И. Ильин, Г. Федотов, Г. Флоровский и др.). Положение усугублялось тем, что основная масса, — народ, т. е. крестьянство, составляющее подавляющее большинство населения, продолжало жить, ориентируясь на духовно-культурные образы православно-византийского происхождения.

Пропасть между интеллигенцией и народом не могла быть преодолена через идеализацию народной жизни. Такая идеализация содержала в себе своеобразное «народопоклонство», в котором сам же народ легко обнаруживал ноты фальши и неискренности. Путь действительного преодоления отрыва интеллигенции от народа лежал, конечно, не через отказ от достижений Запада. Он открывался через органическое соединение древней культуры, ведущей своё начало от Византии, а через неё от античности, с достижениями современной западной культуры. Однако большинству европейски образованных людей России XVIII — начала XIX в. духовные сокровища Византии, древней Киево-Новгородской и Московской Руси оказались просто не интересны — не говоря уже о том, что они могли бы влиять на мировоззрение или теоретические построения думающих интеллигентов. Но неизвестное большинству интеллигентов, тем не менее, не исчезло, оно жило, продолжало существовать и оказывать воздействие на духовную жизнь России.

В России родилось необычайно богатое по содержанию и методам действия общественное движение, во многом определившее дальнейшую судьбу страны.

После расправы над декабристами вся общественная жизнь была поставлена под строжайший надзор со стороны государства, который осуществлялся силами третьего отделения, её разветвлённой агентурной сети и доносчиков. Однако это не привело к спаду общественного движения. Напротив, оно ещё более оживилось. Цен-

трами развития общественной мысли стали различные петербургские и московские салоны (домашние собрания единомышленников), кружки офицеров и чиновников, высшие учебные заведения. В 1827 году в Московском университете действовало «Литературное общество 11 нумера», участником которого был В. Г. Белинский. Активную идеологическую работу вели литературные журналы: «Москвитянин», «Вестник Европы», «Отечественные записки», «Современник» и другие, в которых печатались известные люди России, мечтавшие о её процветании.

Так, поэтические и прозаические творения А. С. Пушкина проникнуты пониманием русской жизни, искренней неподдельной любовью к Отечеству. Он живо реагировал на важнейшие общественные и государственные проблемы; его свободолюбивый нрав и всегда остро переживаемые проявления несправедливости обуславливали его неприятие крепостного права. Ещё в молодые годы поэт написал стихотворение, где говорилось:

*«...Увижу ль, о, друзья! народ неугнетённый
И рабство, падшее по манию царя, ...»*
[9, с. 79].

Читая эти и иные строки в литературных журналах, русские патриоты формировались как личности в борьбе за правое дело и вели за собой других.

XIX век принёс с собой ощущение уникальности, самобытности российского национально-исторического бытия, трагического (у П. Я. Чаадаева) и горделивого (у славянофилов) осознания своей несхожести с Европой. История впервые стала для образованных людей своеобразным «зеркалом», взглянув в которое, можно было узнать себя, почувствовать собственное своеобразие и неповторимость.

В 30-40-х гг. XIX века в общественной мысли России выделились три идейно-политических направления: реакционно-охранительное (консервативное самодержавно-охранительное), либеральное, революционно-демократическое (революционно-социалисти-

ческое), все они представляли собой яркую противоположность друг другу.

Так, реакционно-охранительное направление представляло собой приверженность самодержавию, крепостничеству и православию, что объявлялось важнейшими устоями и гарантией от потрясений и смут в России.

Основной теорией этого направления считалась теория официальной народности, разработанная министром народного просвещения С. С. Уваровым (1786-1855 гг.), историком М. П. Погодиным (1800-1875 гг.) и С. П. Шевырёвым (1806-1864 гг.). Они проповедовали тезис о неизблемости коренных устоев российской государственности. К таким устоям они относили самодержавие, православие и народность.

Самодержавие они считали единственно адекватной формой российской государственности, а верность православию у россиян — признаком их истинной духовности.

Народность понималась как необходимость для образованных сословий учиться у простого народа верности престолу и любви к правящей династии. «Простой народ, — писал В. И. Даль (1801-1872 гг.), — упорнее хранит и сберегает исконный быт свой, и в косности его есть и дурная и хорошая сторона. Отцы и деды — для него великое дело; не раз ожигались на молоке, он дует и на воду, недоверчиво принимает новизну, говоря: «Всё по-новому да по-новому, а когда же будет по-доброму?» Он неохотно отступает от того, что безотчётно всосал с матерным молоком и что звучит в мало натруженной голове его складной речью. Ни чужие языки, ни грамматические умствования не сбивают его с толку, и он говорит верно, правильно, метко и красно, сам того не зная...» [4, с. 6].

В условиях мертвящей регламентации жизни времён Николая I огромное впечатление на русское общество произвело знаменательное «Философическое письмо» П. Я. Чаадаева (1794-1856 гг.). В подавленном состоянии и

отчаянии он писал, что Россия не внесла ничего ценного в сокровищницу мирового исторического опыта. «Мы принадлежим к числу тех наций, которые как бы не входят в состав человечества, а существуют лишь для того, чтобы дать миру какой-нибудь важный урок. Наставление, которое мы призваны преподать, конечно, не будет потеряно; но кто может сказать, когда мы обретём себя среди человечества и сколько бед суждено нам испытать, прежде чем исполнится наше предназначение?» [12, с. 44].

Очевидным является то, что все народы Европы имеют общую физиологию, некоторое семейное сходство. При этом, у каждого из этих народов есть ещё свой частный характер, но и тот и другой всецело сотканы из истории и традиций. Они составляют преемственное идейное наследие этих народов. И несмотря на это Чаадаев далее пишет «Исторический опыт для нас не существует. Поколения и века протекали без пользы для нас <...>. Мы не внесли ни одной идеи в массу идей человеческих. Ничем не содействовали прогрессу человеческого разума, и всё, что нам досталось от прогресса, мы исказили <...>. Ни одна полезная мысль не родилась на бесплодной почве нашей Родины, ни одна великая истина не вышла из нашей среды...» [12, с. 47].

Прошлое России принималось им в тёмных тонах, настоящее подражание прошлому, а будущее бесперспективным (1836 г.) — таковы были его публикации в журнале «Телескоп», важным был лишь призыв к диспуту о России.

Большинство современников П. Я. Чаадаева не приняло и не поняло его философии. В числе критиков оказался приятель П. А. Чаадаева, его старинный добрый знакомый А. С. Пушкин. В октябре 1836 г. он отправил автору обстоятельное письмо, где выразил несогласие по ряду принципиальных умозаключений и заметил, что в истории России, в отличие от стран Западной Европы, «было своё особое предназначение». [10, с. 537].

Эта точка зрения была не нова. Тот же факт, что её разделял такой универсальный мастер и великий интеллектуал своей эпохи, как А. С. Пушкин, придавало ей особую значимость.

Так, в своём письме к П. Я. Чаадаеву А. С. Пушкин написал: «Хотя лично я сердечно привязан к государю, я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора — меня раздражают, как человека с предрассудками — я оскорблён, — но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить Отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог её дал» [10, с. 534].

Великий русский поэт-патриот, дороживший честью и славой Отечества одновременно являлся и искренним «певцом свободы», и бескорыстным «апологетом империи», при этом всегда сохраняя цельность личности и патриота Родины. Он и ему подобные современники не оставались равнодушными к судьбе своего народа и Отечества и продолжали поиск в разрешении проблем современности и будущего России.

Национальное пробуждение русской интеллигенции (интеллектуальной элиты), несмотря на жестокие цензурные ограничения, продолжало развиваться. Выражалось это, прежде всего в попытках в рационально-философской форме осмыслить исторический путь России, её место и роль во всемирной истории, особенности её культуры с учётом отечественного и западно-европейского опыта, теоретически обобщить формы духовной жизни русского общества. Такова сущность массового пробуждения интеллектуальной элиты общества страны. «Пробуждению, — писал Г. Флоровский, — всегда предшествует более или менее сложная историческая судьба, полный и долгий исторический опыт... — теперь он становится предметом обдумывания и обсуждения. Начинается философская жизнь, как новый модус или новая ступень народного существования... Без длительной

и интенсивной духовной эволюции философское пробуждение в XIX веке не было бы возможным. Его предпосылки складывались на всём протяжении предшествующей российской истории [11, с. 234].

Толчок к расколу в русской общественной мысли, как об этом выше упоминалось, и возникновение в ней в 30-40-е гг. XIX века двух противоположных течений — славянофильства и западничества дала философия П. Я. Чаадаева. Между ними возник острый спор об исторической судьбе России, её прошлом, настоящем и будущем, о её призвании в мире. Суть полемики заключалась в том, что должна ли Россия идти вслед за Западом по пути общечеловеческого (единого для всех) прогресса и усваивать достижения мировой цивилизации или же у неё должен быть свой особый (самобытный) путь развития.

Рассмотрев эти два течения общественной мысли России в первой половине XIX века мы узнаём истину в истории нашего Отечества.

Славянофильство, или в буквальном смысле «славянолюбие», появилось в России в период царствования Николая I, ратовавшее за исконно славянский, неповторимый путь развития русской культуры, за полное неприятие Россией пути западноевропейского развития. Родоначальниками и наиболее известными деятелями этого течения являлись представители старинных русских дворянских фамилий: А. С. Хомяков (1804-1860 гг.), братья И. В. (1806-1856 гг.) и П. В. (1808-1856 гг.) Кириевские, братья И. С. (1823-1886) и К. С. (1817-1860) Аксаковы, Ю. Ф. Самарин (1819-1876). Сосредоточением славянофильства стала Москва, где в гостиных барских особняках велись оживлённые споры о России, её историческом пути, её месте в мире. Издавали славянофилы и свои периодические издания. Наиболее известными являлись газеты «Москвитинин», «Русь», «Молва», «День» и журнал «Русская беседа».

В ходе дискуссий и споров славянофилы выработали основные идейные черты своего течения.

Во-первых, старания славянофилов были направлены на разработку христианского миропонимания, опирающегося на учение отцов восточной церкви и православия в той самобытной форме, которую ему придал русский народ. Они чрезмерно идеализировали политическое прошлое России и русский национальный характер. Славянофилы высоко ценили самобытные особенности русской культуры и утверждали, что русская общественная и политическая жизнь развивалась и будет развиваться по своему собственному пути, отличному от пути западных народов.

Во-вторых для славянофильства как мировоззрения свойственна критика западной цивилизации как якобы «безбожной», низменной и бездушной, в которой господствует дух эгоизма, наживы и прагматизма. В этом мире всё продаётся и всё покупается, включая и самого человека. По мнению славянофилов, Россия призвана оздоровить Западную Европу духом православия и русских общественных идеалов, а также помочь Европе в разрешении её внутренних и внешних политических проблем в соответствии с христианскими принципами.

В-третьих, славянофилы критиковали феодально-крепостническую действительность, выдвигали положение о том, что «сила власти — царю, сила мнения — народу», высказывались за свободу слова и гласный суд, за созыв земского собора, который имел бы совещательный голос, и освобождение крестьян «сверху» с выкупом и небольшим наделом земли. В целом, они считали самодержавие исконной формой правления русского народа, основанного на соглашении между народом и правительством, исключаям противоречия и вражду, классовую борьбу и революцию.

В-четвёртых, славянофилы были убеждены, что социальной ячейкой

русского общества должна стать патриархальная семья, они идеализировали допетровскую Русь, где мораль и традиции народа ещё не были разрушены западной культурой. В рамках этого мировоззрения выделялась идея соборности.

Соборность — это множество, объединённое в свободное и органическое единство силой любви. Только в соборном единении личность обретает свою подлинную духовную самостоятельность. Соборность противоположна индивидуализму, разобщённости и отрицает подчинение какому-либо авторитету, включая и авторитет церковных иерархов ибо её неотъемлемым признаком является свобода личности, её добровольное и свободное вхождение в церковь. Поскольку истина даётся только соборному сознанию, то и истинная вера, по мнению славянофилов, сохраняется лишь в народном соборном сознании. Они полагали, что в конечном счёте вера определяет и движение истории, и быт, и мораль, и мышление. Поэтому идея истинной веры и истинной церкви лежала в основе всех их философских построений.

В целом же мировоззрение славянофилов было основано на трёх принципах: православие, самодержавие, народность. По сути дела, славянофильство — это философия религиозно окрашенного коллективизма. Это философия, опирающаяся на самобытность России, её историческое и культурное своеобразие. Отличительной чертой славянофилов явилось соединение в их творчестве православия и российского патриотизма. Главное в их философском учении — стремление к целостности и единству.

В научной литературе утвердилась мысль о том, что славянофилы игнорировали исторический опыт Западной Европы. Такая точка зрения является неверной. В действительности славянофилы не отрицали достижений западноевропейской культуры, высоко ценили внешнюю обустроенность западной жизни, с глубоким уважени-

ем относились к западноевропейской науке. Но их открытое неприятие вызывало господство индивидуализма, раздробленность, обособленность духовного мира людей, подчинение духовной жизни внешним обстоятельствам, господство материальных интересов над духовными. Всё это, считали славянофилы, явилось следствием рационализма, который стал преобладающим в западном мышлении из-за отхода западного христианства, т. е. католичества (латинства, как писал И. В. Киреевский), от подлинной христианской религии. Из-за того, что римская иерархия ввела в веру новые догматы, рассуждал Киреевский, «произошло то первое раздвоение в самом основном начале западного вероучения, из которого развилась сперва схоластическая философия внутри веры, потом реформация в вере, и наконец, философия вне веры. Первые рационалисты были схоластики; их потомство называется гегельянцами» [6, с. 296]. В философии Гегеля славянофилы видели вершину развития западного рационализма, с которой стали особенно явно видны как достижения последнего, так и его неизлечимые пороки. Главный среди них — разрушение цельности человеческого духа, абсолютизация логического мышления, которое, по их мнению, отделялось в рационализме от других познавательных способностей и противопоставлялось им. Славянофилы являлись высокообразованными людьми, прекрасно знавшими историю своего отечества. Имели они основательные знания по истории стран Западной Европы. Сравнивая, сопоставляя и размышляя, они пришли к выводу: Россия слишком самобытная страна, чтобы можно было считать, что она пойдёт тем же путём, каким пошли некоторые другие страны.

По мнению славянофилов, именно России предстоит миссия заложить основы общеевропейского просвещения, опирающегося на подлинно христианские начала, сохранившиеся в лоне

православия. Только православию, по их мнению, присуща свободная стихия духа, устремлённость к творчеству, оно лишено той покорности необходимости, которая свойственна западноевропейскому обществу с его рационализмом и господством материальных интересов над духовными, что привело в конечном итоге к разобщённости, индивидуализму, разорванности духа на составляющие его элементы.

Противоположный тип философствования был характерен для западников. Это представители направления общественной мысли России середины XIX в., связывавшие культурно-историческое развитие России с безоговорочным усвоением и повторением западноевропейского опыта. Термин «западники» впервые употребил Н. В. Гоголь в «Выбранных местах из переписки с друзьями» [3]. Сторонники западничества предпочитали говорить о себе как о противниках славянофильства. Впервые они заявили о себе в апреле 1841 г., когда в журнале «Отечественные записки» были опубликованы две статьи Виссариона Григорьевича Белинского (1811-1848), ныне известные под одним названием «Россия до Петра Великого».

В самом западничестве можно выделить два направления. К первому примыкали В. Г. Белинский, А. И. Герцен (1812-1870), Н. П. Огарёв (1813-1877), Д. И. Писарев (1840-1868) и др. Нацеленность на социальные преобразования снискала этому направлению репутацию левого крыла. Они вошли в историю как революционные демократы. Правое крыло западников было, хотя и многочисленным, но зато и более умеренным либеральным. Возглавлял движение профессор Московского университета Тимофей Николаевич Грановский (1813-1855). Вокруг него объединялись К. Д. Кавелин (1818-1885), В. П. Боткин (1811-1869), П. В. Анненков (1813-1877), Б. Н. Чичерин (1828-1904) и др.

Западники активно выступали за европеизацию страны, за решительную

ликвидацию феодально-крепостнических отношений и развитие общества по капиталистическому пути. В этом смысле они являлись как бы «агентами Запада» в русской культуре. Идеалами западников были гуманистические учения эпохи Возрождения и французского Просвещения, передовые идеи в творчестве Г. Гегеля и Л. Фейербаха. Они очень высоко оценивали деятельность Петра Великого, считая его реформы прогрессивными.

Представители западничества не отличались религиозностью, в философских и историософских построениях придерживались идей секуляризма. В центр мироздания они ставили индивидуальность, живое человеческое «Я». История для них была синонимом прогресса, конечная цель которого — создание общества, способного обеспечить личности условия полной свободы, благосостояния и гармоничного развития. Движущей силой истории, по их мнению, являются не народные массы, а рационально мыслящие индивиды. Общественный прогресс будет наступать по мере гуманизации индивидуального сознания и всей системы общественных отношений. Для философии западников весьма характерно просветительство. Так, славянофильскому идеалу соборности западники противопоставляли веру в творческие возможности просвещённого разума, способного обуздать силы природы и истории.

В целом западничество являлось российским вариантом европейского либерализма, а славянофильство — российским вариантом общеевропейского романтического консерватизма, резко и при том справедливо критикующего европейскую философию за обоснование рационализма, индивидуализма и утилитаризма.

Для западников, как и для славянофилов, также характерно стремление теоретически осмыслить историю России и Европы, их будущее, осуждение самодержавия и крепостничества. Но в отличие от славянофилов, за-

падники делали акцент на творческом усвоении опыта Западной Европы, особенно в общественно-политической области. Для достижения целей социально-политического преобразования российского общества (отмена крепостного права, обеспечение свободы личности, свободы слова и печати и т. п.) западники предусматривали необходимость радикальных методов борьбы, коренной ломки традиций российского общества.

Западничество и славянофильство, которые в ряде случаев шаблонно разводятся до полярного противостояния, в действительности представляют собой единый феномен в истории философской мысли России, имеют общие истоки, и их формирование невозможно представить, проведя между ними строгую разграниченную линию. Славянофильство без западничества так же не представимо, как и западничество без славянофильства, их нельзя представлять как враждебные партии. И славянофилы и западники — пламенные патриоты России, озабоченные путями её исторического развития, её прошлым, настоящим и будущим. «С них, — писал А. И. Герцен о славянофилах в «Былом и думах», — начинается перелом русской мысли... Да, мы были противниками их, но очень странными: у нас была одна любовь... И мы, как Янус, смотрели в разные стороны, в то время как сердце билось одно» [2]. Да и самого Герцена трудно отнести к тем или другим: славянофилам или западникам. Считая высшим достижением социально-философской мысли социалистический идеал, Герцен в 50-60-е гг. развивает идеи русского социализма. Он резко критикует западноевропейский путь буржуазного развития, полагая, что у России должна быть иная историческая судьба. Он утверждал, что русская деревенская община с её коллективной собственностью на землю, уравнительными отношениями и самоуправлением содержит зачатки социализма, который найдёт своё осуществление в

России раньше, чем на Западе. Для этого необходимо просвещение народа и его приобщение к идеям социализма.

Герцен, глубоко изучивший опыт западноевропейских государств, революционных движений, пришёл к выводу, что идея социализма, созревшая на западной почве, может осуществиться там, где найдёт более благоприятные условия, а именно в России на основе крестьянской общины. При этом он развил мысль Чаадаева о том, что отсталость России может стать её преимуществом, ибо, усвоив достижения западноевропейской науки, она сможет избежать тех негативных моментов, которые сопутствовали движению западного общества вперёд, и даже миновать стадию буржуазного развития в том виде, в каком она проявлялась в Западной Европе. Эти идеи Герцена получили развитие в творчестве Н. Г. Чернышевского (1828-1889). Последовательное проведение антропологического принципа привело Н. Г. Чернышевского к обоснованию принципов социализма (общечеловеческий интерес реализуется в интересах трудящихся классов, т. е. большинства общества).

При характеристике основных направлений философской мысли России первой половины XIX в. необходимо учитывать ту духовную атмосферу, которая сложилась после подавления декабристов. Декабристы представляли собой лучший цвет российского общества, его интеллектуальную мощь и нравственное благородство. После разгрома декабристского движения в стране наступила самая дикая реакция, связанная с царствованием Николая I.

В интеллектуальной обстановке 30-40-х гг. XIX в. практически вся умственная жизнь, всё, что ещё могло думать и иметь своё собственное мнение, было сконцентрировано в тесных кружках, салонах. Из наиболее известных кружков того времени можно упомянуть те, которые группировались вокруг Станкевича и Герцена, а наиболее посещаемые салоны — А. П. Ела-

гиной и Свербеевых. В своих воспоминаниях Б. Н. Чичерин назвал кружки «лёгкими, которыми в то время могла дышать сдавленная со всех сторон русская мысль». В атмосфере дискуссий и бесконечных споров, истинный смысл которых очень редко мог быть представлен широкой публике (исключение «Философические письма» Чаадаева), возникли совершенно новые, рождённые интенсивной в то время деятельностью самосознания, идеи. Главными вопросами были: кто мы, откуда, какова наша роль и предназначение в истории и каким будет или должно быть будущее России. В этом смысле следует особо отметить роль Чаадаева, который смог (иногда в парадоксальной форме) сформулировать ряд проблем, впоследствии получивших своё развитие в идеологии западничества, и славянофильства. Тех, кого мы сегодня называем «западниками» и «славянофилами», объединяло чувство недовольства существующим режимом, и все их помыслы были направлены к поиску путей, которые могли бы привести к исправлению ненормального положения вещей в России. В этом смысле и те, и другие были в оппозиции к русской самодержавной политике. Что касается их теоретических взглядов, то при внимательном их рассмотрении можно прийти к выводу, что между ними было больше сходства, нежели различий. И те и другие признавали факт своеобразия русской истории, её неадекватности истории западноевропейской. В отношении к прошлому, в восприятии настоящего они были солидарны. Что касается будущего, то здесь их пути расходились. Обычно принято считать, что главным пунктом расхождения между двумя «партиями» была их противоположная оценка петровских преобразований. Но этот пункт носил внешний характер. Внутренние расхождения лежали намного глубже — они касались отношения к западноевропейской образованности, науке, просвещению. Славянофилы также были сторонни-

ками образованности и просвещения (см. статью Киреевского «Девятнадцатый век» [6]), но считали необходимым искать в науке истинную народность, а не заимствовать западноевропейские образцы. Западники же отвергали возможность существования какой-то особенной, национальной или, пользуясь терминологией славянофилов «народной науки» (в конце концов, и сами славянофилы так и не смогли объяснить, что всё же таки имелось в виду под понятием «народность науки»). Со спора о «народности науки» дискуссия переходила в сферу принципиальных мировоззренческих проблем. Речь шла о соотношении общечеловеческого и народного, национального в историческом процессе. Если западники подчёркивали первенство общечеловеческого начала, то славянофилы склонялись к преувеличению роли народного, национального фактора в истории. Эту противоположность можно проследить и в выдвижении из славянофильской среды идеи «мессианства» России. И всё же строго разграничивать эти два «лагеря» (по крайней мере, до открытого разрыва в 1844 г.) вряд ли целесообразно. Единственным важным мировоззренческим различием было отношение к духовным ценностям православия. Славянофилы отстаивали принципы своеобразно понятой ими христианской философии, тогда как западники в целом придерживались секулярных, рационалистических взглядов. Кроме оппозиции к существующей социально-политической системе, кроме идей о необходимости серьёзных в ней изменений, кроме того факта, что те и другие испытывали серьёзное влияние немецкой классической философии (Белинский, Герцен, Чичерин, Киреевский, Хомяков, Самарин), их сближали, наконец, и дружеские связи.

Следует отметить, что при сравнении мировоззренческих установок тех, кого мы относим к западникам, можно выявить определённые различия, доходящие иногда до прямо противополож-

ных позиций, причём в существенных философских вопросах. В западничестве на его раннем этапе выделяются «левый» (или леворадикальный) лагерь (Белинский, Герцен, Огарев, Чернышевский, Добролюбов, Писарев) и те, кого можно назвать «правыми» западниками (Анненков, Боткин, Корт, Кавелин, Чичерин). Центральную позицию, не примыкая ни к той, ни к другой стороне, а наоборот, примиряя их, занимал Грановский. Но и ему пришлось сделать выбор: в 1846г. происходит его ссора с Герценом. Всё это свидетельствует о неоднородном составе западнического направления, если рассматривать его в мировоззренческом плане.

Исторический опыт дискуссий 40-50-х гг. XIX в. в России между западниками и славянофилами имеет непреходящее значение. Их отзвуки в разной форме, в различном терминологическом выражении проходят и через все последующие десятилетия XIX в. (почвенничество, либералы и консерваторы) и продолжают вновь возникать в XX и XIX вв.

До сих пор в России сильно противостоят западного и восточного (славянофильского) начал в общественной и политической мысли и жизни. И до сих пор актуальными остаются поиски надлежащего, практически значимого (в сфере экономики, политики, общественной и государственной жизни) синтеза российской «самобытности» и западных достижений, включая сферу проблем общественного и государственного устройства, прав и свобод человека и гражданина, политико-правовой культуры и т. д. Своеобразное сочетание этих двух начал (модернизаторски-западнического и охранительно-славянофильского) по существу характерно для проводившихся в России крупных реформ на протяжении XVII-XX вв.

С одной стороны, жизненные потребности страны требовали европейской модернизации и российские реформаторы осознавали необходи-

мость назревших изменений. С другой стороны, европейские ориентиры проводимых реформ требовали глубоких, всесторонних и последовательных, словом — буржуазных преобразований всего общественного и государственного строя, т. е. того, что подрывало основы самодержавия и выходило далеко за рамки реформаторского потенциала и преобразовательных целей российской правящей верхушки. Ведь именно эта правящая верхушка была основным автором и проводником российских реформ. Общество же по сути было объектом, а не субъектом реформ, и его интересы учитывались лишь постольку, поскольку соответствовали интересам, целям и устремлениям правящей власти и сохранению российского самодержавия.

С этим связаны и присущие российским реформам половинчатость, внутренняя противоречивость, непоследовательность. Зачастую замыслы и проекты российских реформ оставались на бумаге, нередко заявленные реформы осуществлялись лишь частично, свёртывались, не доводились до конца. За крупными прогрессивными реформами нередко следовали контрреформы, в ходе которых позитивные итоги проведённых реформ во многом сводились на нет, а реформаторские «дары» от власти населению и обществу отбирались обратно. Но полностью загнать развитие страны в дореформенное русло, как правило, не удавалось, и через определённое время неудовлетворённые потребности вновь порождали необходимость продолжения реформ, но уже с несколько более высокой, чем ранее, исходной ступени.

Из громадного теоретического наследия славянофилов большую значимость приобретает идея соборности. По мнению крымского современного философа Ф. В. Лазарева, соборность — понятие синтетическое. Оно включает в себя единство, свободу, солидарность. Понятие соборности получило своё развитие в понятии всеединства,

глубоко разработанного Вл. Соловьёвым. Важнейшей чертой соборности является духовность, независимо от того имеет она религиозные или светские корни. Вот, что пишет Ф. В. Лазарев по этой проблеме: «Идея соборности сегодня нуждается ещё в одном дополнении — в принципе духовно ориентированного разума, в «ноосферной философии». Похоже на то, что к XXI веку славянское любомудрие делает новый шаг, соединив философию сердца с принципом рациональности. Сердце станет мудрым, а мудрость — сердечной» [8, с. 190-191].

На основании вышесказанного можно сделать следующие выводы.

1. Важнейшие философские направления в лице славянофильства и западничества были ответом на те фундаментальные вопросы, которые стояли перед Россией первой половины XIX века, ибо любая философская система является дочерью своей эпохи.

2. Славянофилы отстаивали особый, самобытный путь исторического развития России восхваляли «общинное начало» в русской жизни, выступали против усвоения и применения в России достижений западного экономического, политического и правового опыта.

3. Для западников были характерны ориентиры на западноевропейские духовные политико-правовые ценности и соответствующие институты европейской общественной и государственной жизни, включая идеи и институты гражданского общества, конституционализма, признание прав и свобод представителей всех сословий.

4. И по сей день представляется актуальной проблема соединения европейских достижений в области науки, техники, культуры с самобытным развитием России, с её историческими и национальными традициями. Самая главная задача для России заключается в том, чтобы сохранить и укрепить восточнославянскую цивилизацию, имеющую богатейшую духовную культуру.

5. В начале XXI века продолжается активное переосмысление истории

России и вместе с этим истории русской философской мысли. Сейчас открывается возможность посмотреть на проблемы, которые стояли в центре дискуссий между западниками и славянофилами, во многом по-новому. Но как в XIX веке, так и сейчас встаёт са-

кральный вопрос: относится ли Россия к Европе или Азии или она представляет собой самостоятельную восточнославянскую, евразийскую цивилизацию? Должна ли она повторять исторический путь развития Европы или идти своим, самостоятельным путём?

1. Бердяев Н. А. О характере русской религиозной мысли XIX века // Н. Бердяев о русской философии. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. — Ч. 2. — С. 3-31.
2. Герцен А. И. Былое и думы // Герцен А. И. Сочинения в 2-х т.: Т. 2 / Редкол.: М. Б. Митин (пред) и др.; Общ. ред. А. И. Володина, З. В. Смирновой; Сост., авт. примеч. З. В. Смирнова. — М.: Мысль, 1986. — 654 с.
3. Гоголь Н. В. Выбранные места их переписки с друзьями. — СПб: Типография Департамента внешней торговли, 1847. — 291 с.
4. Даль В. И. Пословицы русского народа / [вступ. ст., сост., примеч. М. Люстрова]. — М.: Олма-Пресс, 2004. — 702.
5. Зеньковский В. В. История русской философии: в 2-х т. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. — Т. 1. — 544 с.
6. Киреевский И. В. Критика и эстетика. Сост., вступ. статья и примеч. Ю. В. Манна; Редкол.: М. Ф. Овсянников (пред.) и др. М.: Искусство, 1979. — 439 с.
7. Кожевников А. Ю., Линдберг Г. Б. Мудрость веков. Россия. — СПб.: Издательство «Нева», 2006. — 576 с.
8. Лазарев Ф. В. Славянское древо. Книга судеб. Симферополь, 2003. — 248 с.
9. Пушкин А. С. / Собр. соч. в 10 тт. / Т. 1, Москва: РИСО АН СССР, 1950. — 527 с.
10. Сахаров А. Н. История России с древнейших времен до наших дней: учебник: в 2 т. Т. 1 / А. Н. Сахаров, А. Н. Боханов, В. А. Шестаков; под ред. А. Н. Сахарова. — Москва: Проспект, 2015. — 544 с.
11. Флоровский Г. В. Пути русского богословия. Отв. ред. О. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2009. — 848 с.
12. Чаадаев П. Я. Статьи и письма / П. Я. Чаадаев; сост., вступ. ст. и коммент. Б. Н. Тарасов. — [2-е изд., доп.]. — М.: Современник, 1989. — 623 с.

The article investigates the debate between Westerners and Slavophiles in the context of rethinking the history of Russia and history of Russian philosophical thought in the early twenty-first century. The problem of the connection of European achievements in science, technology and culture with a unique development of Russia, its historical and national traditions, is raised. The author comes to the conclusion about the necessity of maintaining and strengthening the East Slavic civilization, which has a rich spiritual cultures.

Keywords: *history of Russia, XIX century, society, the Slavophiles, the Westerners.*

Сведения об авторах

Артюхович Юлия Васильевна, доктор философских наук, профессор кафедры философии и права ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный технический университет»

Атик Аниса Ахмедовна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социальных наук ГБОУ ВО РК «Гуманитарно-педагогическая академия ФГАОУ Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Ялта.

Беленикин Павел Сергеевич, преподаватель кафедры музыкального искусства ГБОУ ВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма»

Галимова Елена Яковлевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры документоведения, информатики и проектной деятельности ФГБОУ «Краснодарский государственный институт культуры»

Горенкин Валерий Анатольевич, кандидат политических наук, доцент, ректор ГБОУ ВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма»

Гурленова Людмила Викторовна, доктор филологических наук, профессор, директор Института культуры и искусства ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»

Дулатова Анна Николаевна, доктор педагогических наук, профессор кафедры документоведения и проектной деятельности ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры»

Дурнева Инна Анатольевна, старший преподаватель кафедры специального фортепиано Донецкой государственной музыкальной академии имени С. С. Прокофьева

Захарова Вера Александровна, кандидат философских наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского филиала ФБГОУВО «Российский государственный университет правосудия»

Зиновьева Нонна Борисовна, доктор педагогических наук, профессор кафедры документоведения, информатики и проектной деятельности ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры»

Карпусь Вероника Ивановна, руководитель хора воскресной школы Николо-Богоявленский морской собор г. Санкт-Петербург

Кокорина Екатерина Георгиевна, кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии философского факультета Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Кравченко Александра Павловна, научный сотрудник ОБУК «Курская картинная галерея им. А. А. Дейнеки»

Курамшина Юлия Владимировна, кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии философского факультета Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Лукаш Владимир Яковлевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России факультета истории Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Макеева Жанна Робертовна, преподаватель кафедры хорового дирижирования ФГОУ ВО «Красноярский государственный институт искусств»

Моисеев Дмитрий Анатольевич, заведующий Музеем Археологии и пещерных городов «Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника»

Новицкая Елена Валентиновна, старший преподаватель кафедры музыкального искусства ГБОУ ВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма»

Новосельская Арина (Вера) Вадимовна, кандидат педагогических наук, министр культуры Республики Крым

Смирная Анастасия Андреевна, кандидат педагогических наук, доцент ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева»

Сомов Максим Витальевич, кандидат политических наук, доцент кафедры социального и гуманитарного образования ГБОУ ДПО РК «Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования»

Тумасян Сусанна Васильевна, преподаватель кафедры народного декоративно-прикладного творчества Краснодарского государственного института культуры

Шефель Сергей Викторович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского филиала ФБГОУВО «Российский государственный университет правосудия»

Authors

Artyuhovich Yuliya Vasilyevna, Doctor of Philosophy, Professor Volgograd State Technical University

Atik Anisa Akhmedovna, Candidate of Philosophy, Associate Professor V. I. Vernadsky Crimean Federal University

Belenikin Pavel Sergeevich, Crimean University of Culture, Arts and Tourism

Galimova Elena Yakovlevna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor Krasnodar state Institute of culture

Gurlenova Lyudmila Viktorovna, Doctor of Philology, Professor Syktyvkar State University named Pitirim Sorokin

Gorenkin Valery Anatolievich, Candidate of Political Sciences, Crimean University of Culture, Arts and Tourism

Dulatova Anna Nikolaevna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor Krasnodar State University of Culture

Durneva Inna Anatolevna, Senior professor Donetsk State Music Academy named after SS Prokofiev

Zaharova Vera Aleksandrovna, Candidate of Philosophy Crimean branch of «Russian State University of Justice»

Zinoveva Nonna Borisovna, Doctor of pedagogical Sciences, Professor Krasnodar State University of Culture

Karpus Veronika Ivanovna, Conductor of the Sunday School Choir Saint Nicolas' Naval Cathedral (St. Petersburg)

Kokorina Ekaterina Georgiyevna, Candidate of Culturology, Associate Professor Taurida Academy of V. I. Vernadskiy Crimean Federal University

Kravchenko Aleksandra Pavlovna, Researcher The Kursk Deineka Picture Gallery

Kuramshina Yuliya Vladimirovna, Candidate of Culturology, Associate Professor Taurida Academy of V. I. Vernadskiy Crimean Federal University

Lukash Vladimir Jakovlevich, Candidate of Culturology, Associate Professor Taurida Academy of V. I. Vernadskiy Crimean Federal University

Makeeva Zhanna Robertovna, Associate Professor Krasnoyarsk State Institute of Arts

Moiseev Dmitrij Anatol'evich, Bakhchisaray historical-cultural and archaeological Museum-reserve

Novitskaya Elena Valentinovna, Senior teacher Crimean University of Culture, Arts and Tourism

Novoselskaya Arina (Vera) Vadimovna, Candidate of Pedagogic Sciences Ministry of culture of the Republic of Crimea

Smirnaya Anastasiya Andreevna, Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor Siberian State University of Science and Technology named after Academician M. F. Reshetnev

Somov Maksim Vital'evich, Candidate of Political Sciences, Associate Professor Crimean Republican Institute of Postgraduate Pedagogical Education

Tumasyan Tatyana Viktorovna, Krasnodar State University of Culture

Shefel' Sergej Viktorovich, Doctor of Philosophy, Professor Crimean branch of «Russian State University of Justice»

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ КУЛЬТУРОЛОГИИ

В. В. Новосельская
Региональная культурная политика
в контексте общегосударственной: сущностные черты
и особенности реализации в современной России6

В. А. Горенкин
Культурная политика современной России:
тенденции и ориентиры развития16

С. В. Шефель., В. А. Захарова
Экофильный потенциал правовой культуры личности
как фактор гармонизации отношений социума с природой27

Е. Г. Кокорина
Проявления синтетичности в градостроительстве
и памятниках архитектуры Симферополя
конца XVIII — первой половины XIX вв.34

М. В. Сомов, Ю. В. Кураמיшина
Центр мультимедийных технологий в Крыму:
идея и перспективы41

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО ПОТЕНЦИАЛА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Ю. В. Артюхович
Проблемы духовно-нравственного
и экологического просвещения48

Л. В. Гурленова
Дизайн-образование в условиях классического университета ...54

<i>А. Н. Дулатова</i> Непрерывное образование: современные подходы к проблеме	59
<i>Н. Б. Зиновьева</i> Основные направления модернизации профессионального образования в условиях многоуровневой подготовки кадров	62
<i>А. А. Атик</i> Информатизация образования в этико-культурном ракурсе	67
<i>Е. Я. Галимова</i> Развитие профессиональных компетенций магистрантов в процессе преподавания учебной дисциплины «Моделирование управленческой деятельности»	72
<i>А. П. Кравченко</i> Формирование профессиональных умений будущего учителя предметной области «Искусство» средствами музейной педагогики	77
<i>Е. В. Новицкая</i> Возрастные аспекты овладения навыками игры на фортепиано: психолого-педагогический анализ проблемы	83
<i>А. А. Смирная</i> Образовательный сайт по курсу «Основы профориентационной и профконсультационной деятельности» как средство организации самостоятельной работы обучающихся	89
<i>С. В. Тумасян</i> Проблемы содержания обучения народному искусству в системе профессиональной подготовки бакалавров	96

ИСКУССТВОЗНАНИЕ

<i>П. С. Беленикин</i> Саксофон в академическом и джазовом музыкальном исполнительстве	102
<i>И. А. Дурнева</i> Образно-смысловой аспект фактуры пьесы К. Шимановского «Остров сирен» в контексте взаимодействия различных видов искусства	110
<i>В. И. Карпусь</i> Музыка и музыкальность в поэзии Якова Полонского	117
<i>Ж. Р. Макеева</i> Некоторые особенности развития любительского хорового пения в России	124
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ	
<i>Д. А. Моисеев</i> Особенности производства керамид в IX-X вв. в Крыму и его связи с черепичным делом Тамани, Грузии и Нижнего Дона	136
<i>В. Я. Лукаш</i> История общественной мысли в России в первой половине XIX века: славянофилы и западники о путях развития России	146

Научное издание

ТАВРИЧЕСКИЕ СТУДИИ

№ 13 (2017)

Технический и художественный
редактор *Е. В. Мажарова*
Вёрстка *А. В. Климашонок*

Подписано в печать ..12.2017
Формат 189×283
Усл. печ. л. ...
Тираж 300 экз.

Издательство «Антиква»
295000, Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь, пер. Героев Аджимушкая 6, оф. 3,
тел.: +7 978 891-37-01, e-mail: antikva07@mail.ru

Отпечатано с оригинал-макета заказчика
в типографии ИП Гальцовой Н. А.
Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь, пгт Аграрное, ул. Парковая, 7, кв. 908